

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

Г. Б. Бендетович

**СИСТЕМНОЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛЕКСИКИ
В СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Монография

Минск 2007

УДК
ББК
К

Печатается по решению редакционно-издательского совета БГПУ

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры
лексикологии французского языка МГЛУ В. В. М а к а р о в;
кандидат филологических наук, доцент кафедры
современных европейских языков БГПУ Н. М. Т о к а р е в и ч

Бендетович Г.Б.

Системное развитие французской лексики в семантико-прагматическом аспекте: монография./ Г. Б. Бендетович. – Минск: БГПУ им. М.Танка. 2007. – 208 с.

В монографии рассматриваются основные теоретические вопросы семантико-прагматического подхода к изучению системных процессов в лексике на материале латинского и современного французского языков. Автор предлагает новую трактовку прагматики как величины, производной от языка и социокультурной составляющей, что приводит к дальнейшей разработке и изучению роли этого феномена в формировании и трансформации лексической парадигмы прилагательных. В ходе исследования выявляются семантико-прагматические процессы и механизмы, позволяющие проследить закономерности функционирования лексических систем и составляющих их единиц, важнейшими из которых является взаимодействие и взаимообратимость семантики и прагматики.

Адресуется специалистам, интересующимся проблемами общей теории языка, романистики, лексической семантики и прагматики, вопросами сравнительно-сопоставительного и типологического изучения языков, когнитивной лингвистики, контекстологии.

УДК

ВВК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Важной особенностью современного этапа развития лингвистики является использование новых достижений и методов при анализе фундаментальных проблем, что позволяет выявить их ранее неизвестные, дополнительные свойства, под другим углом зрения рассмотреть уже устоявшиеся представления. В этой связи интегративное движение основных направлений различных наук позволяет решать задачи построения общей теории, пригодной для применения в интересующем исследователя аспекте.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена важной проблеме теоретического языкознания и романистики – изучению системного развития лексики современного французского языка с учетом историко-прагматических условий ее формирования. Прагматический фактор играет решающую роль в историческом развитии французского словаря, начиная от его возникновения и выделения как самостоятельной системы, производной от латыни, и заканчивая современным этапом его развития. Очевидно, что влияние прагматики также нельзя недооценивать и в дальнейшей судьбе французской лексики.

Основным постулатом нашего исследования является положение о том, что прагматические особенности лексики находятся в тесной взаимосвязи с их семантическими характеристиками, и оба параметра, взаимодействуя, переходят один в другой. Такой подход определяет актуальность и новизну предлагаемой работы. Впервые на материале романских языков в исторически-сопоставительном аспекте прослеживаются системные изменения в семантической структуре парадигмы и входящих в нее членов, обусловленные прагматическим фактором, сменой интенции говорящего субъекта и, шире, всего языкового коллектива.

Данная монография может оказаться полезной не только при рассмотрении проблем, связанных с семантико-прагматическими особенностями лексики в теоретическом аспекте, она адресована всем тем, кто интересуется различными вопросами романистики, типологического изучения языков, стилистики в

практической работе – педагогической, научно-исследовательской, переводческой.

Осуществление данного научного издания стало итогом многолетнего исследования автора, посвященного проблемам системности в лексике, лингвистической семантики и прагматики в их различных проявлениях, а также теоретическим и практическим вопросам историко-типологического развития романских языков.

Автор выражает глубокую благодарность за разностороннюю помощь администрации Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка, благодаря которой стало возможным осуществить данную публикацию. Искреннюю признательность и благодарность выражаем рецензентам: доктору филологических наук, профессору В.В.Макарову и кандидату филологических наук, доценту Н.М. Токаревич за ценные замечания и рекомендации, позволившие улучшить текст монографии при ее подготовки к печати.

ВВЕДЕНИЕ

Анализ наиболее значимых достижений в языкознании последнего времени показывает, что «эволюция мировой и отечественной лингвистики ознаменовалась двумя крупными прорывами – прорывом в макромир языка и прорывом в его микромир» (Апресян). Прорыв в микромир, или значительные достижения в области лексической семантики, скрупулезного лингвистического исследования лексемы, позволили изучить важнейшие механизмы языка, которые вывели лингвистику на новый уровень ее развития. Что касается макромира языка, то дальнейшее успешное продвижение в этой сфере предполагает, с одной стороны, интеграцию со многими смежными с лингвистикой науками, с другой – неразрывную связь с достижениями в области микромира, прочно соединяющими языковую и внеязыковую реальности. Не вызывает сомнения, что семантике по-

прежнему принадлежала ключевая роль в формировании и становлении нынешней лингвистической парадигмы.

На современном этапе развития науки о языке становится очевидным тот факт, что семантические исследования не могут замыкаться исключительно на вопросах внутрисловной структуры, рассмотренной изолированно от других языковых процессов. Многочисленные исследования последних лет приводят к выводу о том, что в значение, во внутреннюю форму слова – основной языковой единицы -- вторгается дополнительная информация. Эта информация переплетается с семантикой, часто сливается с ней настолько, что ее трудно отделить и идентифицировать. Речь идет о прагматике, которая находится в зоне значения, традиционно относящейся к семантике.

Тезис о периферийном, маргинальном положении прагматики по отношению к семантике на сегодняшний день не находит сколько-нибудь авторитетной поддержки. Термин «прагматика» применим к использованию слова в новом значении, еще не выделившимся в самостоятельный аспект семантики и представляющим собой производные оценочные элементы, которые могут выдвигаться на первый план. Такой подход позволяет определить прагматику как *объективное значение оценочного характера, то есть оценочный аспект семантики*. Прагматика как некий локомотив семантических изменений и развития выдвигает новые формы взамен устаревших.

Представление о прагматике как о хаосе, разрушающем устоявшиеся процессы в языке (Арутюнова), представляется несколько односторонним, так как не учитывает амбивалентный характер этого процесса, который насыщен созидательными моментами. Так, при сохранении референтной базы языковой единицы, но при изменении отношения, выбора говорящего прослеживаются ее разные измерения, если угодно значения. Развитие прагматических значений основано на механизме возникновения производного из исходного, например, из области первичных, чисто физических параметров значение перемещается в сферу абстрактных понятий. Прагматика является, таким образом, необходимым и неотъемлемым продолжением семантики (Г. Брекль).

Выбор темы нашего исследования продиктован возникшей в последние годы настоятельной потребностью пересмотреть сложившиеся представления о роли прагматики в языке, в частности, в таких процессах, как перераспределение значений, предпочтительное использование тех или иных форм и структур. Общий принцип всех современных научных направлений – антропоцентризм – непосредственно связан с изучением прагматики, то есть того, как люди используют и интерпретируют языковые знаки. Языковые единицы, имеющие прагматический компонент содержания, представляют в этой связи наибольший интерес, так как выполняют одновременно и коммуникативную, и оценочную функции.

Обращение к прагматической ситуации в широком понимании этого понятия объясняет, в частности, выбор лексической единицы исходя из интенции адресата. Если рассматривать прагматическую ситуацию как лингвистический и экстралингвистический контекст, необходимый и достаточный для объяснения выбора той или иной единицы языка, то становится очевидной потребность рассмотрения не только языковых, но и внеязыковых факторов, влияющих на конечный результат, а именно, появление вполне определенной данной лингвистической формы, которая закономерно возникает на пересечении многих параметров.

Понятие прагматики в лингвистике трактуется достаточно широко. Применительно к лексике, оно включает в себя, в частности, метафору, коннотацию, инференцию, фасцинацию, придающих дополнительное, глубинное измерение построениям, основанным на жесткой схематической базе. В целом, прагматика нередко способствует разрушению подобных построений, приводящему впоследствии к созданию новых, порядок которых будет сложнее первоначального состояния. Ядро прагматики – субъективная модальность, которая задается мотивом и целью коммуникации и лежит в основе выбора семантики и использования нужного слова. *Лингвистическая прагматика*, по А. Вежбицкой, Ю.С. Степанову и др., *это область семантики, в которой отсылка к говорящему играет основную роль*. Прагматическое значение

в определенных случаях может быть основным, хотя, по определению, оно добавочное к основному.

Роль прагматического фактора несомненна в разнообразных лексических процессах в романских языках, начиная от момента их зарождения и заканчивая современным состоянием. Для анализа эволюции романских языков, имеющих хорошо изученную историю и источник возникновения, обращение к латыни также традиционно, как и необходимо, при решении любых вопросов, связанных с лексико-семантическими дифференциациями, поскольку язык-основа всегда служит исходным пунктом для сравнения и материалом сопоставлений.

Это соображение обусловило подход, основанный на сопоставлении двух одноименных участков лексики в их начальном виде – в латыни – и в завершающей стадии на данном историческом этапе в романских языках, конкретно, в современном французском языке. Такое типологическое сопоставление когнитивно одноименных объектов весьма показательно как в общетеоретическом, так и в методологическом планах. Оно наглядно демонстрирует изменение семантической структуры анализируемых единиц, что естественно влечет за собой видоизменение микропарадигм, в которые они объединяются.

Вполне обоснованным в этой связи будет выбор в качестве **материала исследования** двух далеко отстоящих по времени парадигм, выражающих понятия «сильный» и «слабый» в латыни и в современном французском языке. Эти понятия относятся к категории базовых представлений о мире, воплощенных в нескольких дихотомиях, общих для всех языков, таких, например, как «большой/малый», «широкий/узкий», «высокий/низкий», «тяжелый/легкий» и пр., возможно, подчиненных более общим понятиям, например, «положительный/отрицательный». Качественные прилагательные, выражающие идею «сильный» и «слабый» в латыни и в современном французском языке представляют собой объединения слов, сгруппированных вокруг общего понятия. Они взаимодействуют между собой, а также с другими объединениями, связанными с рассматриваемыми различными сложными отношениями.

Цель нашего исследования -- установление природы организации и взаимоотношений элементов парадигм на материале рассматриваемых языков, что предполагает их сопоставление и выявление закономерностей, приведших к внутри семантическим и структурным изменениям лексики современного французского языка. В ходе исследования выявляются процессы, позволяющие по-новому оценить взаимосвязь семантики и прагматики как движущей силы организации лексического пространства.

Мы считаем, что основным фактором, движущей силой изменений на протяжении длительного исторического периода, в течение которого преобразовалось внутреннее и внешнее состояние исследуемых лексических парадигм, была прагматика. Именно прагматический фактор является основополагающим в процессе лексико-семантической эволюции и дифференциации романских языков в их движении от латыни к современным состояниям. Такой подход к определению прагматики, выяснению ее статуса и роли в языковой картине мира имеет несомненное теоретическое значение.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить понятие прагматики, выявить и обосновать ее статус и роль в качестве методологической основы исследования;
- изучить основные особенности и закономерности процессов, регулирующих жизнедеятельность парадигм прилагательных в латыни и в современном французском языке;
- проанализировать взаимосвязь семантики и прагматики в лексике на материале исследуемых парадигм.

Основным исследовательским приемом нашего исследования выступает анализ, основанный на методе лексико-семантического поля (ЛСП). Наиболее типичным для лексической системы, по мнению О.С. Ахмановой, является иерархический стержень. ЛСП как иерархически организованное построение отражает это свойство материала. Однако, структурное построение поля дополняется и, в значительной степени, видоизменяется под влиянием прагматики. Сознательное привнесение прагматики в теорию поля, которая туда

допускалась и не допускалась (Э.Косериу), привело к его переходу от линейности к объемности. Этот усложняющий и разрушающий ЛСП фактор в то же время является дополнительным, глубинным компонентом, который приводит к его новому восприятию. Возникшая в результате новая структура, сохраняя черты прежнего ЛСП, будет, естественно, сложнее исходной.

Предлагаемое исследование выполнено в русле нового для лингвистической науки направления, сущность которого заключается не столько в исследовании лексико-семантических процессов, связанных с эволюцией в языке, сколько в реализации основополагающей для языка идеи о том, что прагматический фактор является изначально движущей силой, приводящей к семантическим изменениям. В исследовании предпринимается попытка разработки авторской концепции прагматики: механизма ее возникновения, реализации и взаимодействия с семантикой. С этих позиций анализируются внутри- и межъязыковые изменения, которые осмысливаются по-новому с учетом прагматической составляющей, так как она трактуется в монографии.

Основные направления лингвистического анализа на современном этапе учитывают интеграционные процессы, синтез различных самостоятельных подходов, характеризующих новый полипарадигмальный статус нынешней науки о языке. Сказанное в полной мере относится к исследовательской базе и методам, которые используются в основополагающих работах по прагматике. Наиболее необходимыми и целесообразными являются теоретические положения, сформулированные в трудах Л.Витгенштейна, Б. Уорфа, Ч.Морриса, Ж. Лича, Дж. Лайонза, Б. Потье, Р.Якобсона, Э.Бенвениста, Э. Косериу, Р. Барта, У. Эко, Ю.М. Лотмана, одновременно учитываются данные исследований, связанных с разработкой общих и конкретных вопросов лингвистической прагматики (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Е.В. Падучева, Н.Ю. Шведова, G. Breckle, A. Berrendonner, H. Geckeler, G. Genette, P. De Man).

Предложенный подход к определению прагматики, выявлению ее статуса и роли в языковой картине мира имеет теоретическую и практическую значимость

для общей теории лингвистики, многих ее разделов и, в первую очередь, для лексикологии, лексической семантики, сопоставительной лексикологии, типологии. Изменение семантического статуса слова под влиянием прагматических факторов дополняет и видоизменяет системный подход в изучении лексики. Многие семантические явления получают дополнительные объяснения и аргументы, вытекающие из положения о взаимодействии и взаимообратимости семантики и прагматики. Само ЛСП, как проявление системности в языковом пространстве, становится достаточно произвольным и факультативным построением вследствие трансформирующего влияния прагматики. Однако использование метода поля для изучения языка по-прежнему важно, поскольку позволяет представить его отдельные фрагменты как непрерывность постоянства и изменений.

Практическая значимость предлагаемой монографии состоит также в возможности применения изученной методики исследования лексических объединений на материале других языков. Изучение прагматических процессов, непосредственно связанных с семантикой, открывает новые возможности в области общего языкознания, семиотики, типологического и сопоставительного изучения языков, стилистики, лингвопрагматики, межкультурной коммуникации, анализа текстов различной природы, риторики. Некоторые теоретические положения, изложенные в исследовании, целесообразно использовать в лекционных курсах по общему и сравнительному языкознанию, а также по теоретической и сравнительной лексикологии. Что касается иллюстративного материала, представленного в работе, то он может как непосредственно применяться в вузовской и исследовательской практике, так и служить основой для создания дидактических материалов.

В непосредственно прикладном аспекте результаты исследования могут быть использованы в теоретических курсах по общему языкознанию, лексикологии романских языков, в спецкурсах по современной лингвистике, семантике и прагматике, культурологии, а также в практике преподавания иностранных языков. Материалы исследования найдут применение на практических и семинарских занятиях по сопоставительной лексикологии,

типологии, в темах, связанных с лексической семантикой, системным изучением лексики, семантическими преобразованиями.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПРАГМАТИКИ В СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ.

Отформатировано:
русский (Россия)

1.1.1 СМЕНА ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.

Говоря о современном состоянии науки о языке, необходимо оглянуться, по крайней мере, на последние два столетия, чтобы яснее увидеть общее движение, проходящее в виде смены различных направлений в языкознании. Можно говорить о том, что в течение двух последних веков сравнительно-историческая парадигма сменилась структуральной, разновидностью которой явился генеративизм. Переживаемая нами постструктуральная эпоха в языкознании имеет, как отмечалось неоднократно, полипарадигмальный характер.

Понятие парадигмы, введенное в научный обиход Т.Куном [118], было использовано в лингвистике для систематизации и периодизации, что дало возможность представить историческую картину науки о языке в виде смен главных парадигм. Наряду с парадигмой, так как она определена у Т.Куна («Под парадигмой я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки

проблем и их решений» [Там же, с.163]), следует учитывать также и ведущее философское направление эпохи, или «школу», под эгидой которой происходило развитие лингвистической мысли на определенном временном отрезке.

Так идеи И.Гердера и Ф.Шлегеля и их влияние на романтическую филологию, подчеркивавшую в языке творческий и динамический аспект, нашли наиболее яркое воплощение в учении В.Гумбольдта о языке как духовной энергии («дух языка»), присутствующей постоянно в жизни, как отдельной личности, так и целого народа [77]. Противоположный подход, идущий от традиций латинских грамматик, можно назвать рационалистическим. Основанный на позитивистской концепции, этот взгляд на язык видит его как заданный объект, построенный по определенным законам из заданных единиц. Главная идея об элементарных единицах и способе их сочетания, в результате чего составляется устойчивая и упорядоченная картина языка, в дальнейшем породила новейшие структурные и генеративные модели языка в XX веке.

Эти, а также другие подходы оставили не просто память в истории языкознания: их методология, исследовательские приемы в той или иной степени послужили основой нынешнего этапа в развитии науки о языке. Так, сравнительно-исторический метод, несмотря на солидный возраст, не утратил актуальности при разработке типологических вопросов, проблем, связанных с диахроническими исследованиями, интерес к которым явно наметился во второй половине XX века.

В начале этого же века господствующим направлением в языкознании стали идеи Ф. де Соссюра о релятивных знаковых ценностях (*valeurs*), отношения между которыми образуют структуру. Появившиеся значительно позже структурные и генеративные модели были в целом основаны на представлении о языке как идеальном системном устройстве, которое недоступно непосредственному наблюдению, но интуитивно используется всеми говорящими на данном языке. Лингвистическая мысль последних десятилетий стремится преодолеть соссюрское противопоставление диахронической и синхронической лингвистики. Она нацелена на построение более всеобъемлющей лингвистической теории, по сравнению с чисто таксономическими построениями,

преобладавшими некоторое время в качестве теоретической основы. Своеобразный возврат к проблематике классического индоевропейского сравнительно-исторического языкознания характерен привлечением новых методов языкового описания, успешно применяющихся в разных направлениях синхронной лингвистики и языковой типологии.

Такой интеграционный аспект языкового анализа в современной лингвистике позволяет выявить универсальные языковые категории, характеризующие глубинные структуры языка, и определить степени различия как между разными историческими языковыми системами, так и между разными этапами развития одной системы. Как отметил Р. Якобсон, «между расширением сравнительно-исторической проблематики и явной установкой описательной лингвистики на вскрытие системной структуры естественно возникает процесс интеграции: отпадает принудительность ограничения задач сравнительного языкознания одним лишь генетическим сравнением, и одновременно вопросы системной структуры выходят, наконец, за пределы описательной лингвистики и находят себе благодарное приложение к историческому прошлому изучаемых и реконструируемых языков» [219].

Сравнительно-историческая парадигма достаточно легко соотносится с позднейшими направлениями, такими, например, как структурализм. Не останавливаясь подробно на достоинствах и слабых сторонах структурализма, достаточно подробно освещенных в многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях, отметим лишь, что многие исследовательские приемы этого направления остаются в арсенале ученых теоретически достаточно далеких от основных постулатов структурной лингвистики. В частности, компонентный анализ в его различных модификациях настолько широко вошел в языковедческую практику, что его широко применяют не только отдельные исследователи, но и авторы лексикографических трудов, составители словарей. На этом методе основаны словарные дефиниции, в частности, таких авторитетных словарей французского языка как *Lexis, Dictionnaire du français contemporain, Trésor de la langue française* и др.

Влияние структурной лингвистики с ее стремлением к строгому формальному описанию языка, часто с привлечением данных точных наук, возможно, еще недостаточно оценено. Несомненно одно: разработке таких понятий как иерархическая зависимость, дистрибутивный, трансформационный, компонентный метод мы обязаны именно этому направлению. Структурная лингвистика открыла дорогу для широкого применения в языкознании математических методов. Благодаря ей возникла новая наука -- математическая лингвистика. В результате взаимодействия традиционных и новых подходов произошло перемещение исследовательских интересов от статического представления структуры языка к динамическому, развилась порождающая лингвистика.

Структурная лингвистика как этап в развитии лингвистической мысли связан с переходом от эмпирического описания фактов языка к их системному осмыслению на новом уровне. Основу этого перехода составило использование структурного анализа, моделирования, формализации лингвистических процедур. Само понятие «структура» в истории мысли имеет уходящую в глубокую древность традицию. Как отмечает У.Эко, «речь идет о термине, который определяет одновременно целое, части этого целого и отношение частей между собой, об автономной целостности внутренних зависимостей (См. [269]), о некоем целом, образованном слитыми воедино частями, причем все они зависят друг от друга и каждая из них может быть тем, что она есть, только во взаимосвязи со всеми остальными» [212,с.260]. У.Эко замечает далее, что если структуру понимать как некую систему внутренних органичных связей *ou tout se tient* (где все «держит» друг друга), то в таком случае придется признать, что структуралистский подход характерен для всей истории философии, начиная, по крайней мере, с аристотелевского понятия субстанции «...идея структуры пронизала многовековую философскую мысль не только как идея всеобщности, связанная с представлением о целостности мира, космоса..., но и в приложении к частным «целым», к ней прибегают, дабы располагать критериями упорядоченности...» [Там же, с.262]

Соссюр, говоря о языке как о системе, понимал этот термин так, как в дальнейшем понималась структура. Системная природа языка – одно из основных его положений – проявляется, как известно, в том, что язык – это система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронной взаимосвязи [167, с.152-153]. Являющееся по сути соссюровской системой, понятие структуры появляется уже в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» 1929 г., в которых концепция языка как системы предполагает «структурное сопоставление», обязательное также и для диахронического исследования и доказывающее приоритет внутрисистемных взаимоотношений перед собственно материалом [155]. Система различий как система абстрактных отношений позволила Н.С.Трубецкому вывести структурные законы фонологических систем как универсальных принципов, нашедших широкое применение и на остальных языковых уровнях. В дальнейшем, представление о структурной модели как о системе различий, которая не имеет ничего общего с физическими качествами объекта, (по Ельмслеву, форма выражения никак не связана с субстанцией выражения, так же, как форма содержания никак не связана с субстанцией содержания, или собственно значением) оказывается плодотворным и основополагающим для современной структурной лингвистики.

Однако многое в языке не укладывалось в четко выстроенные и выверенные схемы. Известные исследователям колебания, когда при изоморфизме структур язык оказывает предпочтение одним формам в ущерб другим, свидетельствуют о существовании глубинных процессов в самой системе. Такие колебания представляют собой вероятностный выбор форм, который никак не связан с жестко и однозначно детерминированными отношениями, положенными в основу структурного подхода. Большое значение такого рода вероятностных отношений нельзя игнорировать: не учитывая их влияние на языковую действительность, мы тем самым упрощаем и огрубляем жизнь и законы языка.

Эта языковая неопределенность всегда обращала на себя внимание исследователей. В частности, в трудах Пражского лингвистического кружка учение о слабом звене в системе, центре и периферии ставило проблему неоднородности, асимметрии развития определенных участков системы не

укладывающихся в общие схемы. Члены Пражского лингвистического кружка называли свой метод функционально-структуральным. В основу их подхода были положены понятия структуры и функции. Понятия структуры базировались на идеях Женевской школы об антитезе синхронии и диахронии, с одной стороны, и структуры как системы абстрактных отношений и ее реализации в конкретном языковом материале – с другой.

Анализ начинается с выделения структурно организованных синхронных срезов языка, которые представляют собой внутренне организованное целое. При этом соотношение элементов и целого понимается не как механическая сумма, а в единстве. «Структура складывается из индивидуальных явлений как высшее единство (целое), обладающее такими интегральными свойствами, которые чужды его отдельным частям; структура – это не просто совокупность, сумма составляющих ее частей. Явления, образующие структуру, не есть части целого, поддающиеся делению; находясь в тесной взаимосвязи, эти явления представляют собой то, чем они являются лишь в силу своего вхождения в иерархически упорядоченное целое» [292,s.452]. В приведенном пассаже Б.Гавранека заключается чрезвычайно большая и ценная информация, которая впоследствии будет развиваться и преломляться представителями различных направлений, от структурализма до генеративизма. Представители Пражского кружка неоднократно подчеркивают, что синхрония не означает неподвижность, статику. Внутренние связи могут иметь характер динамических напряжений.

Одной из существеннейших черт Пражской школы была разработка понятия функции. В. Скаличка писал: «Чрезвычайно важным является понятие функции. Для нас функция примерно то же, что и целеустановка». Гавранек в статье «О структурализме в языкознании», говорит о языке, что «он постоянно и как правило выполняет определенные цели и функции». В понимании пражских лингвистов термин «функция» употребляется тогда, когда речь идет о значении (функция слова, предложения) или о структуре языковых единиц (функция фонемы) [165].

Наиболее ярко вероятностные отношения проявляются в наличии в языке рядом с системным также бессистемного и внесистемного. Особый интерес к внесистемному, наметившийся в последние годы, возник как закономерная реакция на крайности структурализма. В то же время именно структурализму принадлежит заслуга, и во многих случаях весьма успешная, попытки создания прообраза идеального языка с заданными а priori законами функционирования. Здесь имеется в виду в первую очередь работы группы «Смысл – Текст» [92; 93; 94; 95], которая в каком-то смысле заменила генеративизм Хомского как глобальную модель языка. В этой модели (в отличие от моделей Хомского) семантика с самого начала была важнейшим компонентом языкового представления. В дальнейшем этот компонент детально разрабатывался и совершенствовался. Работы в этой области дают полное основание говорить о существовании самостоятельного направления в семантике, известного как Московская семантическая школа (ср. прежде всего [95; 4; 5 и др.]). Разработанный Мельчуком и Жолковским «Толково-комбинаторный словарь современного русского языка» [Мельчук, Жолковский. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14], помимо своей научно-практической ценности, явился прототипом, прообразом словарей для автоматического машинного перевода, используемых для математического машинного программирования.

Последовавшие вслед за совместными публикациями А.К.Жолковского, И.А.Мельчука и Ю.Д.Апресяна изыскания последнего (прежде всего «Лексическая семантика»), убедительно продемонстрировали достоинства теоретического и прикладного характера этого направления, его широкие возможности выхода в лексикографию, не говоря уже о теории машинного перевода. Вопрос о возможности, а главное целесообразности конструирования искусственного метаязыка для изучения естественного дискутировался достаточно долго, не принеся по сути никакого определенного ответа. В «Лексической семантике» Ю.Д.Апресян проанализировал и подвел итоги наиболее известных структурных теорий в области семантики, показав их во многом совпадающую принципиальную основу. Кроме того, эта книга продолжает оставаться одним из наиболее глубоких исследований по основным

вопросам лексической семантики: многозначности, синкретизму, конверсии, семантической асимметрии, синонимии в самом широком смысле [4].

В целом предложенная и разработанная группой «Смысл --- Текст» модель семантического синтеза или специального языка Basic`a продемонстрировала как широкие возможности подобного конструкта для целей семантического анализа, так и его недостаточность в тех случаях, когда исследователь имеет дело с «нелогичными», «неправильными» построениями естественного языка. Определяя же тот вклад, который внесла Московская семантическая школа, в науку о языке, нельзя не согласиться с его оценкой, данной Ю.Д.Апресяном: «... в своих лучших проявлениях структурализм, наряду с другими движениями того времени, дал нашей науке новый мощный импульс, в результате которого она обрела свой современный вид. Особенно плодотворным было влияние разработанной И.А.Мельчуком лингвистической модели «Смысл – Текст», вокруг которой сформировалась большая научная школа. Еще важнее то обстоятельство, что модель «Смысл – Текст» оставила глубочайший след на многих работах, формально с ней не связанных, и изменила весь стиль научного мышления. Вообще, мне кажется, что феномен Мельчука еще не оценен по справедливости ни в нашей, ни в мировой лингвистике» [7,с.47].

Одно из важных следствий разработки и применения модели И.А. Мельчука, А.К.Жолковского и Ю.Д.Апресяна проявляется именно при сопоставлении подобной системы с языковой реальностью. Часто благодаря ей рельефнее выявляется бессистемное и внесистемное, проступает роль случайного и непредсказуемого в структуре языка. Языковая картина значительно усложняется. Те процессы, которые раньше представлялись периферийными, перемещаются в центр парадигмы, привлекая исследовательские интересы. Какие-то «особые случаи», нарушающие равновесие системы, нельзя не принимать в расчет, поскольку они указывают на относительно нестабильный, динамичный характер всей системы, живущей по своим законам. Достаточно привести такие тривиальные примеры как неправильные глаголы в германских и романских языках, особые случаи словообразования, не укладывающиеся в традиционные словообразовательные модели, периферийные, пограничные

процессы в лексических построениях полевого типа, чтобы проиллюстрировать это положение.

Постструктурализм шестидесятых проходил под знаком имен З.Харриса и, в особенности, Н.Хомского [195; 196]. Трансформационно-генеративная грамматика являла собой, по мнению некоторых ее исследователей, «парадигму разрыва» и была сознательно ориентирована на разрушение старых представлений о языке. (См об этом [116.с.173]). В целом, теория Н.Хомского демонстрировала преимущество рационализма над эмпиризмом в таких своих краеугольных моментах, как провозглашение приоритета дедуктивного подхода к языку, признание семантического компонента как неотъемлемого, рассмотрение языка как феномена ментального. Обращение к непосредственно не наблюдаемым явлениям, к И-языку (интериоризированному), который связан лишь с психологией, породило современную когнитологию и ознаменовало обращение лингвистики к другим наукам. [195; 196]

Генеративизм, пришедший на смену структурализму, не явился отрицанием предыдущего этапа, но возник как реакция на американский дескриптивизм и метод анализа по непосредственным составляющим. Идеи Н. Хомского 50-60 г.г. об описании языка в виде формальных моделей определенного типа получили широкое развитие в США и за их пределами. Трансформационная грамматика мыслилась первоначально как устройство, порождающее только грамматически правильные предложения. Понятие правильности Хомский затем разделил на: competence -- знания языка и performance — использование, речевая практика. Генеративная теория повысила требования к эксплицитности лингвистического описания, ввела в лингвистику технику формализации описания, облегчающую, в частности, автоматизацию языковых процессов с помощью ЭВМ.

Генеративная теория, вначале ориентированная лишь на трансформационную грамматику, синтаксический и морфологический аспекты, в конце 60-х - начале 70-х г.г. сделала резкий поворот в сторону семантики. Свидетельством этого уклона генеративной грамматики (в дальнейшем - ГГ) является фактическое включение в нее системы компонентного семантического

анализа в том виде, как он излагается Дж. Катцем и Дж. Фодором [298, p.170-210]. По мнению большинства ученых, подлинную революцию в современной лингвистике надо связать прежде всего с ее поворотом к семантическим проблемам и к исследованию феномена значения во всей его сложности (см. об этом [4; 7; 3; 71; 114; 116; 117]). Выразитель интересов семантики в ГГ - глубинная структура - является также главным средоточием лингвистических универсалий, которым в науке о языке уделяется все большее и большее внимание. Последнее обстоятельство обуславливается тем, что глубинная структура, по-видимому, в значительной степени логической природы (во всяком случае, сам Н. Хомский производит ее анализ через посредство пропозиций). Она очень напоминает понятийные категории О. Есперсена и скрытые категории Б. Уорфа, но требует еще внимательного рассмотрения. Семантизация трансформационной модели значительно расширила ее описательные возможности. Генеративная теория занимает видное место в современной лингвистике, реализуя стремление к построению адекватной и обладающей достаточной объяснительной силой лингвистической теории. В недрах генеративной теории было решительно подчеркнута, что язык следует рассматривать как одну из наиболее замечательных когнитивных способностей человека, связанных с существованием в его голове особых ментальных моделей и неких ментальных репрезентаций, отражающих знание языка и используемых по мере необходимости в актах речи.

Генеративизм оказался не только первым научным направлением, поставившим своей целью охарактеризовать лингвистическую компетенцию говорящего и его языковую способность, но и тем новым направлением, которое связало язык с формированием специальной структуры знания о мире в особом представлении языковой единицы и языковых категорий. В цикле лекций 1978 г. Н.Хомский подчеркнул, что лингвиста не может не интересовать вопрос о месте языка среди других когнитивных систем и способностей человека и о тех ментальных структурах, которые служат средством деятельности и проявления этих способностей. Весь сложный аппарат ГГ направлен на то, чтобы охарактеризовать принципы, действующие в порождении и восприятии

предложения, а также проекционные правила, связывающие все эти уровни между собой и осуществляющие переход с одного уровня на другой. По существу проекционные правила обеспечивают сохранение лексических свойств выбранных единиц на всех уровнях [247].

1.1.2. ИНТЕГРАЦИЯ ПАРАДИГМ. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА.

На рубеже XXI века происходит интеграция различных подходов и парадигм, которые господствовали в языкознании в последние два столетия. Если говорить в этой связи о ГГ, то, как видно, в ее недрах уже сформировался когнитивный подход, который можно рассматривать как постгенеративизм. Но ведущая тенденция совмещения нескольких методов имеет очевидное преимущество равно при ответе на вопрос о том, как устроен язык, так и при решении практических задач анализа языкового материала. В этой связи плодотворна идея, при которой когнитивный подход к языку совмещается с функционально-прагматическим. Действительно, только языковые данные обеспечивают наиболее очевидный и естественный доступ к когнитивным процессам и механизмам. Само их появление можно рассматривать как следствие определенного процесса и действие определенных механизмов, связанных с ментальной и когнитивной деятельностью человека. Мысль Хомского о том, что лингвистика должна быть рассмотрена как часть когнитивной психологии, что она должна пересмотреть предмет своего исследования и заняться знаниями говорящих, их языковой компетенцией, сближает позиции лингвиста и психолога [245; 246; 247].

Сторонники когнитивно ориентированной лингвистики стремятся не столько к описанию материала, сколько к его объяснению в плане представления структур знания в человеческом мозгу. В задачи когнитивной лингвистики входит объяснение того, что именно репрезентируется в голове человека, и как человек оперирует этими репрезентациями. Современная лингвистика переживает становление новой системы идей и представлений, то есть новой парадигмы, которая определяется как когнитивная, хотя такое название далеко не в полной

мере отражает ее содержание. Основные черты этой парадигмы обуславливаются, с одной стороны, новыми для нее установочно-познавательными принципами, а с другой – «новой реальностью», которая открывается перед ней. «Когнитивная революция», исходя из поставленных ею задач, должна быть одним из проявлений общей тенденции к интерпретативному подходу в различных дисциплинах. Это стремление выявить механизмы интерпретации человеком мира и себя в мире особенно ярко выражается в лингвистике («интерпретирующая семантика»). Язык, рассмотренный с этой точки зрения, представляет собой одновременно и объект и функционирующий механизм исследования. Объяснение языковых явлений через его посредство, то есть в языковых же категориях предполагает обязательное обращение к языковой компетенции носителя языка — говорящего субъекта.

Человек -- активный носитель когниции, выступающий в двойной роли: как рассматривающая, познающая сторона и как центр перспективы, выходит на первый план когнитологических изысканий. П. Тейяр де Шарден по иному поводу, но в интересующем нас аспекте, писал: «... объект и субъект переплетаются и взаимопреобразуются в акте познания. Волей-неволей человек опять приходит к самому себе и во всем, что он видит, рассматривает самого себя... Человек, если он случайно попадает в естественно выгодную точку (пересечение дорог или долин), откуда не только взгляды, но и сами вещи расходятся в разные стороны... тогда субъективная точка зрения совпадает с объективным расположением вещей, и восприятие обретает всю свою полноту. Местность расшифровывается и озаряется. Человек видит. Центр перспективы – человек - одновременно центр конструирования универсума» [174, с.37-38]. Это общефилософское наблюдение великого ученого, известного разносторонностью и широтой своих интересов, применимо в данном случае для объяснения лингвоцентрического механизма когнитивных исследований, поскольку человеку свойственно познавать и интерпретировать в языковых категориях.

В свое время Б.Уорф много сделал для популяризации идеи о том, что когнитивные процессы, образуя «естественную логику», зависят от конкретного языка, используемого в качестве родного. Язык формирует картину мира и

мысли, а не просто выражает их [342]. Эта постановка вопроса, породившая целую тематическую область «логика языка», дает фундамент для исследования в области языковой когниции. Итак, понятие языковой когниции совпадает с тем, что в последние годы, в рамках интерпретационизма, называют интерпретацией в широком смысле, охватывающей фактически все действия над языком. По сути «когнитивная революция», претендующая на роль нового направления в языкознании, представляет собой фактическое продолжение исследования глубинных языковых структур и речемыслительных механизмов в терминах категориальных ментальных образований. (Б.Уорф писал об этом в 50 г.г., употребляя термин «металингвистика»). Являясь фактическим продолжением генеративной теории, когнитивизм в языкознании сосредотачивается главным образом на выяснении природы порождения языковых явлений и их интерпретации. Пафос когнитивной лингвистики – установка на объяснение – не выходит за рамки вечных проблем понимания и коммуникации, стоящих перед наукой о языке как знаковой системе.

В качестве новых принципов языкознания когнитивизм выдвигает, по мнению Е.С. Кубряковой: экспансионизм -- активные и широкие выходы в другие науки; антропоцентризм- изучение языка с целью познания его носителя; функционализм -- принятие во внимание всего ряда функций языка и экспланаторность -- преимущественное стремление к объяснению языковых явлений [114]. К сформулированным выше принципам необходимо, по нашему мнению, добавить еще один: экстраполяцию или перенос подходов и данных нескольких наук, выдвинувших передовые идеи и взгляды, при анализе языковых явлений. Этот принцип уже используется в качестве методологического подхода в когнитивных исследованиях последних лет, где мы наблюдаем привлечение данных и приемов таких близких и не совсем близких к лингвистике наук, как формальная логика, психология, психиатрия, биология, физиология.

В общих чертах, определяя «новую реальность» в новой парадигме языкознания, необходимо обратить внимание на следующее. Когнитивный подход предполагает оперировать ментальными образованиями, составляющими категориальную основу всей человеческой деятельности и, прежде всего, языка.

«На долю лингвиста выпадает ... строить предположения не только о том, какая система собственно лингвистических форм стоит за речемыслительной деятельностью, но и о том, как языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира и как они отражают его познание. Про эту ипостась языка и говорят, что он позволяет доступ к ненаблюдаемому когнитивному миру человека, структурам его сознания» [Там же, с.79].

В когнитивной науке постигаются не просто наблюдаемые процессы, а скрытые ментальные сущности, лежащие в основе этих процессов, порождающие их. Эти сущности не обнаруживают себя в деятельности человека и находятся в структуре его сознания и собственно в структуре языка. Явный, внешне выраженный характер имеют всегда лишь отдельные их стороны. «Категоризация по большей части бессознательна, и если мы и подозреваем о ее существовании, то лишь потому что она проявляется в некоторых проблемных ситуациях» [123, с.144]. Другая особенность категориальных ментальных репрезентаций -- их большая масштабность по сравнению с собственно логическими, то есть понятиями. Их свойство проявляется уже в отношении концепта, стоящего за синонимическим рядом как целым, к значению отдельного слова - члена данного синонимического ряда. Подобное значение -- всегда лишь та или иная его часть, никогда не доходящая до целого, до содержания самого концепта.

Еще одна принципиальная особенность подобных категориальных ментальных сущностей обнаруживает себя в их парадоксальной структурной организации, которая условно может быть определена как относительная структурированность. С одной стороны отмечается диффузность, недискретность категориальных ментальных репрезентаций. В то же время они являются вполне определенными величинами человеческого сознания. С другой стороны, эти сущности явно комплексны, внутренне неоднородны. Неоднородность эта проявляется уже во множественности способов номинации концепта, отражающей не столько неединичность «точек зрения» на него, сколько множественность его сторон, которые, собственно, и открываются с этих « точек зрения». Это дает основание говорить о структурированности более или менее сложной системной организации категориальных ментальных репрезентаций. По-

видимому, следует говорить о том, что структурированность категориальных ментальных репрезентаций - лишь эффект, возникающий при рассмотрении их с точки зрения дискретных содержательных систем, каковыми являются язык и понятийное мышление (У Лакоффа - прототипы и объекты базисного уровня.).

1.1.3. ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ И СИСТЕМНОСТЬ В ЯЗЫКЕ.

По-настоящему новой вехой в истории философской и лингвистической мысли стала идея о том, что предмет научного описания может не иметь единой сущности, организующего центра; его имманентными свойствами являются разрозненность, непостоянство. В науке о языке этот подход воплотился в теории об иррациональной и неоднородной природе языка, что, в свою очередь, вызывает разнообразие методов его исследования, приводящих к неоднозначным, часто противоречивым результатам. Постмодернизм (постструктурализм как его часть) провозгласил своим кредо «деконструкцию» философских основ структурализма в семиотике и лингвистике. Отказ от рассмотрения объекта как единого и упорядоченного конструкта, системы привел к известным крайностям, абсолютизации сосуществования разнородных, не связанных между собой элементов, что придает процессу их интерференции полностью непредсказуемый характер. У М.Фуко, Ж. Дерриды, Р.Барта, Ж. Кристевой, П. Де Мана отрицается сам принцип системности в таких его проявлениях, как закономерности упорядоченности и случайности, причинно-следственные связи [86; 110;190; 191; 310]. Р.Барт, которому в принципе было не чуждо системное изучение в структурном русле, например, явления коннотации (Ср. [25]), провозгласил одним из основных принципов всякого описания «деконструкцию» и множественность смысла [23].

Отсутствие единой позиции и единого концептуального языка, открытость и фрагментарность описаний, неокончателность результатов стали ключевыми чертами нового направления. Такой подход отрицает представление языка в виде рационально построенного концептуального объекта, поскольку на первый

план выдвигаются принципы множественности, разноречивых тенденций и компонентов. Упор на хаотичное, дезинтегрирующее состояние в языке, причем абсолютизация его текуче-неустойчивого характера полностью вытесняет из сферы видения исследователя те элементы, в которых преобладает системность и определенная упорядоченность. Такой категорический отказ от любой регулярности, правил построения и, в конечном счете, системности (отметим, что положение о, якобы раз, и навсегда построенной системе на нынешнем этапе явно себя изжило) может привести, в конечном счете, к исчезновению самого объекта исследования.

Введенное Р.Бартом и Ж.Дерридой понятие письма (*écriture*) призвано привести к отказу от традиционного разграничения понятий языка как системы и речи как ее реализации. Письмо представляет языковую деятельность как непрерывный процесс, не имеющий ни начала, ни конца, в котором каждое новое высказывание накладывается как палимпсест поверх предыдущих [86; 223; 277]. Использование понятия «письма» как системы компенсаций и восполнений открывает новые горизонты в семантических исследованиях; Ж.Деррида, которому принадлежит первенство в разработке этого феномена, считает, что письмо переполняет язык и выходит за его рамки. «Возникновение письма означает разрушение понятия «знака» и всей его логики. И не случайно, что такой выход из берегов происходит одновременно с расширением понятия языка и размыванием его границ» [86, с.120]. «Вторичность, которую всегда считали признаком письма, на самом деле относится ко всякому означаемому как таковому—причем это происходит «всегда-уже» (*toujours-déjà*) с самого начала игры» [Там же, с.121].

Несомненно, что такой взгляд на объект (язык, текст...) плодотворен в плане изучения многонаправленного, подвижного характера процессов, протекающих в различных сферах языковой деятельности. С другой стороны, абсолютизация подобного подхода грозит редуцировать язык до полной случайности и бесформенной неупорядоченности. Другой тезис этого направления о том, что основу употребления языка составляет априорное знание огромного материала, так называемый цитатный фонд, который просвечивает в

каждом коммуникативном акте и составляет непрерывный «гул», наполняющий интеллектуальное пространство субъекта, представляется плодотворным во многих отношениях.

Эти, а также и другие положения, породили совершенно новый подход к языку, коренным образом изменивший взгляд на него, как на объект исследования. Наряду с этим, претерпело также существенное изменение и отношение к познающему субъекту. Если, как предлагают нам сторонники нового подхода, рассматривать язык не как объект, а как существование, тогда, как и повседневное существование в целом, он включает в себя структурированные и неструктурированные элементы. Язык также рассматривается одновременно и как объект, над которым говорящий постоянно работает, приспособлявая его к задачам, возникающим в его текущем жизненном опыте, и как среда, в которую этот опыт оказывается погружен, и в окружении которого он совершается. При этом акт выражения какого-либо смысла носит объективирующий характер, так как ставит субъект на внешнюю по отношению к высказыванию позицию. Объект его мысли оказывается «внешним миром» (См. об этом подробнее [71, с.5, 12,64]).

Однако своеобразие феномена языка состоит в том, что, будучи, с одной стороны, средством объективации жизненного опыта, он, с другой, сам является неотъемлемым компонентом этого же опыта, в котором протекает существование говорящего субъекта. Эта двойственная природа языка и субъекта, познающего себя своими же средствами, уходит своими корнями в философское учение о Логосе – высшем божественном разуме, в котором субъект и объект тождественны (Вл. Соловьев, С.Трубецкой). Основное свойство Логоса – его присутствие в такой же мере в объекте, как и в субъекте. «Это – разум вселенский, он также открывается в природе и истории, как и в человеке. Логос есть тождество субъекта и объекта; в нем дана общность человека и космоса, микрокосма и макрокосма, Через отречение от малого разума, от рассудка и приобщение к большому разуму, к Логосу человек прозревает сквозь хаос, сквозь фатум природы, Разум мира. Смысл мира» [29, с.64-65]. И далее: «Знание ни в каком смысле не есть отражение, копирование, дублирование бытия и ни в каком смысле не есть создание, конструирование бытия. Познающий субъект не есть

пассивный отражатель бытия и не есть активный его создатель, он живой деятель в бытии, развиватель бытия, повышающий творящую энергию бытия, создатель ценностей бытия» [Там же, с.100]. Отвлекаясь от некоторой теософской направленности приведенных высказываний, нельзя не проникнуться их глубиной, обобщающей мыслью, проливающей свет, в частности, и на природу языка и роль субъекта в процессе познания и овладения им.

Часто противники системного подхода, выступая против «гипнотического воздействия» нами же созданной упорядоченной картины предмета, метамодели языка как рационально организованного объекта, в качестве аргумента выдвигают некий неопределенный конкретно жизненный языковой опыт. Он, по их мнению, успешно справляется с открытыми и текучими ситуациями, с чем-то таким, что никогда не было ни закончено, ни зафиксировано [71, с.50]. Однако нельзя игнорировать, объявлять в принципе непригодным само стремление к представлению языка как логически упорядоченной модели, которое присутствует у каждого сознательно овладевающего языком. Тот факт, что при этом носители достаточно успешно справляются с повседневными языковыми ситуациями лежит в иной плоскости – владения и языковой компетенции.

В языковом существовании нельзя не учитывать внесистемных тенденций, о которых, в частности, говорит Ю.М.Лотман, что «правильно» построенная и по правилам работающая, но лишенная творческого аспекта система, не способна производить нечто действительно новое, не выводимое из исходных правил [130]. По-видимому, системный подход не должен быть отвергнут как в принципе неприменимый к языковой реальности. Для получения новых и разнообразных смыслов необходимо взаимодействие системного и внесистемного. Новый порядок возникает из кажущегося хаотическим взаимодействия разнородных факторов, основанных и на системных построениях, и на первый взгляд беспорядочных и разнонаправленных движениях. Невозможно игнорировать стремление человеческого разума к упорядоченности, соразмерности, которое отражается в его языковой жизни, принося значительные результаты, в частности, в процессе обучения, на этапе представления и введения разноуровневого языкового материала.

Проанализировав наиболее авторитетные концепции, можно прийти к заключению, что на современном этапе (конец XX – начало XXI века) основной тенденцией развития науки о языке являются интеграционные процессы, которые формируют новую конструктивную парадигму, синтезирующую самостоятельные подходы с разной ориентацией. В связи с этим вполне справедливо охарактеризовать статус современной лингвистики как полипарадигмальный. Если следовать установившейся традиции и оставаться в рамках понятия «парадигма», то в итоге все же, как отмечает Е.С.Кубрякова, «происходит становление новой, полифункциональной, или постгенеративной парадигмы знания (иногда ее называют «интерпретирующей»), определяющей чертой которой является удачный синтез когнитивного и коммуникативного подходов к явлениям языка. Иными словами, мы имеем дело с одновременным учетом двух главных функций языковых систем» [116, с.228].

По-видимому, о подобном подходе к исследованию в широком смысле слова говорит, в полемически заостренной форме, Г.В.Щедровицкий, вводя понятие «методология», как деятельность, направленная на познание и изучение. По его мнению, путь дифференциации и все более детального изучения предмета, по которому движется традиционная наука, является неэффективным и малопродуктивным. Дальнейшее продвижение в этом направлении разрушает единую картину мира. «Единство человечества определялось и задавалось в первую очередь единством и целостностью существующей у него картины мира. И наоборот, когда единая картина мира разрушается и распадается, то это действует в направлении расчленения и расслоения человечества на ряд подсистем, занимающих разные экологические ниши ... Разрушение взаимопонимания между учеными разных специальностей больше, чем что-либо другое, действует в направлении разрушения социума.» [208, с.396]

Суммируя вышесказанное в применении к нашей науке, можно констатировать, что современная лингвистика основывается на синтезе наиболее продуктивных и эксплицирующих подходов как методологической основе исследования языкового материала. Такая полипарадигмальность отвечает общему направлению и духу современной исследовательской мысли, связанной с

множеством проблем. Но нельзя не согласиться в этой связи с тем, что « с проблем исследование начинается и проблемами оно заканчивается. Проблема – это то, что направляет все наше исследование, задавая его смысл и программу» [Там же, с.351].

1.2. ПРАГМАТИКА КАК СИСТЕМНЫЙ ФАКТОР В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА.

1.2.1. КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В целом, говоря о доминирующем направлении, с которым лингвистика вступает в XXI век, нужно отметить сочетание когнитивного изучения различных языковых форм и прагматической ориентации. На неразрывность этих двух сторон в изучении языковых явлений указывают многие исследователи. Они подчеркивают, что лингвист, помимо прочего, изучает то, как языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира и как они отражают его познание. При этом нельзя не учитывать важность выбора и использования языковых средств говорящим, на которые влияет множество факторов. Изучением этих вопросов призвана заниматься прагматика. Прагматика, охватывающая различные дисциплины, объединяющая разные ориентации и научные подходы, порой теряет очертания как область знаний. До сегодняшнего дня трудно достаточно ясно определить статус этой области, вмещающей и концентрирующей в себе довольно разнородные, а зачастую, просто несовместимые направления научной мысли. Следует специально остановиться на основных этапах становления и развития этой области лингвистики.

Термин «прагматика» было принято относить к целому ряду традиционно размежеванных дисциплин: философии языка, логике, психологии, лингвистике, социологии, семиотике. Остается также дискуссионным вопрос о границе между семантикой и прагматикой. Сам термин «прагматика» был создан более 50 лет

назад Ч. Моррисом, наряду с «синтактикой» и «семантикой», обозначающих три основных компонента семиотики: синтактика изучает формальное отношение знаков друг к другу, семантика – отношение знаков к обозначаемым ими объектам, а прагматика – отношение знаков к тем, кто их интерпретирует. Ч. Моррис четко отделяет семантику от прагматики, которая, по его мнению, исследует образование, использование и воздействие знаков [147; 317].

В дальнейшем Ч. Моррис формулирует 3 компонента семиотики следующим образом. Прагматика становится доминирующей, центральной, нередуцированной частью семиотики, нацеленной на исследование использования и эффективности знаков. Семантика предстала редуцированной сферой семиотики, выражающей абстрактный взгляд на значение знаков, отвлеченных от их интерпретации пользователем языка. Еще более редуцированную форму приобретает синтактика, которая занимается лишь абстрактной комбинаторикой знаков, вне связи не только с интерпретацией, но и со значением. Такое абсолютизированное и глобальное значение прагматики на фоне низведенных до чисто формального уровня и весьма упрощенных, семантики и синтактики в настоящее время не находит сколько-нибудь авторитетной поддержки.

Традиционным взглядом на прагматику можно считать изучение значения в его отношении к речевой ситуации (то есть к говорящему и слушающему, их целям, фоновым знаниям и т.д.). Объектом прагматики называлось прагматическое значение -- разного рода пропозициональные установки говорящих -- допущения, намерения, мнения, эмоции и пр. В этом русле прагматика развивалась, по крайней мере, в отечественном языкознании последние 20 лет. Она была частью лингвистики текста и анализировалась в рамках речевой деятельности. И.П. Сусов и представители его школы ставили вопрос о месте прагматики: внутри лингвистики или вне ее? Прагматика, с позиций этих ученых, представляет собой изучение интенций говорящего и слушающего, объединенных между собой [173].

Отформатировано:
русский (Россия)

Отформатировано:
русский (Россия)

Ж. Лич в «Принципах прагматики» формулировал различие между семантикой и прагматикой следующим образом: семантика изучает значение как бинарное отношение между знаком и значением, а прагматика - как тернарное, где третий член – говорящий [303]. Это определение прагматики, включающей в себя в качестве обязательного компонента субъект и его оценку, было поддержано многими исследователями. Позиция говорящего субъекта, его оценка и другие личностные факторы, привносимые извне, выводят прагматику на внешний, по сравнению с семантикой и синтактикой уровень. Этот уровень часто рассматривался в терминах лингвистики текста и теории речевых актов. Однако семантический анализ показывает, что значение слова не исчерпывается исключительно понятийными категориями, в нем присутствует некий остаток, который можно отнести к области прагматики. Такие внешние по отношению к семантике понятия как оценка, эмоции, установки говорящего оказываются, в конечном счете, внутри, в значении слова.

В первых работах по лингвистической прагматике, она рассматривалась как автономная, прикладная к семантике область. Однако обращает на себя внимание то, что в самой семантике слова могут быть различные компоненты; одни -- чисто денотативные или семантические, другие же -- прагматические -- субъективные, экспрессивные, установочные. Если для семантики сводится к отношениям между знаками и внешним миром, то в лингвистике необходимо учитывать антропоцентрический фактор. Кроме того, значение слова еще и этноцентрично, то есть, ориентировано на данный этнос. Каждый язык, как известно, задает своим носителям определенную картину мира, то есть говорящий всегда присутствует в качестве «третьего члена отношения». Об этом же пишет Е.В.Падучева, когда указывает, что языковые отношения, а мы добавим и значения, прагматичны в принципе, так как всегда связаны и ориентированы на человека [152]. Ю.С. Степанов, говоря об одном из двух или трех пониманий прагматики, останавливается на той ее концепции, согласно которой прагматика занимается особыми, только ей присущими вопросами, теми же, что и в традиционной стилистике и в еще более старинной риторике: выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего выражения своей мысли или своего

чувства с целью наилучшего воздействия на слушающего или читающего [171, с.699].

Вместе с тем, новая прагматика, в отличие от стилистики и риторики, должна эмпирически описать, как поступает человек, решая для себя эти задачи в своем практическом использовании языка, и затем теоретически обобщить эти наблюдения. Круг прагматических вопросов, в этом ее понимании, и средства для их практического осуществления и теоретического осмысления, сами языковые основы их, как считает Ю.С.Степанов, лежат за пределами прагматики в синтактике и семантике языка. Основания так понимаемой прагматики заключены в более общем свойстве языка, пронизывающем все его стороны – в его «субъективности» [26]. Роль говорящего субъекта выдвигается на первый план при решении вопроса о месте и статусе прагматики. «Категория субъекта, таким образом, является центральной категорией современной прагматики. Но субъект изучается также и в синтактике и в семантике. Значит ли это, что прагматика не имеет собственного объекта? В определенном смысле, да. В прагматике выделяются для исследования «в чистом виде» те проблемы, которые в «скрытом» или «снятом» проходят в семантике и синтактике. Прагматика не имеет собственного «объекта», но имеет собственный «предмет» [171, с.700]. Такое понимание прагматики сквозь призму категории субъективности является основополагающим в работе.

На важность роли субъекта высказывания указывает, в частности, Б.Потье в «Общей семантике»: «L'énonciateur n'est pas un simple descripteur du monde. Le disant, il l'interprète nécessairement, et généralement il manifeste linguistiquement sa réaction personnelle à travers la formulation de son propos» [327, p.75]. «Сообщающий не просто описывает мир. Говоря о нем, он неизбежно его интерпретирует и обычно лингвистически выражает свою личную реакцию посредством формулировки своего намерения» [Перевод наш, Г.Б.] Перефразируя это высказывание, можно сказать, что сообщающий, говорящий субъект лингвистически проявляет свою личную реакцию через выбор того или иного языкового средства из парадигмы. В этом факторе выбора заключена прагматика говорящего субъекта. Когда этот выбор социально закреплен в узусе

— это уже факт языка, который стал таковым благодаря прагматике. Говорящий бывает разным в различных исторических и социальных условиях, он как бы «играет» по-другому в определенную эпоху, нажимая те, или иные клавиши регистра, он заставляет «звучать» то те, то другие значения. Причем выбор и преобладание значений не случайны, они продиктованы общими (или скорее общественными) совпадающими потребностями. Они и дают в итоге ту языковую картину конкретного времени, которую мы представляем и анализируем как разного рода парадигмы.

Понятие прагматических связей в том виде, в каком оно было сформулировано Пирсом и Моррисом, в применении к сложным семиотическим системам оказывается не в достаточной мере определенным. Роль субъекта и его статус требуют пересмотра, поскольку эта категория является центральной в прагматических исследованиях. Говорящий и слушающий, связь которых осуществляется благодаря обмену информацией, нуждаются в общем прагматическом пространстве, едином словарно-концептуальном контексте. Этот контекст состоит из нескольких параметров, важнейшими из которых представляются: общее культурное и социальное мировоззрение, а также дейксис, понимаемый как ситуационный контекст.

Взаимоотношение субъекта и информации, получаемой и передаваемой им, представляется принципиальным для обоснования его роли в коммуникативном акте. Отношения между *знаком* в широком смысле и получающим его субъектом не тождественно отношению между знаком и передающим его субъектом. Схематично отношения первого вида можно представить следующим образом: ЗНАК ----- АДРЕСАТ, получающий информацию, то есть знак. Отношение между знаком и передающим его субъектом представляются как АДРЕСАНТ (имеющий информацию= ЗНАК) ---- АДРЕСАТ. Такого рода взаимодействия между знаком и людьми, получающими и передающими информацию достаточно сложны. Здесь непременно имеет место переключение, перестройка в сознании человека получающего, который за определенный отрезок времени становится передающим. Превращение адресата в адресанта не механический процесс, прагматическая направленность играет здесь ведущую роль. Такой переход у

одного и того же субъекта сопровождается, в большей или меньшей мере, пересмотром имеющихся в его распоряжении языковых средств для выбора адекватной, свойственной ему и ситуации формы, в которую облекается полученное им до момента говорения сообщение. Например, об одном и том же событии, выбирая различные языковые средства, можно сообщать, предваряя собственными вводными комментариями, в достаточно обширном диапазоне, меняя тон, от успокоительно-умиротворяющего до тревожного и угрожающего.

Нужно учитывать также и степень полноты передаваемой информации: адресант может не сообщать обо всем, что ему известно, знак таким образом лишается некоторой своей части и становится *неполным*. Возможен также случай некорректной передачи, при которой имеет место искажение информации, то есть *псевдознака*. Адресат, ставший адресантом, находится в ситуации выбора. В любом случае этот выбор, осуществляемый каждым по-своему, и есть один из прагматических аспектов. Говорящий субъект при выборе языковых средств выступает в роли адресанта. Однако неправильно будет сводить этот выбор к индивидуальным употреблением, к которым по своей воле прибегает каждый пользователь языка. Объединение всех говорящих на данном языке и в данную эпоху в языковой коллектив есть лингвистическая и историческая реальность. Этот языковой коллектив организован по законам некоторой культуры. Он имеет свойственную ему структуру, отличающуюся от языковой, но функционирующую по знаковым, в том числе и языковым, законам.

Понятие языкового коллектива (*speech community*) употреблялось еще Б. Уорфом [342, p.202]. Его толкование вытекает из понятия «этнос» и связывается с представлением о единой культуре. Л. Блумфильд определял языковой коллектив просто как группу людей, говорящих на одном языке без учета качественных норм использования языка, отношению к речевому поведению [31, с.237]. Традиционно язык и культура изучаются как части единого целого или как равноправные явления. «Отношения между культурой и языком могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или как орудие культуры (это не одно и то же). Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом и его можно

рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно), или в сравнении с культурой, как с равнозначным и равноправным феноменом» [178, s.239]. Н.И.Толстой подчеркивает сходство структур культуры и языка. Это культурологическое направление может быть плодотворным лишь при условии серьезного внимания к языку как вербальному коду культуры и к языку как творцу культуры [Там же, s.243].

Каждый член языкового коллектива вынужден подчиняться его законам, которые воплощаются в виде набора общепринятых наиболее употребительных языковых форм, отражающих приоритеты данной культуры. Особенно показателен в этом отношении лексикон, словарь определенной эпохи. Например, словарь Великой Французской революции насчитывает более 5000 новых слов, многие из которых, такие как *maratiste*, *robepierriste* исчезли из употребления, другие же, например, *jacobin*, *terreur*, *détrôner* и пр. существуют и поныне. Причины создания новых слов в основном прагматические. Постулаты классической риторики, предшественницы прагматики, гласили, что нужда в новых тропах возникает при необходимости: а) назвать еще неназванные вещи, в) усилить и выделить, с) придать красоту [233, p.205]. Эта же триада (необходимость, усиление и красота) – основной прагматический мотив создания новых слов. При этом когнитивный фактор присутствует, по крайней мере, при назывании еще неизвестного, поскольку новое слово вводит новое понятие. Судьба новых слов складывается по-разному, но все они – объективные показатели экстралингвистических процессов и самые яркие свидетели исторических и социальных изменений.

На примере новейшей истории нашей страны, мы можем определенно квалифицировать словарь эпохи хрущевской оттепели, брежневского застоя, перестройки, демократизации и т.д. Так, для хрущевской оттепели характерно более активное использование новых политических терминов: репрессии, культ личности, разоблачения, политзаключенные и пр. В эпоху застоя официально-деловым языком был канцелярит с его четко очерченным набором клише и оборотов, которые постоянно повторялись в СМИ. При этом существовал двойной стандарт: официоз и нормальный разговорный язык в неофициальной

обстановке (пресловутые «кухонные» беседы и дискуссии). Возникли также и новые слова, имеющие двойную окраску -- газетно-клеймящую и сочувственно-поощряющую в зависимости от ситуации, в которой они употреблялись. Это такие неологизмы как диссидентство, самиздат, ГУЛАГ.

Эпоху перестройки и гласности поспешили назвать окончательным низвержением большевизма. Период войны памятников сменила война демократов и коммунистов, с переменным успехом продолжающаяся и по настоящее время. Слова «перестройка», «гласность», «демократизация» стали основными лозунгами и реалиями этих лет. К ним добавился еще «человеческий фактор» и океан разоблачительной литературы в толстых журналах. Выходит «Опыт словаря нового мышления»-- уникальное по замыслу и исполнению совместное советско-французское издание, в котором обсуждаются основные гуманитарные ценности и проблемы эпохи (Опыт словаря нового мышления. Прогресс. М. 1989).

Для 90-х характерно перемещение в центр доселе периферийной лексики. Наряду с политической все шире и громче звучит ненормативная лексика, а также словарь маргиналов -- зоны, наркоманов, лиц, затем групп нетрадиционной ориентации. Китч и попса становятся такими же символами эпохи как перестройка и человеческий фактор. Очень скоро заменители слов: класс, круто, как бы, по типу, супер воцаряются в разговорном языке молодежи и превращают словарь Элочки-людоедки в знамение эпохи, которым не гнушаются и утонченные интеллектуалы. Лексикон «новых русских», несмотря на ироничное и презрительное к нему отношение не только со стороны интеллигенции, но и большинства представителей языкового сообщества, становится официальным и достаточно влиятельным фактом языковой культуры эпохи, ее знаковой составляющей.

Отформатировано:
русский (Россия)

1.2.2 ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАГМАТИКИ

Возвращаясь к прагматическим отношениям, необходимо отметить следующее: их мы будем рассматривать как соотношение единиц двух различно

организованных и занимающих различные, но соотнесенные позиции систем — языковой и социальной, но функционирующих в едином историческом и культурном пространстве. Прагматика возникает как величина производная от языка и, назовем его, культурного коллектива (КК).

$$\frac{\text{Язык}}{\text{КК}} = \text{прагматика}$$

Исходя из этой формулы, прагматика несет в себе как языковые, так и экстралингвистические черты, находясь на пересечении языкового и социально-исторического, психологического, этнографического и т.д. Очевидно, что такая трактовка предполагает рассмотрение языка и культуры как равнозначных и равноправных феномена.

Существует мнение, что если языковые факты несут информацию об экстралингвистических объектах, они конституируются как прагматические единицы. Прагматика речи при этом понимается как внутренняя программа речевых действий, направленная на достижение адекватной коммуникации [177, с.29]. Имея в виду примат языкового элемента, который рассматривается как основной при определении лингвистической прагматики мы осмысляем ее в чисто языковых категориях, учитывая в значительной степени и экстралингвистические факторы. Эти факторы, объединенные общим понятием КК, многочисленны и разнообразны, начиная от социального устройства, исторических особенностей общества, традиций, культурного и политического своеобразия и кончая особенностями языкового поведения членов коллектива. При таком подходе «прагматическая ориентация проявляется в выборе языковых средств под влиянием всех коммуникативных факторов» [Там же, с.30].

Как единица отношения $\frac{\text{Язык}}{\text{КК}}$, второй элемент КК представляется слишком неопределенным и разнородным. Следует, по-видимому, включить в него некоторые основополагающие величины, например, такие как норма

поведения, социально-исторические основы общества, официальный психологический тип. Речь пойдет в дальнейшем о некоем усредненном представителе КК – *Адресате* -- *Адресанте*. ЯЗЫК, как основная единица в приведенной выше формуле, рассматривается как нормативное употребление основных лингвистических ресурсов данного общества, отраженных в наиболее авторитетных словарях определенной эпохи. Под ЯЗЫКОМ мы подразумеваем все имеющиеся в распоряжении членов общества языковые средства, имеющие хождение среди самых широких его слоев (исключая ненормативные единицы).

Как отмечал Ю.М.Лотман, с конкретно-исторической позиции каждой эпохе (культуре) присуща та или иная структура поведения, «норма» и отклонения от нее, инвариантный тип и вариации. Каждая культурная эпоха с целью организации поведения человека своего коллектива создает типовые нормы «правильного» поведения. Эти метатексты – ценный источник для наших реконструкций [134, с.351]. В языке это узус, из которого создается отфильтрованное, унифицированное употребление – норма -- социально-установленное и зафиксированное в лексикографических источниках. Лотман использует понятие «метатекст» в широком смысле: он складывается из данной культуры и коллектива людей, которых совместно можно рассматривать как текст определенного рода, или соотношение текстов. Если перенести этот подход в область лингвистики, то рассматривается соотношение языка (нормы, узуса) и его усредненного пользователя – члена КК. Этот пользователь – движущая сила языковых изменений, привносящая модификации, меняющая норму и узус.

Прагматика как результат возникает в процессе взаимодействия, совместной деятельности, обоюдного воздействия человека на язык и языка на человека. С этой точки зрения прагматику можно также определить как поиск и выбор из имеющегося в распоряжении члена КК более или менее значительного репертуара языковых средств. При этом сам выбор, с учетом социокультурных, исторических, статистических и некоторых других данных, становится объективной характеристикой данной эпохи. Здесь проходит граница с металингвистикой, этнолингвистикой, психоллингвистикой и некоторыми другими смежными дисциплинами, которая всегда лингвистически оформлена. Именно по

прагматике в таком ее понимании можно судить об исторических, культурных, социальных и пр. особенностях эпохи, о металингвистических характеристиках КК и явлениях этнокультурного плана, отражающихся в языковых традициях, условностях, нормах общения и поведения. Следует учитывать также то обстоятельство, что слова входят в пропозициональную структуру и одни и те же приемы используются как для анализа слова, так и предложения, текста. В слове может быть заключена целая пропозиция – объект, субъект, модальная рамка. Структура значения слова состоит из связанных элементов, при этом отправитель – адресант и получатель – адресат сфокусированы на разных компонентах значения. Для отправителя основой является чистый смысл – семантика, в то время как для получателя наиболее важный элемент – прагматика.

В повседневной языковой деятельности говорящий субъект бесспорно производит выбор определенных возможностей, оставляя в стороне другие. Получившееся высказывание выглядит в конечном итоге как компромисс между тем, что говорящий намеревался высказать, и тем, что получилось, в силу свойств использованного языкового материала. Проблему соотношения мысли и слова отчетливо сформулировал Л.С. Выготский: «Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове.» [62, с.332] При этом сам материал обладает свойством накладывать исторически обусловленные ограничения. Передача одного и того же смысла будет значительно различаться в разные периоды. Это в особенности характерно для лексики, где сам отбор нужных слов, диктуемый нормой, в значительной степени зависит от системообразующих факторов, от той лексической парадигмы, которая сложилась в данную эпоху. Эти ограничения могут не ощущаться говорящим, поскольку представляют собой языковую среду обитания общества. Ее анализ и выявление характерных особенностей прослеживаются в диахронных сопоставлениях.

Если существуют поля языковой памяти, которые включаются в ассоциативную работу при общении в определенной коммуникативной ситуации [70, с.109], то они основаны на индивидуальном опыте говорящего субъекта – члена КК. Созданные или воссозданные на основании авторитетных документов,

в первую очередь словарей, языковые парадигмы тоже очень часто имеют форму поля – ассоциативного, тематического, лексико-семантического и проч. Подобные поля исторической памяти представляют собой коллективный опыт всего сообщества, что дает достаточно объективное, обобщенное представление о языковой деятельности на определенном историческом этапе. Представление о языке как структуре стабильных, всегда равных самим себе строительных элементов-лексем неверно с точки зрения диахронии. Историко-сопоставительные исследования показывают как раз нестабильность, флуктуации лексем, их перемещения из центра на периферию и наоборот, часто приводящие к исчезновению одних и возникновению новых единиц. Каждый срез представляет собой фиксацию одного из моментов движения языковой субстанции, своеобразный «стоп-кадр» изменяющейся ситуации.

Что касается законов языкового поведения человека определенного КК, то здесь мы говорим об узусе, унифицированном употреблении или норме — правильном языке. Хотя часто отклонения от него создают свой особый социальный или профессиональный слой, имеющий те же права на существование и функционирующий на тех же основаниях, что и нормированная лексика. Примерами могут служить параллельное сосуществование классической и вульгарной латыни, литературного языка и жаргонов, аргос, слэнга. Понятие нормы в языке утверждается как лингвистическими, так и экстралингвистическими критериями. Ведущим является языковой фактор, на него накладывается социально-исторический, который определяется первым. Языковой строй, его лексические, грамматические, фонетические и прочие особенности — основа формирования нормы. Например, заимствования -- языковой слой, напрямую связанный с исторической, культурной, политической жизнью общества, тем не менее, определяется языковым строем, особенностями и духом языка-реципиента.. Те преграды, которые французский язык ставил италянизмам в XVI --XVIII в.в., англицизмам в XIX --XX в.в., оставляя многие слова из этих языков ксенизмами или кальками, предопределены глубинными чисто лингвистическими процессами, на которые лишь накладываются социальные и культурные требования (пуризм). Языковой строй воспринимает

или отвергает заимствования из родственных или неродственных языков, исходя, прежде всего, из своих законов и потребностей.

Итак, соотношение языка, вернее его нормы и представителя КК — Адресата—Адресанта, то есть усредненного носителя языка -- область прагматики. Весьма обширная и неизученная область, лишь фрагментарно зафиксированная в лексикографических источниках в виде стилистических помет. Кстати, характерно, что французская лексикография в своих последних, учитывающих теоретические достижения лексикологии словарях, таких как *Dictionnaire du français contemporain*, *Lexis* в значительной степени ориентирована на прагматику. Иллюстративные примеры к словарным дефинициям приводятся уже не из литературных источников, а из устной речи, СМИ, услышанных на улице диалогов и пр. Это соотношение (ЯЗЫК -- АДРЕСАТ/АДРЕСАНТ) всегда взаимно неоднозначное. Носитель языка — движущая сила языковых изменений, активно воздействующая на язык, подвижный, изменчивый элемент отношения. Под его влиянием меняется норма, узус. Член КК осуществляет поиск наиболее выразительных и адекватных языковых средств из имеющегося в его распоряжении языкового репертуара. Этот поиск и последующий выбор объективно характеризуют определенную эпоху.

Язык влияет на говорящего самим фактом своего существования. Сам он выступает как ограничивающий фактор в виде наличия стилистически отмеченной, нормативной, ненормативной лексики, диалектизмов, жаргонов и прочих слоев и групп слов, которые входят в лексикон любого языка. Преобразование говорящего субъекта из адресата в адресанта активизирует именно прагматический фактор или в нашей терминологии *прагмафункцию*. *Под прагмафункцией понимается активная творческая деятельность по выбору адекватных ситуации языковых (лексических) средств.* Происходит когнитологический процесс внутреннего пересмотра, перебора имеющихся у говорящего языковых ресурсов. Пресуппозиция, языковая компетенция играют главную роль в этом процессе. По-видимому, чем больше языковая компетенция, тем тщательней процесс отбора нужного, подходящего для данной конкретной ситуации языкового средства. При таком отборе учитывается не только языковой,

но и психологический фактор: происходит внутренняя оценка ситуации, адресата сообщения, языкового и культурного окружения, табу и т.д. Исходя из всего этого, и производится выбор соответствующих языковых средств с наибольшей иллокутивной силой. Смена роли субъекта от воспринявшего знак (информацию) к передающему знак, то есть говорящему, от адресанта к адресату — активный творческий процесс, приводящий в действие весь арсенал его языковых потенций для достижения адекватной реакции на свои слова.

Прагмафункция зависит напрямую от языковой компетенции, фоновых знаний субъекта. Бедный словарный запас приводит к фактическому неиспользованию, или использованию в незначительной степени механизма, включающего поиск и выбор нужных и адекватных языковых структур. И, наоборот, чем богаче внутренний мир и, соответственно, язык говорящего, тем ярче и многообразнее его прагмафункция. В «Собачьем сердце» М.А.Булгаков очень точно подмечает это основное отличие героев: Шариков во всех ситуациях и со всеми говорит одинаково. Напротив, профессор Преображенский говорит фактически на разных языках со Швондером, служанкой, доктором Борменталем, как и должно широко образованному человеку.

Если настолько различны языки людей, говорящих в пределах одного исторического отрезка времени, то насколько же велики языковые различия в диахронии? При рассмотрении исследуемого материала и сопоставления парадигм, группирующихся вокруг одних и тех же концептов, можно наглядно проследить изменения в языковой картине мира, начиная от латыни и заканчивая современным французским языком. При всем обобщении и огрублении, которые необходимы для построения подобных парадигм, они обязательно будут содержать наиболее характерное, что отражается в авторитетных лексикографических источниках. *Коллективная прагмафункция выражается в выборе и предпочтении определенных лексем.* При этом лингвистические причины такого предпочтения весьма различны — от фонетической характеристики слова до семантических перегруппировок, связанных со словообразованием, изменением и развитием значения слова, заимствованиями и многими другими факторами.

1.2.3. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ И ЭВОЛЮЦИЯ ЛСП

Объектом нашего исследования являются лексико-семантические парадигмы, выражающие понятия «сильный» и «слабый» в латыни и современном французском языке. Такой выбор обусловлен значимостью данных понятий в качестве базовых составляющих языковой картины мира. Мы традиционно обозначаем их термином лексико-семантические поля (ЛСП) и проводим синхронно-диахронное исследование влияния прагматики на процесс формирования и развития этих объединений. Исследование включает несколько этапов: идентификацию объекта, процесс выделения основных членов ЛСП в латыни и во французском языке, приведение объекта в систему, для чего используется принцип двойного построения ЛСП; анализ как внутри- так и межпарадигматических отношений членов изучаемых ЛСП.

Явления, обнаруженные в ходе исследования, свидетельствуют о значительной роли прагматики, которая часто не учитывается в лексико-семантических изысканиях, особенно диахронических. Появление или исчезновение элементов парадигмы, ее трансформации связываются чаще всего с чисто языковыми явлениями на всех уровнях – в основном фонетическом и грамматическом, реже лексико-семантическом. При этом, намеренно или по умолчанию, не учитываются указанные факторы, относящиеся к прагматике: прагмафункции говорящего субъекта – члена КК, которые традиционно рассматривались как экстралингвистические. Однако именно эти сведения являются во многих случаях необходимыми для экспликации многих внутриязыковых процессов. Кроме того, на современном этапе развития науки о языке можно считать нерелевантным противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания, или «внешнюю» и «внутреннюю» лингвистику по Соссюру. Когнитивная лингвистика в особенности снимает противопоставление лингвистического и экстралингвистического. В этой связи показательно высказывание А.Вежбицкой о природе естественного языка,

который не отличает экстралингвистической реальности от психологической и от социального мира носителей языка [49, с. 154].

Появление новых слов в современном французском языке, по сравнению с латынью, связано с семантическими изменениями и развитием. Тем не менее, их включение в исследуемое ЛСП трудно объяснить только семантическими причинами. Например, в ЛСП «Fort» такие прилагательные как *grand*, *large*, *important*, *épais*, *gros* должны принадлежать другим парадигмам: или смежным в случаях *large*, *épais*, *gros*, или иерархически возвышающимся, которые включают в себя исследуемое объединение – *grand*. Такими прилагательными, группирующимися вокруг более общего понятия, включающего и исследуемый нами пласт лексики, являются *grand* и *important*. Оба они принадлежат к родовым именам, стоящим на более высоком уровне обобщения, чем рассматриваемое ЛСП с гиперонимом *fort*.

Однако коллективная прагматическая направленность, отразившаяся в современных французских словарях, не случайно объединяет их с такими словами как *ferme*, *dur*, *puissant*, *solide* и др. из рассматриваемого ЛСП. Если же говорить о семантических особенностях данных рядовых членов ЛСП, то своеобразие гиперо-гипонимических отношений здесь проявляется в том, что в одном из своих значений эти более широкозначные слова включаются в рассматриваемую парадигму, будучи при этом гиперонимами ЛСП, включающих данное. Об этих семантических взаимодействиях парадигм через свои ведущие и рядовые члены речь пойдет при анализе конкретного материала. Большой совпадающий сектор значения *grand* и *important* с гиперонимом свидетельствует о компенсационных способностях более широкозначных слов. Они, в частности, в силу специализации своих значений, могут выступать в качестве рядовых членов для обозначения более узкого понятия, составляющего часть их семантической структуры.

Границы прагматики, как она понимается, например, А. Вежицкой, определяются не по формальному критерию, а на основании характера значения. Таким образом, в компетенцию прагматики попадают те языковые элементы, у которых установочные компоненты (субъективные, экспрессивные и пр.)

доминируют над денотативными [343]. Такое понимание прагматики фактически означает смешение ее с коннотацией, в то время как прагматика, являясь более широким понятием, включает в себя и коннотацию, не ограничиваясь последней. Следуя А.Вежбицкой и Ю.С.Степанову [169;343], мы будем относить к лингвистической прагматике не просто некоторую область семантики, а именно ту, которая изучает языковые элементы, ориентированные на речевое взаимодействие, иначе говоря, элементы, в семантике которых отсылка к говорящему играет ключевую роль.

Прагматическое значение, по определению добавочное к чему-либо, может выступать в качестве основного в значении ряда слов, таких, например, как прилагательные хороший/плохой. В этом случае проблема субъективности, субъекта выходит на первый план. Вопрос о соотношении семантики и прагматики, их границах постоянно занимает исследователей, как и определение круга проблем собственно прагматики, в отличие от семантики и синтактики. Ж.Лич в «Принципах прагматики» [303] различал три подхода к прагматике:

1.Комплементаристский, предполагающий автономную прагматику (Ч.Моррис). Прагматика по Моррису – отношение к сказанному, но в лингвистике все семанлично, то, что для логиков прагматично.

2.Прагматический, когда семантика погружается в прагматику, то есть значение сводится к правилам употребления (Л. Витгенштейн).

3.Семантический, когда прагматика является частью семантики.

Предпочтительнее, на наш взгляд, рассмотрение предмета в русле третьего подхода, поскольку прагматическая информация о слове по сути включена в его дефиницию в большинстве авторитетных и обстоятельных изданий, на которых и основывается исследователь. Прагматический аспект семантики слова – это вся лексиколизируемая и, следовательно, лексикографируемая информация, отражающая отношение в широком смысле слова говорящего к объекту высказывания. Дополнительным аргументом в пользу включения прагматического аспекта в семантику слова является способность слова осуществлять воздействующую функцию. Эта функция, которую называют

также регулирующей, позволяет слову быть не только отражением действительности, но и средством регуляции поведения.

Разноплановость и многокомпонентность факторов, формирующих прагматическую информацию, обуславливает комплексный характер прагматического аспекта слова. Так, к системным параметрам прагматического аспекта слова относятся эмотивность, оценочность, интенсивность и эвокативная отнесенность. Если вспомнить работы Р. Якобсона, то все это объединено у него понятием эмотивности [217;218]. Ведущим, по-видимому, является эмотивно-оценочный компонент. Этот компонент относится к разряду экспрессивных, ориентирующихся не на реальные свойства, а на качества свойств, приписываемые самим субъектом. Оценка формируется за счет семантики аффективных прилагательных, оценочных существительных, сравнений и т.д., а также самим выбором языковых единиц.

Прагматический аспект может занимать в структуре слова:

- ядерное положение - интеллектуальный компонент в таких словах беден, напр., негодяй, трепло.
- относительно периферийное положение, где прагматический аспект находится в тесном единстве с предметно-логическим компонентом: домище, preoscuratissimo (ит.)
- периферийное положение, когда прагматическая составляющая эксплицируется лишь в определенных ситуациях.

Лингвистическая прагматика вполне обоснованно находит свое место в лексикографии. Если до недавнего времени речь шла о прагматическом характере разнообразных речевых актов, то в исследованиях последних лет анализируется прагматическая информация толковых словарей [8]. Симптоматично, что Ю.Д.Апресян подчеркивает, говоря о прагматике, не оценку, свободно творимую говорящим в речи, а готовую лексикализованную или грамматикализованную оценку, которая встроена непосредственно в содержательную сторону языковой единицы и имеет постоянный статус в языке [8; 9].

Как известно, сущность словаря -- организация объективной языковой картины мира. Но и здесь языковой материал не может быть рассмотрен вне связи с субъектом речи, а прагматические категории субъективны по своей сути. Хороший словарь дает наиболее адекватное действительности описание лексической системы. Его словарная статья содержит, помимо семантической, и чисто прагматическую информацию, традиционно не отделенную от классической дефиниции. Это стилистические пометы, указания на особенности словоупотребления, которые ставятся в конце и никогда не акцентируются при определении значения. В работах Ю.Д.Апресяна прагматическая информация впервые переносится из сферы синтаксиса и теории речевых актов в сферу лексикографии, где все ее элементы эксплицированы и систематизированы. При этом Ю.Д.Апресян понимает прагматический компонент широко, включая в его содержание все, что выходит за пределы денотативного ядра. Например, оценки по параметрам количества, желательности/нежелательности, истинности, иллокутивной функции, статусы говорящего и адресата; все типы коннотаций и т.д.[3; 9].

Обобщая известные идеи и представления, Ю.Д.Апресян вычленяет три аспекта и три основные части прагматической информации: отношение к действительности, к содержанию сообщения и к адресату [8, с.28]. Прагматический компонент в словаре - это такой типизированный, социально-закрепленный и единый для всех говорящих элемент содержания лексического значения, который в типовых речевых актах символизирует все эти три аспекта. Прагматический компонент в словаре может существовать в эксплицитной и имплицитной форме.

Эксплицитная форма выражает непосредственное отношение субъекта и адресата, что маркирует аргіогі речевую ситуацию. Это лексически экспрессивные слова типа холодрыга, чернуха, а также усеченные формы, диминутивы -- глазки, телик. Другим типом эксплицитно выраженных прагматических компонентов являются эмотивные слова, такие как характеризующие существительные -- деляга, ловкач. Это все случаи метафорических характеристик человека, его свойств и действий: свинья, клуша,

облаять, кислое выражение. Здесь налицо отрицательная характеристика предмета речи, подчеркивание сниженного и фамильярного отношения к адресату. В первом случае прагматический компонент непосредственно включается в текст дефиниции: младенец -- перен. о неопытном, наивном или беспомощном человеке. Во втором используется применение стилистических помет, отражающих эмотивные и экспрессивные характеристики, которые фигурируют в словарных дефинициях с пометками «ласкат.», «неодобрит.», «бран.». «презрит.» и т.д.

Имплицитный прагматический компонент связан с когнитивной направленностью. Поскольку понятие «когнитивное» часто включает в себя «прагматическое», мы останавливаемся подробнее на взаимодействии этих двух видов информации. Имплицитный прагматический компонент представляет для нас специальный интерес, так как является непосредственным объектом нашего исследования. Он ярко характеризует изучаемую лексику, группирующуюся вокруг общечеловеческих полярных концептов, таких как добро/зло, жизнь/смерть, красота/уродство, в нашем материале - сила/слабость. Изучение этого компонента неизбежно приводит нас к исследованию семантической структуры слова, которая содержит, помимо денотативной (сигнификативной) информации, также и характеристики, указывающие на принадлежность слов изучаемых парадигм к данным полярным концептам, что является несомненным прагматическим фактором.

Еще один прагматический компонент основан на знаниях и истинах, навязанных, часто внушенных и пропагандируемых в конкретных социумах. Это идеологический компонент прагматики, который характеризует лишь определенные фрагменты словаря. Например, в русском собственник, диссидент до недавнего времени сохраняли пейоративные оценки или ярлык чуждости. Этот имплицитный прагматический компонент не характерен для изучаемой нами лексики и упоминается здесь лишь в порядке теоретического данного.

Возвращаясь к интересующей нас прагматической информации, подчеркнем наиболее важное для наших целей ее свойство, а именно ее сплетенность с

семантической информацией. Ю.Д.Апресян считает, что она как бы впрессована непосредственно в лексическое значение слова. В таких случаях она лексикографически предстает как семантическая. Такой традиционный способ представления информации вынуждает исследователя отделять собственно семантическую часть от прагматического компонента.

Поскольку словарь следует определенному канону описания, то он навязывает жесткие формы представления лингвистической информации, которые в ряде случаев могут не соответствовать существу дела. Если в значение входят какие-то прагматические компоненты, они не могут быть изъяты из его толкования и перенесены в прагматическую зону, а остаются в зоне семантики. Таким образом, прагматический компонент эксплицируется в толковании, то есть в зоне семантики. Это создает значительные теоретические и технические трудности при выявлении, изучении и описании прагматической информации, так как почти полностью отсутствуют традиции ее лексикографической обработки [8, с.38-41; 9].

Прагматический аспект языка тесным образом соприкасается со стилистическим, а во многих случаях эти аспекты практически совпадают, так как и стилистика, и прагматика изучают воздейственный потенциал языковых единиц. Поэтому прагматическую информацию в толковом словаре мы часто встречаем в той части словарной статьи, где помещаются стилистические пометы.

Возвращаясь к определению роли прагматики в лексической системе, следует подчеркнуть, что прагматика - вовсе не хаос, как принято было утверждать не так давно. Это скорее упорядочивающий фактор, который вносит дополнительную коррекцию, идущую от субъекта. О том, насколько эта область тесно переплетена с семантикой, свидетельствуют колебания при определении статуса тех или иных явлений в исследованиях даже таких авторитетных авторов как Н.Д. Арутюнова [15].

Если семантика -- это ядро структуры слова, то прагматика -- окружающие слово интенции говорящего субъекта, которые воздействуют на семантику. С другой стороны, семантика порождает прагматические явления, такие как

коннотацию, эпидигматические отношения, морфо-семантические поля по П.Гиро. Мотив и цель коммуникации, она же субъективная модальность, она же прагматическая установка - основа семантики выбора нужного слова. Следовательно, прагматика не только впрессована в семантику по Апресяну, но и когнитивно, онтологически предшествует ей. Мыслительная установка, направленность диктует выбор нужного языкового средства, семантика которого производна, подчинена прагматике говорящего, воздействующего субъекта.

Очевидно, можно говорить о том, что в широком смысле слова семантика вторична, зависима, во всяком случае, производна от прагматики. При диахронном рассмотрении лексических парадигм прослеживается также и экстралингвистическая (в некотором смысле социально-историческая) роль прагматики как упорядочивающего фактора. Строение поля, помимо чисто языковых взаимоотношений, зависит также от основных ценностей, превалирующих в определенный период. Этот внешний, непосредственный прагматический фактор также приводит к перегруппировке от латинского первоисточника к современным построениям в романских языках.

Неслучайным, с этой точки зрения, оказывается несовпадение слов в составах французских и латинских ЛСП. Сами понятия «сильный» и «слабый» выражаются по-разному в латыни и современном французском. Если понятие «сильный» выражается в обоих ЛСП однокоренными словами Fort—Fortis, то уже «слабый» передается совсем разными прилагательными Faible – Debilis. Также, группирующиеся вокруг гиперонимов слова по-разному передают основные значения парадигмы, что связано не только с языковым членением, но и, в значительной степени, с экстралингвистической прагматической направленностью. По-видимому, в латыни сами концепты «сильный» и «слабый» несколько отличались от современных французских. Этим концептам соответствовали свои языковые формы, диктуемые особенностями восприятия этих понятий древними римлянами. Те изменения в осмыслении и обозначении понятий «сильный»/«слабый», которые отразились в языковой картине современного французского общества, по сравнению с древнеримским,

представляют несомненный интерес не только для лингвиста, но также и для этно-, социо-, психолингвиста.

Итак, говоря о прагматике, следует уточнять ее статус и указывать, употребляется ли этот термин в широком или узком значении. В узком, по Ю.Д.Апресяну, это информация, впращенная в семантику и часто неотделимая от нее в виде стилистических помет и т.д. В широком смысле – это выбор соответствующего слова, который обусловлен прагмафункцией: перебором соответствующего регистра и выбором из него нужного. Именно поэтому Ю.С.Степанов и многие другие говорят о прагматике как о наследнице риторики. Но и в этом значении прагматика неотделима от семантики. В лексике она семантически. Без осознания значения слова невозможен выбор, языковой примат в

формуле $\frac{\text{Язык}}{\text{КК}}$ очевиден. Подключение же экстралингвистических составляющих помещает лингвистические факторы в социокультурное окружение, которое может подкреплять или объяснять соответствующий языковой выбор. Но и в первом, и во втором понимании прагматика как «свой выбор» всегда семантически обусловлена.

1.3. СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

1.3.1 ТЕОРИЯ НЕРАВНОВЕСНОСТИ. ОСНОВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ.

Проникновение в языкознание общефилософских концепций становится на рубеже двух тысячелетий более быстрым и эффективным. Если для продвижения некоторой методологической идеи раньше требовались десятилетия (вспомним теорию поля, пришедшую из физики в философию в 20-е, 30-е г.г., и только к концу 50-х прочно обосновавшуюся в лингвистике), то сейчас буквально с момента ее возникновения, мы наблюдаем экстраполяцию подходов и методов естественных и точных наук в гуманитарные и vice versa. Ярким примером быстрого внедрения во все области знания новой методологии может служить

теория синергетики И.Пригожина. Эта концепция является во многом обобщающей и аккумулирующей опыт передовых наук XX века — от ядерной физики до экономики и социологии [156; 157; 328]. Основная мысль этой революционной во многих отношениях теории состоит в том, что современные пути исследования природы и культуры не могут носить механистического характера, а отличаются непредсказуемостью, наличием одновременно и хаоса, и порядка. Эта позиция созвучна господствующей сейчас в лингвистической науке идее множественности, а не единственности интерпретаций.

История языкознания показывает нам, как в разные периоды ее развития одно и то же явление интерпретировалось по-разному. Теперь эту разность интерпретаций предпочтительно проводить в одно время. Многосторонний анализ позволяет выявить и сопоставить несовместимые на первый взгляд свойства одного объекта, который приобретает, таким образом, объемные стереоскопические очертания. Так, известная в лингвистической литературе однозначная трактовка семантики, синтактики и прагматики оказывается недостаточно всеохватывающей, ей не хватает во многих случаях объяснительной силы. Амбивалентные процессы, лежащие в основе многих лингвистических явлений, требуют неоднозначного многостороннего толкования. Довольно долго бытовало мнение о прагматике, как о хаотичном процессе, которому противопоставлялась упорядоченность семантической организации языка. Современный подход, известный как синергетический, предполагает неоднозначность, множественность в определении тенденций развития сложноорганизованных систем, к которым относится язык. Это, в частности, касается и трактовки роли прагматики, которая рассматривается как амбивалентный процесс, одновременно разрушающий и созидаящий новое.

Разрушающая сила прагматики как фактора нестабильности, вносящего изменения извне и, в конечном счете, приводящего к вытеснению определенных семантических участков, в последнее время рассматривается во многих исследованиях (Н.Д.Арутюнова и др.). О созидательной роли прагматики, вытекающей из ее внешней, по отношению к семантике, сферы действия и формирующей новые значения, говорится и пишется меньше. Однако оба эти

свойства – суть стороны одного явления, амбивалентного по своей природе, разрушающего и созидającego одновременно. Теория синергетики позволяет рассматривать известные языковые явления с новых, более высоких теоретических позиций, что значительно расширяет кругозор исследования и обобщает его результаты на принципиально ином уровне. Остановимся вкратце на истории возникновения и развития синергетической концепции, определившей во многом лицо современной науки.

Неслучайно само название и этимология слова «синергия». Приставка «syn» (sun) отражает объединение противостоящих или могущих противостоять сил, поскольку слово *energeia* при эллинизме (хотя термин «*energhes*» уже имел место у Аристотеля) обозначало космические силы, которые действуют внутри и вокруг человека. Постепенно формируется семантическое поле, вокруг которого объединяются термины, обозначающие человеческую и божественную деятельность, направленную к единой цели, осуществляемую также в обычной обстановке, поскольку термин «*energhes*» употребляется как определение от «*мега*» для обозначения трудового дня. Чтобы указать на такое божественное и человеческое сотрудничество, *energeia* принимает префикс *syn*, который придает значению «соревнование сил» оттенок одновременности. Различные действия производятся с одной целью в одно и то же время [30].

Термин «синергия» впервые возник в 1896 г. в психологии, его ввел Теодуль-Арман Рибо, устанавливая связь между миром эмоций и разумом. Эти две сущности, по его мнению, сливаются, образуя понятие синергии, называемое также *sim-patia*. У Рибо значение синергии ограничено простым слиянием сил в одном действии. Значительно ближе современному понятию синергетика предстоит в трактовке Люстера Франка Уарда. Он обозначает этим термином динамический принцип космического и социального становления. Центральным моментом этого становления является слияние противоположных и действующих одновременно сил в такую систему, которая порождает и регулирует эволюцию космоса и общества. Уард рассматривает социологию как науку, в которой сливаются все дисциплины, образуя синергию, результатом которой является научное познание [Там же].

Дальнейшее развитие теории прослеживается в концепции Мориса Блонделя, который сводит отдельные мыслительные операции в динамическое единство — синергию. Совместное действие 2-х функций мышления, которые он называет «мысль познающая» и «мысль духовная», характеризует динамизм человеческого мышления и называется синергией. Обе функции тесно связаны и переплетены настолько, что одна невозможна, неэффективна и непонятна без связи с другой. Герман Хаген в 1970 г. в курсе лекций, прочитанных в Штутгарте, дает определение синергетики как «науки комбинированных эффектов», которая содержит предложения, концепции, методы и рабочие инструменты, помогающие решению ее генеральной задачи: поиска объяснения, каким образом формируются структуры и как они самоорганизуются [30, с. 169].

Синергетика не удовлетворяется определением структур, а хочет знать их динамику. Подчеркнем, что это положение весьма плодотворно как в общесемиотическом плане, так и, в особенности, в лингво-семантических исследованиях. Область деятельности синергетики расширяется, она становится наукой об упорядоченном, самоорганизующемся или коллективном поведении, подчиненном общим законам. За всеми явлениями ведется постоянное научное наблюдение, с тем, чтобы выявить процессы, в результате которых формируются их структуры и пути, ведущие в определенном направлении.

Следующий этап состоит в том, что наука стремится свести все полученные сведения к единому явлению, к регулярности. Но принцип упорядоченности нарушается при изменении расположения структур, вследствие чего частицы, из которых состоит структура, располагаются в другом порядке. Таким образом проявляются колебания, которые можно сравнить с критическими волновыми колебаниями в физике. Они вызывают беспорядочное движение, имеющее тенденцию к перестройке в новый порядок. Такого рода движение, приводящие к созданию новых структур, свойственно всем сложноорганизованным системам.

В области как гуманитарных, так и естественных наук колебания отдельных элементов и звеньев системы – проявление ее жизнедеятельности, развития и становления. Это как бы соперничество различных форм движения, в

результате которого после фазы кажущегося беспорядка, какая-то одна форма все более преобладает и аннулирует все другие. Или лучше сказать, другие втягиваются в движение преобладающей формы, то есть, по терминологии синергетики, подчиняются ординатору, или новой парадигме. Все частицы должны обязательно приспособиться к преобладающему движению и только к нему. Примером могут служить революционные перевороты и захват власти, в результате которого устанавливается новый порядок, к которому все должны приспособляться и подчиняться. Это один из случаев действия ординатора, о котором говорит синергетика.

Универсальность применения принципов и методов синергетики и открываемые перспективы делают из нее мировоззрение, методологию по Щедровицкому, что может расширить ее функции от восприятия до понимания мира. Новая научная модель мира акцентирует внимание на таких аспектах реальности как неустойчивость, разупорядоченность и разнообразие, нелинейные, вероятностные детерминации, целостность, самоорганизация. Примером одной из таких моделей может служить теория изменения, разрабатываемая в рамках Брюссельской школы, опирающейся на работы И.Пригожина.

В упрощенном виде суть этой теории сводится к следующему. Некоторые части Вселенной действительно могут функционировать как механизмы. Таковы замкнутые системы, но они составляют лишь малую часть физической Вселенной. Большинство же систем, представляющих для нас интерес, открыты — они обмениваются энергией, веществом, информацией с окружающей средой. К числу таких систем, без сомнения, принадлежат биологические и социальные системы, а это означает, что попытка понять их в рамках механистической модели обречена на провал. «То, что возникает буквально на наших глазах, есть описание, промежуточное между двумя противоположными картинами -- детерминистическим миром и произвольным миром частных событий. Реальный мир управляется не детерминистическими законами, равно как и не абсолютной случайностью» [156,с.262].

Осознание и изучение естественно функционирующего явления требуют, таким образом, чтобы оно было рассмотрено с полярных позиций: детерминистской, механистической и произвольной, релятивистской, в которой решающим является фактор случайности. Возникающее новое появляется как результат движения или колебания определенной ветви или участка системы. Оно объединяет жестко заданные параметры, предписанные устройством системы, и произвольные факторы, связанные с вероятностным характером ее движения и развития, то есть ее становления. Согласно выводам создателей синергетической концепции, основными принципами новой научной парадигмы провозглашены: *нелинейность, несводимость и вероятность*.

В 1989 г. на конференции по вручению Нобелевских премий И.Пригожин подчеркивает: «мы подошли к концу науки, к концу представления о классической рациональности, связывающей понимание с открытием детерминистических законов, открытием бытия за рамками становления» [Там же. С.12]. Считается, что областью зарождения системных представлений является биология. Это было связано с осознанием принципиального характера тех трудностей, с которыми столкнулось естествознание в попытке причинно согласовать между собой все наблюдаемые проявления биологических объектов, воспринимаемых в терминах отношения «целое/часть». Системность постепенно занимает положение главенствующего подхода во всех естественных, а затем и гуманитарных науках.

Неклассический идеал рациональности требует разработки соответствующих теоретико-методологических концепций. Попытки разрешения этой задачи осуществляются, в частности, в рамках системного движения, начавшего формироваться в 40-е г.г. XX века. Объединяющим принципом движения является системный подход, понимаемый как эксплицитное выражение процедур представления объектов как систем и способов системного исследования (описание, объяснение, предсказание), то есть определенная совокупность методологических и логических принципов исследования. В рамках этого движения развиваются общая теория систем — междисциплинарная область научного исследования, в задачу которой входит: разработка средств

представления объектов как систем; построение обобщающих моделей систем, классов систем, свойств систем и динамики систем; исследование концептуальной структуры системной теории. А также системные теории — совокупность полученных в системных исследованиях позитивных результатов: системная биология, психология и т.д.

Возникла насущная необходимость выявить некую иерархию свойств, которая задаст свойства системам, как таковым. Как утверждает У. Росс Эшби, система является «самоорганизующейся», когда вся она переходит от плохой организации к хорошей. «Организация» (как процесс) может означать переход от неорганизованной системы к организованной. Ни об одной системе нельзя строго утверждать, что она является самоорганизующейся. Возможно спонтанное возникновение организации, примером чего является происхождение жизни на Земле» [213]. Об этом же говорит и И.Пригожин, проводя в качестве примера переход от неорганической природы к органической, который мог произойти только в результате фактора случайности, необъяснимого с точки зрения закономерностей развития [328].

Системы, в общем, стремятся к равновесию, но большинство состояний системы являются неравновесными. Поэтому, переходя из любого состояния к состоянию равновесия, система переходит от большего числа состояний к меньшему. Таким путем система совершает выбор в том чисто объективном смысле, что некоторые состояния ею отвергаются (те, которые она покидает), а некоторые сохраняются (те, в которые она переходит). Таким образом, в той степени, в какой каждая детерминированная система стремится к равновесию, она совершает и выбор. Семиотические системы – это модели, объясняющие мир, в котором мы живем. Ясно, что, объясняя мир, они одновременно его конструируют (семиотика – когнитивная наука). Среди таких систем язык выделяется как первичная моделирующая система: мы воспринимаем мир, пользуясь моделью, предложенной самим языком. Миф, культурные нормы, религия, язык искусства и язык науки – это вторичные моделирующие системы, которые мы изучаем, поскольку они так или иначе приводят нас к пониманию мира, позволяют говорить о нем.

Синергетическая концепция базируется на следующих постулатах:

1. На смену представлению об устойчивости, порядке и равновесии, традиционно приписываемым всем сложным системам, к которым относится и язык, приходит идея неустойчивости и неравновесия. Это свойство всех открытых систем, находящихся в движении и проходящих определенные этапы в своем развитии и становлении.

2. По мнению Пригожина, все системы содержат подсистемы, которые непрерывно флуктуируют, колеблются. Иногда отдельные флуктуации приводят к разрушению системы или же к коренной перестройке.

3. Невозможно заранее предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие. Станет ли система хаотичной, или перейдет на более высокий уровень упорядоченности (диссипативная структура)?

4. Этот процесс можно назвать «сдвигом парадигмы», он связан с открытостью системы и случайностью. Необратимые процессы порождают высокие уровни организации, то есть диссипативные структуры. Необратимость может стать источником порядка, когерентности, организации.

5. В синергетическом представлении подчеркивается возможность спонтанного возникновения порядка и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации. Во многих случаях довольно трудно провести четкую границу между такими понятиями, как «хаос» и «порядок».

Этот тезис чрезвычайно продуктивен и важен в применении к языку. Естественным выводом из него является нарушение симметрии, которое сопровождает на всех уровнях процессы флуктуации.

Несимметричность системы, процесса свойственны естественному функционированию языка. Симметрические построения, которые применяются, например, в фонетике, грамматике – лишь условные допущения, позволяющие рассмотреть как неподвижный остановившийся кадр определенные этапы движения. Существующая и ныне методика исследования представляет собой сложение этих этапов. В итоге мы получаем картину перемещения от одного

симметричного состояния к другому, минуя этапы нестабильности, переходов, собственно движения. Сами процессы флуктуации остаются вне поля зрения наблюдателя. Последовательное наложение и рассмотрение застывших статичных образов не дает представления об истинной природе процессов, движущих и изменяющих систему.

Один из главных выводов И.Пригожина: на всех уровнях, от микро- до макромира, источником порядка является *неравновесность*. Неравновесность есть то, что порождает «порядок из хаоса». Сами понятия порядка и беспорядка намного сложнее, чем можно было бы думать. Это один из основных вопросов в попытке понять природу. Речь идет об отношениях бытия и становления, неизменности и изменения. Наблюдения и исследования показали, что в природе и в обществе повсеместно -- от элементарных частиц до биологии и экологии -- процессы сопровождаются нарушением симметрии. Произошло столкновение динамики, с присущей ей симметрией во времени и термодинамики, для которой характерна односторонняя направленность во времени, то есть необратимость.

В синергетической интерпретации 2-ой закон термодинамики формулируется как принцип отбора, приводящий к нарушению симметрии, что, в свою очередь, приводит к необратимости как усилению беспорядка. Так, объединение динамики и термодинамики с помощью введения нового принципа отбора придает второму началу фундаментальное значение эволюционной парадигмы естественных наук. Общность этой эволюционной системы велика. Она охватывает изолированные системы, эволюционирующие к хаосу, и открытые системы (к которым относится и язык), эволюционирующие к все более высоким формам сложности. Особенно важным И.Пригожин считает то, что необратимость, или стрела времени, влечет за собой случайность.

Общетеоретический смысл необратимых процессов, протекающих в равновесных и неравновесных ситуациях, важен для всех специалистов, интересующихся динамическими процессами. Равновесные ситуации протекают плавно, подчиняются законам причинности и дают обратимые (симметричные) траектории, позволяющие предсказать по пройденной части непройденную.

Особенностью неравновесных ситуаций является то, что на динамической траектории появляются точки бифуркации. В этих точках дальнейшее движение с равной вероятностью может протекать в двух (или нескольких) направлениях, и предсказать, в каком именно, не представляется возможным. В этих условиях резко повышается роль случайности, побочного фактора, который может повлиять на будущее течение процесса.

Введение фактора случайности в причинностный механизм представляет собой в определенной степени открытие И.Пригожина. Этот фактор деавтоматизирует картину мира. Поскольку большинство процессов, протекающих в человеческом обществе и его структурах, может быть охарактеризовано как необратимые, совершающиеся в остро неравновесных ситуациях, именно они особо интересуют историка культуры, социолога, лингвиста. «Если модели порядка из флуктуаций могут сообщить нам что-либо, это то, что всякая норма – результат выбора и содержит элемент случайности, но не произвола ... Из главного открытия Дарвина вытекает, что «нормальный» мир, тот, который можно вывести из законов природы, это мир без жизни; единственные предвидимые и воспроизводимые законы, это законы смерти и возврата к неподвижности, как кристаллизация, являющаяся принципом всякого морфогенеза. Случай – статистическое чудо появления генетического кода и цепи благоприятных мутаций – противоположность естественной законности; случай вырывает живое у неподвижного порядка природы» [328, p.260,261]. (Перевод наш, Г.Б.). Эти революционные выводы Пригожин подкрепляет многочисленными примерами из химии, физики, этнографии, ботаники и завершает следующим соображением: « ... порядок из флуктуаций противопоставляет миру статической динамики мир открытый, деятельность которого порождает новое, эволюция которого – обновление, создание и разрушение, рождение и смерть» [Op. cit.P.271].

1.3.2. СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В АНАЛИЗЕ ЛЕКСИКИ

Очевидно, синергетическая концепция позволит подойти по-новому к вопросу о том, в каком направлении может сегодня развиваться лингвистика. В более частном порядке она, на наш взгляд, является методологической основой для рассмотрения лексической системы. Например, в процессе становления парадигмы от ее первоначального состояния к современному, который может рассматриваться как этап на пути к диссипативной структуре. Новый комплексный синергетический подход отличается от предыдущего, прошедшего под знаком структурализма и выросшего из сосюрговской концепции языка как стройной и логичной системы, в которой все взаимосвязано (*tout se tient*), а также от постмодернистской концепции деконструкции, в принципе отрицающий порядок как принцип организации системы.

Как выяснилось впоследствии, теория Соссюра была достаточно статична и регидна, в ней не принимался в расчет фактор языковой динамики, случайности, который, в концепциях Ж.Лакана, М. Фуко, Ж.Дерриды, позднего Р. Барта возводится практически в абсолют. Значительным шагом вперед, по сравнению с сосюрговской, явилась теория Пражской лингвистической школы во многом актуальная и на сегодняшний день, например, положениями о центре и периферии, о слабой точке в системе. Можно сказать, что это уже теория неравновесности, по сравнению с предыдущим этапом, где язык предстал как четко пригнанная сбалансированная структура.

Когнитивные исследования последних лет также расширили представление о механизмах порождения и функционирования языка как изменяющейся и во многом не поддающейся выработанным законам и представлениям системе. Диффузные недискретные образования, приводящие к неоднородности, множественности интерпретаций свидетельствуют о большей или меньшей степени структурированности отдельных элементов языковой системы. Вся система в целом предстает, с этих позиций, как неоднородная, следовательно, и неравновесная совокупность системного, внесистемного и хаотического.

В теорию неравновесности языка вносит свой вклад и учение о прагматическом аспекте слова, вносящем дополнительную субъектную

информацию несистемного изменчивого характера. Включение понятия «прагматическое» в «когнитивное», в этой связи, подчеркивает фактор случайности, дополнительности информации, который может разрушить статичное построение и привести к хаотичному состоянию, чреватому созданием новой системы. Сам механизм флуктуаций становится более понятным и объяснимым с позиций когнитивно-прагматического фактора. Строгое и последовательное использование синергетической концепции, в частности пригожинского аппарата, предоставляет возможность по-новому рассмотреть понятие неустойчивости в языке, поднять его на более высокий уровень. В частности использование данной методологии плодотворно в лексике, где ярче, чем в других системах, проявляются дихотомии «порядок/беспорядок», «организация/хаос».

Исследования Ю.М.Лотмана, проведенные независимо и без какой-либо связи с трудами Брюссельской школы, тем не менее, приводят во многом к сходным выводам, относящимся к «работе» семиотических систем. Этот факт симптоматичен уже самим совпадением, указывающим на актуальность и целесообразность именно такого подхода в современном научном процессе. Естественно, исследования И.Пригожина, проведенные на обширнейшем материале из физики, биологии, социологии, экономики и других областей знания, носят более глобальный характер. Кроме того, научной основой его трудов являются новейшие достижения в таких далеких от лингвистики дисциплинах как ядерная физика, математика, микробиология. Однако методологические подходы и конечные выводы обоих ученых оказываются чрезвычайно близкими. Ю.М.Лотман неоднократно возвращается к вопросам, связанным с эволюцией, динамикой семиотической системы. Этому же посвящены и многие исследования Пражской школы, где рассмотрение диахронии, как эволюции системы, не отрицает, а, напротив, проясняет сущность синхронной организации каждого определенного среза. Так возникает взаимопереходность этих категорий. Вычлняя наиболее существенные дихотомии семиотических структур, Ю.М.Лотман особо останавливается на трех

следующих: «системное/внесистемное»; «ядро/периферия»; «необходимое/излишнее».

Первое противопоставление является одним из основных источников динамизма семиотических структур. Его суть в постоянном втягивании внесистемных элементов в орбиту системности и одновременное вытеснение системного в область внесистемного. Отказ от описания внесистемного отсекает динамический резерв системы. Оно может на следующем этапе динамического процесса сделаться структурным, «тем краеугольным камнем, который строители сложившейся системы отбрасывают как, с их точки зрения, излишний или необязательный» [130,с.92]. Внесистемное отнюдь не синоним хаотического, а понятие дополнительное к системному; это две стороны одного амбивалентного процесса. Рост внутренней амбивалентности - показатель приближающегося момента динамического скачка - почти точный аналог понятиям флуктуации и достижения точки бифуркации в трудах Брюссельской школы. Ю.М.Лотман говорит в таком случае о переходе системы, имея в виду семиотическую структуру, в динамическое состояние.

В результате неопределенность структурно перераспределяется и получает, уже в рамках новой организации, новый определенный смысл. «Один из вопросов в попытке понять природу: речь идет об отношениях бытия и становления, неизбежности и изменения... Начальные условия, воплощенные в состоянии системы, ассоциируются с бытием, а законы, управляющие темпоральным изменением системы - со становлением. Мы считаем, что бытие и становление должны рассматриваться не как противоположности, противоречащие друг другу, а как два соотнесенных аспекта реальности» [156,с.285].

Вопрос о бытии и становлении в лингвистике может быть рассмотрен как соотношение статики и динамики, синхронии и диахронии. Исходное положение любой системы – ее синхронный срез, отвлеченный от общей динамической картины развития, можно представить как начальное условие. Проблема становления, законов темпоральных изменений в связи с переходом к следующему уровню развития, значительно сложнее. Именно процесс

становления приводит к отбору системного/внесистемного. В орбиту создания новой диссипативной структуры втягиваются новые элементы, те, которые либо отсутствовали в исходной структуре, либо находились на ее далекой периферии. Они и составляют тот динамический резерв, а часто и тот краеугольный камень, о котором говорит Ю.М. Лотман. Привнесение новых элементов вызывает внутренние колебания системы, флуктуации, способствующие росту амбивалентности процесса. Динамический скачок (точка бифуркации) – момент, когда система приходит в движение, в результате которого она превращается в новую диссипативную структуру. Эта структура сохраняет определенные элементы исходной, будучи при этом новым созданием, соотносимым с исходной как следующий этап ее развития.

Именно под таким углом зрения рассматриваются в работе два ЛСП – латинское и французское. Они не противопоставлены друг другу, а в целом создают фрагмент картины движения от бытия к становлению. В ходе этого движения вовлекаются новые элементы, которые отсутствовали на первоначальном этапе. Одновременно происходят определенные и неизбежные материальные потери. Периферийные элементы исходной структуры становятся основополагающими в диссипативной. В связи с этим пересматриваются некоторые положения из общей теории систем, в частности, дихотомия «центр/периферия».

Противопоставление «ядро/периферия» представляет собой наиболее характерную черту системно организованной парадигмы на любом уровне. Это соотношение усложняется в связи с деформацией любой описанной структуры (языка в первую очередь). Описание как культурно-творческий акт фиксации неизбежно преобразует, видоизменяет свой объект (язык). Такая деформация склонна отрицать периферию, переводя ее в ранг несуществования. Очевидно, что степень жесткости организации ослабляется от центра к периферии, при этом, прежде всего центр в основном является объектом описания. Однако именно в периферийном участке наблюдаются наиболее интересные процессы, связанные с проникновением туда соседних и смежных элементов, нарушающих жесткость и равновесие структуры.

Например, дихотомия «однозначность/амбивалентность» (в языке, скорее, многозначность) распределяется неравномерно в семиотическом пространстве — она более ярко выражена как раз на периферии структуры. Ссылаясь на труды Ю.М.Тынянова [Тынянов], Ю.М.Лотман выдвигает положение о механизме структурной динамики как постоянной мены ядра и периферии. Более гибкий механизм периферии оказывается удобным для накопления весьма разнородных и многочисленных структурных форм. Постепенное их накопление приводит к качественным изменениям, в результате которых центр смещается и оказывается там, где раньше находилась периферия. Соответственно, периферия продвигается вглубь системы, захватывает новый ее участок. Такие поступательные движения, подобные колебаниям, приводят систему в состояние неравновесия, они являются основой ее динамики, развития.

Поскольку соотношение «ядро/периферия» имеет дополнительную векторную характеристику «верх/низ», то динамическое состояние системы, как правило, сопровождается меной верха и низа, существующего и как бы несуществующего, ценного и лишённого ценности. Если на каком-то этапе наиболее существенными выступают свойства центра, то затем они же оказываются маргинальными, потерявшими свое значение. Механизм семиотической эволюции, который выражается в качании между динамическим состоянием и статикой, регулируется прагматикой — тем локомотивом, который вносит в язык его описание с внешней позиции. Прагматика, как метаязыковой фактор, в результате «стремления к стабилизации элементов статики и гомеостатического тождества системы самой себе» [130,с.98], приводит к переносу из метаязыковой в языковую сферу того, что в последствии становится нормой и основой для дальнейшей индивидуализации.

Наконец последняя антонимия «необходимое/излишнее», по сути, является естественным продолжением и дополнением двух предыдущих. Как показывает иерархия семиотических систем — от простейших, типа уличной сигнализации, до наиболее сложных, таких как языки искусства, — наиболее характерной чертой для них всех является рост избыточности. В языке, например, на всех уровнях работают механизмы увеличения эквивалентностей и

взаимозаменяемостей (одним из примеров этого механизма в лексике является синонимия). Конечно же, одновременно создаются и другие механизмы, работающие в противоположном направлении (закон экономии в языке, примеры которого полисемия, метафора). Оба процесса находятся в состоянии относительного равновесия, регулируемого особенностями строя и природы каждого конкретного языка.

Наиболее существенным для наших целей является вывод о том, что избыточное с синхронной точки зрения в динамике, в диахронии составляет структурный резерв. Мы наблюдаем подобные явления, например, на периферии латинских полей, где сосредоточена масса лексических единиц, представляющих собой переходные элементы к соседним парадигмам. Некоторые из них во французском ЛСП уже поднялись выше и занимают более центральные позиции. Вполне обоснованно предположение о взаимосвязи механизма избыточности в языке и способности языка изменяться, оставаясь самим собой. Все три антонимические характеристики в целом отражают динамическое состояние языка. Это те имманентно-семиотические механизмы, которые позволяют ему изменяться в изменяющемся метаязыковом окружении, оставаясь при этом собой.

Язык как открытая семиотическая система особого рода, может функционировать не в статическом, а в динамическом состоянии. Динамика в языке — это не только его диахрония, история, но и, как указывалось еще в учении Пражской школы, также и синхрония. В синергетической концепции подчеркивается, что для открытых систем характерно устойчивое неравновесие, нарушаемое привнесенными извне элементами, которые могут либо разрушить систему, либо перевести ее на более высокий диссипативный уровень. Для нормальной жизнедеятельности языку необходимо внесистемное окружение — еще неописанный и несистематизированный материал — которое и выполняет

роль динамического резерва. Это прагматика по формуле $\frac{\text{Язык}}{\text{КК}}$, в которой экстралингвистический момент КК и есть этот динамический резерв, под воздействием языка и во взаимодействии с ним трансформирующийся в прагматику – синтез языкового и внеязыкового.

Колебания, подобные колебаниям в предпочтении, которые язык оказывает тем или иным формам, свидетельствует о том, что они существуют и в самой синхронной системе, из которой вырастает в дальнейшем иная система. Такие колебания могут быть объяснены лишь как вероятностный процесс выбора форм, а не как результат жестко и однозначно детерминированных отношений. Следовательно, в системе языка важную роль играют нежестко детерминированные, вероятностные отношения. Одно из проявлений вероятностных отношений в языке — наличие в нем рядом с системным также бессистемного и внесистемного. Интерес к внесистемному есть закономерная реакция на крайности структурализма, естественным образом дополняющий общую картину языкового представления о мире.

Важную роль играет также фасцинирующая функция отдельных явлений, а также слов языка, которую необходимо учитывать при определении тенденции в динамике системы. Явление фасцинации также относится к прагматике в широком смысле слова, так как определяет предпочтение и выбор того или иного слова и отвержение другого. В качестве примера можно привести общеизвестную в период Великой Французской Революции тенденцию низвержения символов монархии и утверждение новых понятий, аллегорий эпохи, начиная от введения нового календаря, основанного на Природе и Разуме, различных новых праздников (праздник Высшего Существа и пр.), и кончая гильотиной — тоже своего рода символом. В языке этот период характерен появлением огромного количества новых слов и одновременным выходом из употребления других, обозначающих роялистско-монархические и аристократические ценности (наиболее яркий пример: обращение «гражданин, гражданка», которое было усвоено большевиками в нашей стране).

Любой кризисный момент развития системы, или точка бифуркации, примером чему является Великая Французская Революция, чреват непредсказуемостью путей ее (системы) дальнейшего развития. Очевидно одно -- диссипативная структура, возникшая затем, будет сложнее исходной. Если продолжить примеры из истории Франции, то именно подобный ход событий наблюдается в период после Великой буржуазной революции — 18 брюмера,

Наполеон, Реставрация. Наконец возможность выбора в пользу роялистского правления во Франции, в котором главную роль сыграл символ – возвращение белого бурбонского флага с лилиями как условие и основное требование наследника, что и окончательно решило судьбу страны, ставшей республикой, а не монархией.

В целом, давая оценку синергетической теории и ее роли в науке о языке, необходимо, прежде всего, отметить проанализированную ей роль случайности и непредсказуемости в структуре мира как такового, что непосредственно отражается в способе его вербального представления. Для наших целей чрезвычайно важно положение о вероятностном процессе выбора форм, который в языке оказывается процессом выбора наиболее подходящей лингвистической единицы, что и составляет суть прагматики, так как она понимается в исследовании. Это имеет в виду Ю.М. Лотман, когда говорит, что картина мира неслышанно усложняется и происходит как бы рокировка: случайность из периферийного уголка системы выдвигается на центральное место. Причинность же, представленная развертыванием какой-то одной доминирующей закономерности может вскоре оказаться, как ньютоновская физика, частным случаем. То, что казалось периферийным раскроется как универсальный структурный принцип. [135]. В языке как в открытой системе особого рода, представляющей собой систему систем, велик удельный вес моментов флуктуации, то есть ситуаций, в которых дальнейшая судьба системы будет зависеть, с одной стороны, от случайных факторов, с другой — от сознательного выбора.

1.4. О СПЕЦИФИКЕ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

1.4.1. ПРАГМАТИЧНОСТЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Имя прилагательное как лексико-грамматический класс слов — и особенно его ядерный подкласс качественные прилагательные — характеризуется высокой степенью абстрактности. Языковое сознание человека должно было достичь высокого уровня развития, овладеть сложными мыслительными операциями вычленения в едином объекте свойственных ему признаков. Затем вычлененный признак подвергся абстрагированию в некую самостоятельную сущность, имеющую свою структуру. Эта операция абстрагирования была необходимым условием для того, чтобы выделять один и тот же признак у разных предметов, чтобы создавать постепенно содержательные определения значений, выражаемых названиями предметов. И не случайно, поэтому имя прилагательное как особый класс слов выделилось из первоначально недифференцированного класса имен сравнительно поздно. Следует вспомнить, что в некоторых восточных языках, например, китайском, прилагательное не является самостоятельной частью речи, а вместе с глаголом составляет одну категорию.

Не так давно языковые значения рассматривались как более или менее непосредственное отражение фактов действительности. Такому подходу соответствовал упрощенный принцип описания языковых значений через все более простые смыслы вплоть до элементарных — слов универсального семантического метаязыка. Многие языковые значения и сейчас можно описывать точно таким же способом. Однако языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной картины мира, как она представлена в данном языке. В результате появляется основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные принципы формирования языковых значений.

Мысль об антропоцентричности языка высказывалась многими. Еще Ч. Пирс, размышляя над такими, казалось бы, чисто физическими понятиями, как «тяжелый», «твердый», «прочный», допускал, что в них может входить представление о человеке. Так, значение слова тяжелый в сознании связывается не столько с массой тела, сколько с количеством усилий, которые нормальный человек должен затратить для манипулирования соответствующими объектами. Следовательно, «человеческий фактор» входит во все оценочные слова и в большинство слов, связанных с понятием нормы, так как система норм — человеческое установление

В основе лексического значения такого отвлеченного признакового слова как качественное прилагательное может лежать материальная или вещная коннотация. Образная картина мира, в которой качественные прилагательные представлены своими вещными коннотациями, вероятно, специфична для каждого языка. Вещная коннотация может рассматриваться как компактный, синкретичный способ кодирования лексических параметров и других аналогичных характеристик лексической сочетаемости. Можно предположить, что лексические значения качественных прилагательных тесно связаны с конкретными чувственными образами или даже непосредственно представлены ими. Например, сравнения: твердый как камень, горячий как огонь или метафорическое обозначение легкости – перо, пушинка.

Прилагательное прагматично по своей природе. В особенности качественное прилагательное, где оценка, содержащаяся в его значении, и есть свойство, приписываемое ему говорящим субъектом. Важно то, что это свойство не окказионально, а словарно закреплено, то есть является фактором языковой системы и превращено в узус. Но, как известно, семантическая структура слова не является однажды созданной и неизменной. Многие исследователи отмечают, что возникновение и исчезновение значений начинается с прагматики, с интенций говорящего субъекта, которые предстают как обобщенные, общие для всех членов социума, связанных с их общим фоном знаний. Превалирующие в данную эпоху те или иные ценности приписываются основным значениям, придаются им как

дополнительные. Это прагматические компоненты, идущие от субъекта, хотя формально их роль часто не учитывается при рассмотрении структуры значения.

Прагматический компонент может становиться семантическим, а может и сопутствовать семантическому, как дополнительный. В этом последнем случае речь идет о коннотации -- оценочном созначении, незафиксированном в словарях. Постоянные смысловые ассоциации имплицитного характера могут быть семантическими и оценочными. Для них характерен переход в статус денотативных сем, превращение в дифференциальные признаки.

Большинство семантических и эмоциональных созначений основывается не на семантической структуре лексемы, а на потенциальных признаках (СК). Их развитие приводит к постоянной ассоциации, что во многом связано с экстралингвистикой (культурный фактор, влияние других языков и пр.). Коннотация — подвижный элемент, который может менять свой объект и переходить от одного наименования к другому. Она обязана своим появлением прагматике в широком понимании этого понятия. Присвоение тех или иных созначений определенному понятию — сознательный и творческий акт, в основе которого лежит метафоризация и выбор. Оба эти процесса неотделимы от говорящего, творящего субъекта. В коннотации воплощены результаты прагматической направленности субъекта, находящиеся вне поля зрения при рассмотрении лексико-семантических процессов. Креативные свойства прагматики наиболее ярко манифестирует коннотация как один из ее компонентов.

Итак, если прагматику можно с определенной мерой допущения рассматривать как выбор регистра, нацеленность на какую-либо из множества возможностей, то коннотация при таком же подходе представляется как некая аура слова, сопровождающий его шлейф. Коннотация меняется вместе с изменением и развитием значения слова. При развитии значения сохраняется общая тенденция, которая определяется как плюсовая или минусовая. Например, коннотация слова береза в русском языке на протяжении длительного времени неизменно связана с представлением о юности, нежности, стройности и

ассоциируется с образом молодой девушки. В последнее время она превратилась в некий символ России, сохранив при этом, свои предыдущие коннотемы.

При изменении значения слова его коннотация может измениться на диаметрально противоположную, причем подобный процесс часто повторяется неоднократно. Приведем в качестве примера французское слово *bourgeois*, которое первоначально не имело прагматической окраски, обозначая жителей первых городов, в отличие от деревенских жителей — *bourgeois — habitant d'un bourg/ villageois — habitant d'un village*. Во времена Великой французской революции слово буржуазия приобрело положительную коннотацию, связанную с передовой миссией третьего сословия, возглавившего борьбу с самодержавием. В последующие периоды, вплоть до настоящего времени, это слово приобрело прямо противоположную коннотацию, ассоциирующуюся с реакционностью, отсталостью, застоём. Примерно такова же судьба слова интеллигенция--изобретение В. Боборыкина -- в разные периоды воспринимавшегося то, как обличительный ярлык, то, как интеллектуальный и этический эталон.

Возвращаясь к рассматриваемым прилагательным, отметим, что они обозначают оценку по самому своему значению. Понятия «сильный» и «слабый» достаточно прозрачно ориентированы по признаку «положительность/отрицательность», что свидетельствует об имплицитном присутствии субъекта оценки. Сквозь качественный признак как бы просвечиваются характеристики, связанные с актантной структурой — наличием субъекта, объекта, адресата. Признаковая, предикатная лексика, к которой в первую очередь относятся качественные прилагательные, непредметна, тем не менее, имплицитно включает предметные сущности в свой состав. Эти скрытые актанты в ее семантике, главным образом объект, выявляются в речевых актах.

Как отмечает Е.М. Вольф, в основе оценки прилагательного лежат не только субъективное представление говорящего о качествах или признаках, но и нормативные, стандартные характеристики объекта оценки. Логическим основанием оценок являются не только и не столько чувства, но некоторый образец, идеал, стандарт [50, с.60]. Значение многих качественных прилагательных оказывается ориентировано на имплицитную точку отсчета,

имеющуюся в общем фоне знаний говорящего, так называемое усредненное, «нормальное», «обычное» качество. Эта средняя, нормальная величина может меняться в зависимости от ситуации, эпохи. Для определения «точки отсчета» или основания любой квалификации учитываются два отношения -- к «нормативной» точке зрения субъекта высказывания и к «нормативной», «усредненной» ситуации, к положению вещей для всех членов данного социума, что и обеспечивает их взаимопонимание.

Таким образом, значения оценочных прилагательных различаются прежде всего основанием оценки, то есть ориентиром, с точки зрения которого производится оценивание, а именно точки отсчета. Так, оценка по шкале «сильный — слабый» будет основана на представлении стандарта или такого набора признаков, который является необходимым и достаточным для того, чтобы предмет удовлетворял предъявляемым требованиям, своему назначению. Признаки конкретного предмета могут в разной степени соответствовать представлению стандарта, могут превышать его или, наоборот, не соответствовать стандарту — и тоже в разной степени. И для более или менее точного обозначения степеней соответствия-несоответствия стандарту в языке вырабатываются целые серии названий по преимуществу синонимического характера, группирующихся вокруг стержневого слова.

На формирование языкового стандарта оказывают влияние такие экстралингвистические факторы, как понятия эстетического или этического идеала. Это представление достаточно относительно и подвижно. Оно формируется в результате взаимодействия множества исторических, социально-культурных и экономических факторов, рассмотрение которых не входит в нашу задачу, но все же в определенной степени учитывается, так как не в последней степени, хотя и опосредованно, формирует языковое значение.

Вслед за У. Эко можно объединить все эти факторы термином «идеология», под которым он сам понимает «все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, к которой он принадлежит» [212, с.137]. Имеются в виду все аспекты культуры, которые индивид сообщает, сводя в систему условных знаков, то есть, превращая их в код. Таким образом, связь семиотики как знаковой науки

с идеологией непосредственно проявляется в выборе форм, которые и выявляют идеологию. «Определенные способы языкового выражения отождествились с определенным мировоззрением» [Там же. С.138], что в значительной мере и предопределяет сознательный выбор и предпочтение той или иной языковой формы.

Идеология формирует область значений, претворяясь в знаки. Семиологические исследования выявляют непрерывность самого процесса образования новых кодов и идеологий, следят за изменением форм коммуникации, перестройкой кодов, рождением идеологий в конкретном времени и пространстве. Такой перестройкой кодов можно объяснить, например, сугубо негативную семантику прилагательных латинского ЛСП со значением «слабый», где дополнительными СК являются «вялый», «ленивый», «трусливый» и др. В то же время в соответствующем французском поле наблюдаются также и положительные значения (ср. дефиниции *délicat*, *mou*), где есть значения «нежный», «приятный».

Если же мы рассмотрим антонимичный участок, то латинская парадигма «сильный» представлена исключительно положительно, в то время как соответствующая французская сфера вычленяет достаточное количество отрицательных свойств (напр., «грубость», «жестокость»). Такая общая ориентация латинской и французской парадигм, возможно, сложилась по причине особого уважения к силе, культу всего сильного, сильной личности так почитаемых в Древнем Риме. Сильному приписываются и сопряженные качества, но всегда из сферы положительного. В то же время французский язык ассоциирует силу, в том числе, и с названными отрицательными свойствами, а в слабости находит положительные черты.

Эта особенность в целом свидетельствует об изменении европейского менталитета (в данном случае, французского), более глубоком проникновении в сущность качеств и свойств. Если для римлян сила и слабость были понятиями совершенно однозначными, то французы видели их уже не так однородно и выделяли в них определенные нюансы. Идеологическая подоплека подобного рода лексических особенностей вполне объективна, она складывается в

определенном, конкретном времени и пространстве, которое о многом может рассказать и многое объяснить.

Оценка как выражение отношения субъекта к предмету не может быть истинной или ложной, так как она лишь опирается на собственные признаки предмета, сама же никакого собственного признака не выражает. Оценочные значения прилагательных отличаются наивысшей степенью абстрактности, определяемой природой оценочного признака и отдаленностью его связей с реальными признаками предмета. В природе прилагательного заложен механизм отделения части от целого, когда часть отодвигается от целого и начинает автономное существование отвлеченного от предмета признака.

Е.С.Кубрякова, говоря о признаковой лексике, подчеркнула исключительно важную роль метонимии в процессах мышления, которая именно среди признаковых слов представляет себя в полную силу, где один знак начинает замещать ряд знаков. Известная неопределенность мира, в которой нет жестких границ между целым и его частью, между объектом и его признаком, становится объективным основанием для действия метонимии и легкости перехода от целого к его части и наоборот [113, с.84-90]. Можно, по-видимому, сказать, что прилагательное представляет собой определенного рода метонимическое обозначение тех когнитивных характеристик, которые были выделены в результате наблюдений за разными видами объектов, предметов и не-предметов. В этом заключается смысл определения прилагательного как предметного признака, способного метонимически восстанавливать более сложные и развернутые структуры в нашем сознании.

Значение рассматриваемых прилагательных во многом определяется их принадлежностью к классическим предикатам, поскольку они являются качественными. Это «своего рода семантический эталон предикатов» с типичными для них свойствами, как то: особый характер синонимии, основанной на близости сигнификатов, наличие субъективно-оценочных коннотаций и т.д. [15, с.242]. Как отмечает Е.М.Вольф, «качество, признак не существуют сами по себе, без его носителя, и на значение прилагательного всегда проецируется значение носителя признака» [59, с. 69]. Кроме того, прилагательные, как слова

предикатной семантики, имеют размытую сферу значений и легко вступают в различные виды коннотативных связей, образуя разнообразные и по-разному организованные семантические поля.

1.4.2. АНАЛИЗ ЛАТИНСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ЛСП. ФАКТОР РИЗОМЫ.

Возвращаясь к нашему материалу, отметим, что объединение прилагательных со значениями «сильный/слабый» в парадигмы (ЛСП) в латыни и в современном французском языке отражает не только денотативные, но и коннотативные связи между словами. Соотнесенность признака с объектом, которому данный признак придается, наглядно проявляется при рассмотрении обобщенных словарных дефиниций каждого члена поля, которые представляют собой набор СК. Каждый СК -- это сплав семантической и прагматической информации, позволяющий предполагать также определенную коннотационную направленность слов.

Обратимся непосредственно к словарному материалу. Основные СК гиперонима *fortis* в латыни показывают соотнесенность этого качества, прежде всего, с одушевленным объектом, человеком в значениях «физическая сила», «мощь», а также с неодушевленными абстрактными и конкретными предметами. Ср.: *Fortes tauri* (Virg.)-- *les taureaux vigoureux*, *fortissima ligna* (Caes.) — *bois très fort*, *fortissima cupiditas* (Cic.) — *desir très fort*, *forte factum* (Cic.) — *acte courageux*. «Моральный» аспект этого прилагательного прослеживается в приложении к объекту-лицу: *fortior in patiendo dolore* (Cic.) — *plus courageux à supporter la douleur*, *fortes ad sanguinem civilem* (Liv.) — *de force à verser le sang de leur concitoyens*. Здесь релевантными оказываются значения «храбрый», «энергичный».

У французского гиперонима *fort* значений становится больше, среди них такие как «интеллект», «знания», «моральная сила», «мужество», «влияние», «решительность»: *un caractere fort*, *l'esprit fort*, *elle est forte en dessin*. Наряду с этими значениями сохранились и прежние: «физическая сила», «значительные размеры». Появились и новые значения: «преувеличенный, больше нормы»,

«влиятельный (о людях)». Семантическое изменение признака выражается в данном случае в объектной эволюции коннотации, поскольку данный признак связывается или придается значительно более широкому, по сравнению с латынью, спектру объектов.

В антонимичном ЛСП при сопоставлении гипонимов *debilis* — *débile* отмечается аналогичная эволюция семантики французского прилагательного. У латинского прилагательного основными значениями являются: «слабый о вещах (вино, лекарство, тело)»; «физически слабый»; «больной». Ср.: *debile crus* (Suet.) — *jambe paralysée*; *debilis umbra* (Ov.) — *fantôme sans force*. Французское прилагательное получает два дополнительных значения морально-интеллектуального плана: «недостаток ума, способностей»; «отсутствие моральной силы, энергии, твердости». Ex.: *L'esprit humain est débile. Des pensées, des actions débiles*.

Интересна судьба *grandis*, которое по данным словарей (F. Gaffiot et al.) появилось в старофранцузском относительно поздно. Оно заменило *magnus*, принадлежащее полю «Fortis» в латыни. КА показывает, что латинское *magnus* имеет некоторое семантическое сходство со старофранцузским *grandis* «souvent avec idée accessoire de force, de puissance, de noblesse qui n'est pas à l'origine dans *grandis*, ce qui fait de *magnus* une épithète honorifique et laudative de la langue "noble": *magna eloquentia* Cic. *Magna di curant*... *Magnus* s'emploie en parlant des mesures, poids, quantités, prix: *magnum pondus auri*, *magnum numerum frumenti*; de la l'emploi de *magnum*, *magno* avec les verbes d'estime ou de prix: *magni aestimare*, *magno uendere*.

Magnus est rare dans les langues romanes, où il a été supplanté par l'adjectif plus concret *grandis* que la langue familière a préféré de bonne heure» (L.Quicherat p.264). *Magnus* объединяло значения *grand* — СК «количество», «сила», «влияние» — и *important* в значениях «величие», «благородство», «щедрость». Пр.: *magnae vistutis homo* (Caes.)-- *homme d'un grand courage*, *magno animo esse* — *avoir un grand âme*, *vir magnus* — *grand homme*, *magni aestimare* — *estimer beaucoup*. Неслучайно поэтому появление двух новых, по сравнению с латынью, прилагательных: *grand* и *important* во французском языке после исчезновения

magnus. Они специализировали и развили значения *magnus*, приобретая и новые СК.

Появившиеся во французском поле прилагательные *large*, *épais*, *gros*, *lourd* имеют соответствующие латинские этимоны — слова, не вошедшие в латинское поле «сильный»:

lourd — lat. pop. *lurdus*—«*niais*», «*pesant*»

gros — lat. *grossus*

épais — lat. *spissiare*, de *spissus*, *épais*.

Привлечение этих слов во французскую парадигму обусловлено, в первую очередь, семантическими изменениями, а именно расширением значения этих прилагательных. *Large* в современном французском языке становится синонимом *grand*, *important*, что обуславливает его вхождение в поле «*Fort*». *Epais* — прямой синоним *fort* в значениях «значительное количество, размер», «интенсивность», «больше нормы». *Gros* располагается достаточно близко к гиперониму, его общими с *fort* значениями являются: «значительное количество, размер», «интенсивный», «влиятельный», «солидный» и пр. Похожа на *gros* и семантическая структура *lourd*.

Включение всех этих прилагательных в соответствующее французское ЛСП — свидетельство, с одной стороны, взаимодействия нескольких смежных полей, семантического переплетения и перераспределения СК при обозначении близких, часто взаимозаменяемых понятий. С другой стороны, возросшая языковая компетенция отдает предпочтение именно этим словам для обозначения определенных значений, входящих в широкое понятие «сильный». Наблюдается, следовательно, большая дифференциация значения во французском поле по сравнению с латинским. Это вызывает необходимость обращения к высшим и/или соседним участкам лексики для привлечения наиболее адекватного языкового средства, которым не располагает данная парадигма.

Но имеются факты, свидетельствующие и об обратном явлении: исчезнувшие из французского ЛСП слова повлекли за собой выпадение из регистра определенных понятий. Так, во французском ЛСП отсутствует прилагательное *acer* (от лат. *acer*) — *perçant*, в значениях «пронизывающий»,

«едкий» (уксус, запах); «воздействующий на чувства»; «живой ум, стиль»; «энергичный, властный характер». Следующие латинские слова либо утрачены, либо семантически трансформировались:

Potens — influent. Potentes= les puissants;

Saevus — féroce, sauvage, когда речь идет о стихиях, чувствах, угрызениях совести;

Animosus (однокоренное французское animé имеет уже другое значение)-- qui a du coeur, courageux, hardi, passionné, ardent, в применении к понятиям «сила», «величие души».

Vehemens (фр. véhément) — impétueux, violent, sévère, passionné.

Validus (фр. valide)/valens — fort, robuste, vigoureux -- хорошее самочувствие (моральное и физическое), воля : homines validi (Pl.) – des hommes vigoureux. У validus больше значений, чем у valide: validae turres (Lucr.) – tours solides; urbs valida et potens (Cic.) – ville forte et puissante; orandi validus (Tac.) – puissant comme orateur. (F.Gaffiot, p.1243)

Большое количество значений латинского durus отсутствует в семантической структуре французского dur. Р.ех.: duri rubi (Ov.,Pl.) – ronces épineuses; durae chorae (Ov.) – danses grossières; durus Ulysses (Ov.) – l'infatigable Ulysse; dura Iberia (Hor.) – la belliqueuse Iberia; dura virtus (Cic.) – vertue sauvage; dura memoria (Quint.) – mémoire ingrate; duriores rumores (Cic.) – bruit fâcheux; duras dare (Ter.) – donner du mal etc. (L.Quicherat, p.149)

Эти значения частично отсутствуют в современном французском поле «сильный», они переключались в соседние и получили новые обозначения: âcre, animé, valide, véhément. Частично же они вошли в состав семантической структуры других прилагательных. Можно сказать, что значение принимает различные формы, перераспределяется, частично утрачивается, вновь появляется в неожиданном обличье.

Латинское поле «Infirmus» также располагало словами, не имеющими однокоренных аналогов в современном французском поле «Faible». Прилагательное invalidus, занимавшее высокую позицию, отсутствует во французском поле, французское производное invalide относится уже к другой

лексической парадигме. Тоже и с *imbecelis* — второе и наиболее близкое к гиперониму слово. Во французском, *imbécile* обозначает уже слабость чисто интеллектуальную.

Hebes — вялый, расслабленный, во французском *hébété* (предположительно)-- одуревший, притупленный, ошеломленный, приобретает более абстрактное значение. Не имеют французских аналогов в исследуемом поле и такие латинские прилагательные как *frigidus* (но есть *frigide*), *imbellis*, *causarius*, *delumbis*, *enervis* (*énervé*). Это свидетельство определенных материальных потерь французской парадигмы, по сравнению с латинской.

Одним из ярких примеров богатства семантической структуры, которая не сохранилась в современном французском языке, может быть прилагательное *impotens*. В латыни оно энантиосемично, наряду со значениями *impuissant*, *faible* – *impotentes* (Cic.) – *les faibles*; *qui n'est pas maître de* – *gens impotens rerum suarum* (Liv.) – *nations incapables à se gouverner*, *quid libet impotens sperare*(Liv.) – *qui ne peut s'empêcher d'espérer n'importe quoi* (aux désirs effrénés); оно также обладает прямо противоположными значениями: *effréné*, *immodéré*, *déchaîné*, *emporté*. P.ex.: *homo impotentior, impotentissimus* – *homme plus emporté, très importé*; *impotens laetitia* (Cic.) – *joie immodérée*; *impotentissimus dominatus* (Cic.) – *poivoir arbitraire, tyrannique*; *impotens postulatam* – *exigence abusive*.

Если сравнить рассмотренное прилагательное с французским *impotent*, то становится очевидным значительное обеднение семантической структуры. Ср.: *Impotent* (lat.*impotens*) – *qui par une vice de nature ou par accident, ne peut se mouvoir, ou ne se meut qu'avec une extrême difficulté* (*Infirmes, invalide, paralytique*) (P.Robert, p.970)

Однако, такие потери сопровождаются и приобретениями — появлением новых значений и лексических единиц. В ЛСП «*Faible*» это и сам гипероним (латинское *flebilis* не является членом анализируемой парадигмы), и гипонимы *impuissant*, *anéémique*, *apathique*, все наиболее близко примыкающие к гиперониму. Новыми членами являются также *chétif*, *incertain*, *indécis*. Появление прилагательного *petit* можно считать закономерным, сопоставляя положение *grand* в ЛСП «*Fort*», где оно занимает место рядового гипонима. Оба эти

прилагательные — свидетельство переориентации всей парадигмы. Во-первых, они являются выражением связи исследуемых полей с объединениями более высокого уровня: такими обобщающими понятиями, как «много/мало», включающими в себя и соотносительный признак «сильный/слабый». В то же самое время, по законам лексического синкретизма, эти прилагательные одновременно и рядовые члены поля, находящиеся в центре, в непосредственной близости к гиперониму.

Объяснение этому явлению можно найти, используя фактор ризомы, который охватывает внутреннюю структуру языка и подчиняет себе его различные участки. Ризоматичность как имманентное свойство сложно организованного явления проявляет себя как конгломерат системного, вне- и асистемного, причудливым образом перерплетенного и взаимодействующего. Определенные участки языка могут проявлять на первый взгляд противоречивые свойства, как, например, в случае с *grand*, *petit*, выступающих и как рядовые члены парадигмы, и как ведущие понятия, в значения которых включаются сами эти парадигмы. Эти особенности, сформулированные в общем виде Ж. Делезом и Ф. Гваттари, проявляются в том, что структуре присуща имманентная нестабильность, креативный синергетический потенциал самоорганизации. Ризоморфная среда неоднородна, она может быть разорвана, изломана, ее линии перестраиваются, постоянно переходят друг в друга. У ризомы, в принципе, нет и не может быть ни начала, ни конца, только середина, из которой она растет и выходит за свои пределы [154, с.657-660].

Структура, в представлении постмодерна, предстает как семантически децентрированная, имманентно нестабильная. В ризоме фактически невозможно выделить какие-либо фиксированные точки, они в динамике предстают в качестве линий, отсюда и отсутствие ядра как такового. С позиции нелинейного способа организации, ЛСП – децентрированное пространство, в котором место каждого члена не стабильно, а выстраивается в линии движения, связывающие и организующие ризоморфную среду, имеющую свои точки флуктуации. Это модель, которая формируется, развивается, совершенствуется.

Основой существования ризоморфной среды по Делезу и Гваттари является принцип связи и гетерогенности, принцип множественности, принцип незначущего разрыва и некоторые другие. Принципиальное значение имеет тот факт, что в теории постмодерна представление о ризоморфном бытии не является абсолютным. Линейные представления имеют в той же степени право на существование, что и нелинейные в зависимости от параметров анализируемых сред. Вполне возможно, по-видимому, взаимодействие линейных и нелинейных сред между собой.

Принцип связи и гетерогенности, согласно которому любая точка ризомы может и должна быть связана со всякой другой, объясняет вхождение *petit, grand* в состав ЛСП, которые при этом являются и семантически значительно более объемными и обобщающими словами. Это один из примеров того, как ризомная организация системы может расчленять парадигму, децентрируя ее в нескольких измерениях и порядках. Возможно, появление этих слов в качестве рядовых членов рассматриваемых ЛСП будет точками флуктуации по линии движения данных прилагательных, занимающих одновременно несколько мест как на высоких уровнях в парадигмах с широким спектром охвата, так и в более мелких образованиях непосредственно входящих в них и им подчиненных. В результате подобных процессов ЛСП предстает как децентрированное пространство, в котором нарушается принцип иерархии.

Внешние и внутренние границы поля не имеют четких очертаний, они подвижны и открыты для новых направлений, установления новых связей. ЛСП обнаруживает эти свойства не только в диахронии. Разнообразные связи с другими парадигмами, которые проявляются в том, что значения, непосредственно не связанные и семантически достаточно далеко отстоящие друг от друга инферируются, наблюдаются в синхронии. Это явление часто рассматривалось как синкретизм, теперь, в свете новой ризомной концепции, оно получает дополнительную аргументацию.

Исходя из вышеизложенного, само понятие ЛСП на данном этапе может быть значительно пересмотрено. С учетом новых представлений, эта относительно устойчивая центрированная структура становится более

подвижной, динамичной в своей внутренней организации. Это находит проявление, прежде всего, в перераспределении семантико-прагматических характеристик центра и периферии, которое приводит к стиранию границ, смещению представлений о центре, как средоточию основной информации и периферии как менее существенной части объединения. Такое представление о поле вполне отвечает основным принципам децентрации, самоорганизации по различным направлениям, множественности и т.д., на которых основывается понятие ризомы в лингвистике.

Если обратиться к схематическому представлению признаков (см. Приложение), то явно прослеживается выдвигание на ведущую позицию во французской парадигме признака «отсутствие моральной силы», зафиксированного у большинства членов. Признак «недостаток ума, способностей» также становится одним из ведущих во французском поле (он вообще отсутствует в семантической структуре членов латинского поля). Есть основания, следовательно, утверждать, что, по сравнению с латынью, во французской парадигме преобладают признаки, обозначающие морально-оценочные, интеллектуальные свойства, вместо чисто физических параметров. Некоторые из признаков этого порядка, которые присутствовали в значениях латинских слов, таких как «ленивый», отмеченный в структуре значения *languidus*, *hebes*, *causarius*, *delumbis*, исчезли.

Таким образом, специализация значений от конкретного к абстрактному в диахроническом аспекте не всегда носила однозначный характер. В процессе исторического развития, естественно, имели место определенные материальные потери, которые обнаруживаются при сопоставительном анализе. Поиск исчезнувших значений и их лексических репрезентантов может проводиться в смежных и иерархически возвышающихся участках.

Обобщая данные исследования, отметим, что сопоставительный анализ двух диахронных срезов лексики показывает, что эволюция семантики обусловлена новой прагматической ориентацией, которую приобретает парадигма в целом и ее отдельные представители в частности. Общее направление — от соотносительности предикатов в основном с конкретными существительными к их

более абстрактному приложению, благодаря приобретению признаков субъектов морально-этического, интеллектуального плана. Расширению спектра возможностей приложения качества, который очевиден при сопоставлении, мы обязаны прагматике, понимаемой как выбор представителя культурного коллектива (КК) из расширившегося за определенный отрезок времени арсенала языковых средств.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Для современного состояния науки о языке характерен интеграционный подход к исследованию материала, сочетающий в себе расширенную сравнительно-историческую парадигму, методологические приемы структурализма и генеративизма, когнитивный подход, функционально-прагматическое направление. Такая тенденция совмещения нескольких методов имеет преимущества перед предпочтительным использованием какого-то одного как в теоретических вопросах, так и в решении практических задач анализа языкового материала. Новая парадигма языкознания состоит, по сути, из нескольких наиболее плодотворных концепций, дающих возможность в сочетании провести более глубокое и разностороннее исследование, чем это было возможно в период господства какого-то одного направления. Полипарадигмальный статус современной лингвистики основывается на синтезе наиболее продуктивных и эксплицирующих подходов как методологической основе исследования языкового материала.

Постструктурализм с его идеями деконструкции объекта, непредсказуемостью, множественностью смысла и отрицанием принципа системности, несмотря на ощущение разрушения и размывания основных понятий в языке – например, знака -- тем не менее, приводит к расширению самого феномена языка и его границ. Необходимое взаимодействие системного и внесистемного приводит к возникновению новой реальности, новой конструктивной парадигмы.

Роль прагматики как системного фактора в лексико-семантической эволюции языка, по нашим данным, не исследовалась. Как часть лингвистики

текста в рамках теории речевых актов прагматика развивается в отечественном языкознании более двадцати последних лет. Языковая основа и средства выражения прагматики, рассматриваемой сквозь призму категории субъективности, по мнению Ю.С. Степанова, которое мы разделяем, находятся в области синтактики и семантики. В работе анализируются семантические средства прагматики. Принципиальное значение имеет определение роли и статуса субъекта – адресата-адресанта -- в его отношении к информации, так как он является центральной прагматической категорией в коммуникативном акте. Прагматический фактор, или прагмафункция, активизирует преобразование говорящего субъекта из адресата в адресанта.

Прагматические отношения рассматриваются в работе как производное двух соотнесенных систем – языковой и социальной, функционирующей в едином историческом и культурном пространстве. Лексические особенности прагматики отражают выбор члена КК, на который влияют такие факторы как норма, узус и пр., достаточно рельефно выступающие при диахронном анализе. Коллективная прагмафункция выражается в выборе и предпочтении определенных лексем, группирующихся вокруг одних и тех же концептов в латыни и в современном французском языке. Это понятия «сильный» и «слабый».

Вопрос о границах прагматики, ее соотношении с семантикой рассматриваются в данном исследовании исходя из позиций Ж.Лича и Ю.Д.Апресяна. Прагматика является частью семантики (Ж. Лич), поскольку прагматическая информация о слове включена в его дефиницию и отражает отношение говорящего к субъекту или объекту высказывания.

Лингвистическая прагматика отражена в лексикографии: это готовая оценка, непосредственно встроенная в содержательную сторону языковой единицы и имеющая постоянный статус в языке (Ю.Апресян). В этой оценке заключаются три аспекта: отношение к действительности, к содержанию сообщения и к адресату, которые могут выражаться эксплицитно и имплицитно. Рассмотрение имплицитного прагматического компонента связано с семантикой изучаемой лексики, группирующейся вокруг полярных общечеловеческих концептов. В этом случае прагматическая информация впрессована

непосредственно в лексическое значение слова и лексикографически представлена как семантическая (Ю.Апресян).

Взаимодействие семантики и прагматики представляется как субъективная модальность или прагматическая установка, которая влияет на выбор семантики нужного слова. Прагматика когнитивно, онтологически предшествует семантике как выбор нужного языкового средства, семантика которого подчинена прагматике – целеустановке говорящего субъекта. Семантика вторична, производна от прагматики. В диахронном рассмотрении прослеживается упорядочивающий, системообразующий фактор прагматики. Это прагматика, понимаемая в широком смысле слова, которая обуславливает выбор наиболее семантически точного лексического средства.

Состоящее из качественных прилагательных ЛСП имеет специфику, обусловленную отвлеченным характером признакового слова, в основе которого лежит вещная, материальная коннотация. Лексические значения качественных прилагательных тесно связаны с конкретными чувственными образами (сравнение – твердый как скала, или метафора – он – скала). Качественное прилагательное, содержащее оценку в своем значении, прагматично по своей природе. Кроме того, прагматические компоненты, идущие от субъекта, как члена социума с общими для данной эпохи знаниями и ценностями, добавляются к основному значению, модифицируя его. Прагматический компонент может становиться семантическим, то есть перейти в статус денотативного значения, а может только сопутствовать семантическому, в качестве коннотативного значения.

Значения рассматриваемых прилагательных обозначают оценку по признаку «положительное/отрицательное», в основе которого усредненное, нормативное для конкретной эпохи и социума качество, являющееся точкой отсчета. Рассматриваемые прилагательные, как классические предикаты, имеют размытую сферу значений, образуя разнообразные семантические поля, отражающие не только денотативные, но и коннотативные связи между словами. Этим фактом, а также фактором ризомы можно объяснить включение в рассматриваемые ЛСП слов из смежных или сочлененных парадигм.

ГЛАВА 2. РОЛЬ ПРАГМАТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

2.1 ИЕРАРХИЯ И ПРИНЦИП ПОЛЕВОГО СТРОЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

2.1.1. СИСТЕМНОСТЬ В ЛЕКСИКЕ. НОВЫЙ ЭТАП.

Конец XX века характерен продолжающимся интересом к исследованию системных связей и отношений, объективно существующих в лексике. Многочисленные разыскания связаны с определением характера и форм системности лексических элементов. В частности, интерес вызывают специфические особенности лексики, которые нарушают ее систему и отличают ее от других языковых уровней. Это такие сложные и мало изученные проблемы, как симметрия и асимметрия в лексике, лексические лакуны, инвариант и вариативность лексических значений и т.д.

Одним из проявлений системности в лексике следует считать иерархический принцип ее организации. Как отмечал еще в 60-е г.г. Р. Якобсон, «отчетливые иерархические связи существуют не только между разными уровнями языка, но и между соотнесенными единицами одного и того же уровня» [216, с. 585.] . Это положение нашло дальнейшее подтверждение в многочисленных исследованиях как в нашей стране, так и за рубежом. В работах Б.Потье, Э.Косериу, Дж. Лайонза [121;249;248;309], а также отечественных ученых, таких как В.А. Звегинцев, А.А. Уфимцева, Ф.Н. Филин, Н.М. Минина [97; 183; 184.] интенсивно разрабатывались теоретические и практические аспекты иерархического принципа в организации словарного состава языка.

Сложным отношениям взаимозависимости, подчинения и соподчинения между единицами одной лексической парадигмы, а также вопросам динамики и взаимодействия системных объединений в плане сравнительно-типологических

характеристик было посвящено значительное количество исследований. Несмотря на это, проблему иерархической организации лексики и на сегодня нельзя считать исчерпанной и она представляет одно из ключевых направлений лексической семантики.

Иерархический принцип наиболее ярко прослеживается при рассмотрении объединений полевого типа. Участки, традиционно называемые лексико-семантическими полями (ЛСП), лексико-семантическими группами (ЛСГ), тематическими группами, вычлененные из системы, являются ее частью, а, следовательно, в них, как общее в единичном, находят отражение общие закономерности, свойственные системе в целом. Принципиальное значение имеет также установление взаимозависимостей и многосторонних связей между этими объединениями. Еще относительно недавно, в 70-е -- начале 80-х г.г. перспективной представлялась ориентация на выявление в первую очередь элементарных лексических полей и комплексов, в которых обнаруживались отношения особой близости и взаимозависимости. При таком условии предполагалось в будущем успешное решение вопросов, связанных с описанием системной организации словаря, в более широких рамках и на более высоком уровне абстрактности.

Однако уже в конце 80-х г.г. наметился иной исследовательский подход, обусловленный в значительной степени синергетической теорией И.Р.Пригожина [156;157; 328]. В лингвистике некоторые положения, перекликающиеся с теорией неравновесности, можно обнаружить уже в трудах Пражской лингвистической школы. Так, положения об отклонения системы от ригидной структурной схемы, о слабой точке в системе, о понятии «центр—периферия» системы в определенной степени подготавливают к лингвистическому восприятию пригожинской теории неравновесности.

Представляется вполне возможной корреляция понятий «слабая точка в системе» и «точка бифуркации» открытой системы, к которым относится язык, обладающий всеми свойствами открытых систем, исследуемых в физике, химии, биологии. Для науки о языке синергетика не случайно возникшая, привнесенная из физики теория. Достаточно сопоставить положение, выдвинутое

Ю.М.Лотманом, о рассмотрении системы сверху, с наиболее крупной единицы, в идеале самой системы с исследовательской методикой Брюссельской школы, чтобы стало очевидным их сходство [139, с.98].

В науке отправной точкой исследования стало положение о том, что большая система определяет параметры развития меньшей, создает так называемую задающую программу развития. Метод дробления на все более мелкие единицы (в особенности в физике) себя не оправдал и был, по сути, исчерпан. Направление декомпозиции, господствовавшее в научном мире на протяжении нескольких веков, практически закончилось.

Весьма символично в этой связи само название последней книги И.Пригожина «The End of Certainty» – «Конец определенности». Приход новой синергетической парадигмы мышления не устраняет механически таких, к примеру, устоявшихся философских законов и категорий диалектики, как переход количественных изменений в качественные. В точках бифуркации или развилки, по Пригожину, постулируется возникновения системного хаоса. Тем не менее, сложные системные объекты не обязательно кризисны в точке бифуркации. Важно то, что доминирует тенденция — движение в направлении усложнения [328].

Возвращаясь к методу анализа при помощи теории поля, необходимо отметить, что этот метод сегодня достаточно успешно применяется для изучения системных отношений в лексике как на современном этапе развития языка, так и в историко-семантических исследованиях. Уже на протяжении нескольких десятилетий понятие поля закрепляется за лексическими объединениями с парадигматической структурой. Им обычно обозначается системно организованный участок лексики, состоящий из единиц с общей понятийной отнесенностью, основу которого составляет синонимический или тематический ряд [249; 251, s.135].

В настоящее время термин «поле» охватывает множество довольно разнообразных подходов, варьирующих идею связей слов в языке. Последние исследования парадигм «полевого» типа характеризуются комплексным подходом к решению проблемы. Исследованию подвергаются не только

парадигматические, но и синтагматические характеристики поля, согласно положению о том, что общие черты в парадигматической организации слов подкрепляются принципиальной общностью синтагматических признаков. Несмотря на некоторые слабые стороны, теория поля по-прежнему действенна, в особенности применительно к таким участкам словаря, как абстрактная лексика (лексика отвлеченного характера, обозначение признаков, действий, состояний, свойств) [264].

В качестве примера можно привести выполненное в рамках теории поля исследование Х. Гекелера, в котором сопоставляются прилагательные, обозначающие концепты времени и возраста в романских языках. Методологическое использование анализа на основе лексических структур в каждом из рассмотренных языков и контрастивное сравнение полученных результатов создает прочную базу для последующего исследования того, что в сопоставляемых языках сравнимо и несравнимо. Общий вывод о преобладании подобия и совпадения над различиями вполне предсказуем в генеалогически родственных языках с постоянными и интенсивными культурными связями. Более важным представляется другое: классифицируя совпадения и различия в системе соответствующих понятий, автор отмечает, что словарь романских языков недостаточно хорошо изучен на базе структурной семантики с синхронно-компаративной точки зрения. Этот факт оставляет достаточное пространство для исследований подобного рода с применением метода поля на современном уровне представлений о нем [274; 275].

Теория поля оказалась результативной потому, что это понятие обозначает такое системное структурное объединение, в котором слово существует как член лексико-семантической системы. Полевой подход позволяет четко выделить основной принцип организации любого языкового множества — наличия в нем центра и периферии [253]. Этот принцип, который является вообще универсальным в организации языка так или иначе отражается во всех описаниях. Метод поля дает также возможность обратить внимание на «стыки» исследуемых категорий, а также позволяет проследить отношения элементов внутри одного поля и взаимоотношения между полями.

Задачам парадигматического анализа отвечает рассмотрение лексических объединений в терминах лексико-семантического поля (ЛСП). ЛСП вычленяется непосредственно из эмпирического материала — словарного состава языка по двум критериям: в него входят слова одной категории (одной части речи), группирующиеся вокруг значения центрального члена. При определении состава поля важным является понятие иерархически ведущего слова, которое как бы возглавляет всю парадигму, подчиняя себе семантически и функционально другие слова. Идея иерархически возвышающегося слова разрабатывалась в отечественной и зарубежной лингвистике на протяжении ряда лет. Это нашло отражение в многообразии терминов для обозначения ведущего члена парадигмы: идентификатор, доминанта, архилексема, суперордината, гипероним и другие.

Как известно, одно из первых описаний ведущего слова принадлежит Ш.Балли, которое в его концепции получило наименование «*terme d'identification*». Анализируя синонимический ряд лексики, Ш. Балли отмечает: «Любое объяснение любых тонкостей не имеет никакого смысла, если рассматриваемые слова и выражения не сгруппированы предварительно вокруг одного слова, выражающего основной смысл, общий для всех синонимов, причем в наиболее рассудочной и наименее эмоциональной форме» [20, с.131].

В советской лексикологии, прежде всего в работах В.А.Звегинцева, Д.Н.Шмелева, А.А.Уфимцевой, понятие идентификатора получило развитие в термине «слово-доминанта» [97;183; 184;206]. Его характерными особенностями являются стилистическая нейтральность, наиболее обобщенное значение, немаркированность, высокая употребительность. Слова, окружающие доминанту, вносят идеографические и/или стилистические оттенки в ее содержание. Термины «идентификатор» и «слово-доминанта» используются, как правило, для обозначения ведущего члена синонимического ряда.

Однако парадигматические объединения не ограничиваются лишь синонимическими связями слов, они строятся также и на других видах логических отношений. В парадигмах, основанных на родо-видовых отношениях (отношениях включения), иерархически ведущее слово, обозначающее родовое понятие, чаще связывают с терминами «архилексема» и «гипероним».

Термин «архилексема», параллельный понятию «архифонема», был выдвинут в западноевропейской лексикологии под влиянием теории изоморфизма фонемного и лексемного уровней. Б.Потье определяет архилексему как единицу, соответствующую всему содержанию словесного поля и имеющую родовой характер [236, р. 63]. Принципиальное значение имеет то, что архилексему можно рассматривать как единицу, в которой нейтрализуются семантические оппозиции, т.е. она является лексически выраженной совокупностью общих семантических признаков членов парадигмы (см. определение архилексемы [260, р. 46]).

В последнее время термин «архилексема» не находит широкого применения. Больше распространение для обозначения родового понятия получил термин «гипероним» [308]. Это обусловлено в определенной мере самим названием, акцентирующим идею иерархически ведущего слова. Кроме того, гипероним соотносится с термином «гипоним», ранее установившимся наименованием подчиненного члена парадигмы. Следует учесть также корреляцию с терминами типа синоним, омоним и др. Такого удачного соответствия нет у понятия архилексемы. Особое положение гиперонима среди членов лексической парадигмы определяется его максимальной семантической широтой, значительной семантической емкостью, субституационной функцией, в результате чего гипероним может заменить отдельные члены поля. Все это обуславливает высокую частотность его употребления, нейтральность. Указанные свойства гиперонима подчеркивают его организующую функцию, способность подчинять себе низшие члены.

Следует отметить, что отношения включения и выделение иерархически ведущего слова имеют специфические особенности на разных участках лексики. Парадигмы, объединяющие идентифицирующие слова, представляют собой тематические объединения с четко выраженными родо-видовыми отношениями. Семантическая близость в таких группах формируется логическими отношениями включения и пересечения. Соответственно, значение родового слова в данном случае полностью включает в себя значения видовых слов. Это слово, как нам представляется, может обозначаться обоими терминами «архилексема» и

«гипероним». Напр. для тематического ряда дуб, береза, ель, сосна архилексемой (гиперонимом) является родовое слово дерево, принадлежащее более высокому уровню. Характерно, что понятие архилексемы иллюстрируется в лингвистической литературе именно на примерах слов идентифицирующего типа. Так, *Dictionnaire de linguistique* (J.Dubois) дает в качестве примера архилексему *siège* для тематического ряда слов *chaise, tabouret, pouf, fauteuil* etc.(p. 398)

Отношения того же типа прослеживаются в тематических группах предикатных слов, где родовое слово, принадлежащее другому уровню или системе классификации, включает значение нескольких представителей парадигмы. Например, глагол «перемещаться» полностью включает значения глаголов идти, бежать, плыть, лететь, ползти и т.д. На особенности семантической структуры подобного рода слов указывает, в частности, В.В.Макаров, отмечая, что в системе латинского ЛСП чувственных восприятий находит себе место особое слово, семантическая структура которого достаточно полно отражает смысловые признаки и способ структурной организации всего поля. Этим слово в латыни является глагол *sentire*, который называется ведущим членом и выступает в функции представителя всего поля. В его семантике как бы концентрируются некоторые из тех смысловых возможностей, которые в расчлененном виде представлены в значениях глаголов, обозначающих различные аспекты чувственных восприятий [137, с.139-142]. Эта же тенденция прослеживается и в аналогичных лексических группировках романских языков — продолжателей латыни, где иерархически ведущий член объединяет самые существенные признаки ЛСП чувственных восприятий в целом.

2.1.2. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЛСП

По-другому складываются иерархические отношения в синонимических группах предикатных слов. Синонимы-предикаты, обозначающие понятия или их отдельные признаки, различаются между собой оттенками значения, то есть небольшим сдвигом в семантике. Соответственно, отношения между членами в таких объединениях имеют специфические особенности: иерархически ведущее слово частично включает значения других слов, часто являясь при этом членом того же синонимического ряда.

Так, в рассматриваемых ЛСП, связанных с понятиями «сильный» и «слабый» в современном французском языке и в латыни, отношения соподчинения прослеживаются в неявном виде. Из состава этих групп выделяется слово, определяющее в значительной мере все ее содержание, но не полностью включающее в себя значение всех членов группы. Таким словом является, например, французское *fort* (*fortis*), объединяющее значения, имеющие самостоятельные выражения в отдельных лексемах — членах этого же ЛСП -- *puissant, ferme, vigoureux, dur// validus, valens, robustus, firmus*.

Мы можем определить это слово как гипероним, так как оно обозначает такое широкое понятие, которое составляет основное содержание данного объединения. В силу этого значения остальных членов поля — гипонимов представляют собой варианты основного значения, выраженного ведущим членом. Являясь равноправным членом поля, гипероним, вместе с тем, обладает способностью генерализовать его важнейшие смысловые признаки. Эти свойства способствуют тому, что прилагательные *fort/fortis* приобретают статус иерархически ведущих слов, представителей всей парадигмы.

Подтверждение высказанных положений мы находим в словарях современного французского языка (*Le Robert, H.Venac, R.Bailly* etc). Широко используемый в них термин «ключевое слово» -- «*mot-clef*», введенное в лексикографию еще в XIX в., имеет непосредственное отношение к проблеме иерархии, выражая идею иерархической зависимости. Ключевое слово, по сути отождествимое с родовым понятием, определяет соответствующие синонимы при

толковании их значений, выявляет состав синонимического ряда. Это чисто французская лексикографическая специфика группировать синонимы вокруг mot –clef. На эту традицию опирается Ш. Балли, но акцентирует операциональную функцию ключевого слова. К этому слову постоянно отсылают составители словарей в дефинициях членов синонимического ряда. Ср.: Puissant -- qui a un grand pouvoir de fait , de la puissance. V. Fort, grand, vigoureux, dont la force, la sante est epanouie...

V. Fort, solide, robuste.

← Формат: Список

Конечно, в семантической структуре ведущего слова объединены не все смысловые линии ЛСП. Некоторые значения, закрепленные за определенными членами, оказываются за его пределами. Однако он является представителем наиболее характерных и ярких признаков всей парадигмы, в этом он соответствует общему наименованию. Обозначения «слово-доминанта» и «идентификатор» не представляются адекватными для отражения отношений иерархии в поле: они не соответствуют представлению об иерархически ведущем члене рассматриваемых парадигм. Доминанта, как и идентификатор, являются обобщающими словами синонимических объединений и ограничиваются способностью к идентификации состава поля, не вскрывая сложных отношений иерархии.

Термин «гипероним» достаточно полно отражает идею иерархически ведущего слова в рассматриваемых ЛСП. Являясь более широким понятием, чем идентификатор, он показывает сложные отношения между элементами поля. Это же слово выступает как иерархически ведущий член, семантически и функционально подчиняющий себе рядовые члены парадигмы. Он может быть выделен не только в объединениях, основанных на родо-видовых отношениях, но и в лексических группировках, состоящих из слов одного уровня, то есть основывающихся на отношениях пересечения. Мы рассматриваем гипероним как слово, находящееся в отношениях перекрещивания с остальными членами поля. Будучи членом данной парадигмы, он обозначает при этом наиболее широкое понятие, определяющее основные свойства всего ЛСП. Этот термин представляется наиболее удобным при рассмотрении отношений иерархии в поле.

Идентификацию членов поля мы проводим по данным следующих словарей:

1. Dictionnaire illustre Latin- Français. Felix Gaffiot.
2. L. Quicherat et A. Daveluy. Dictionnaire latin-français.
3. A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique français-latin.
4. Henri Goelzer. Lexique français-latin.
5. E. Decahors. Dictionnaire Français-Latin.
6. A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterrand. Nouveau dictionnaire étymologique et historique.
7. Dictionnaire Bordas des synonymes, analogie et antonymes.
8. H. Benac. Dictionnaire des synonymes.
9. F. Meyer- Lubke. Romanisches Etimologisches Verterbuch
W. von Wartburg. Franzusische Etimologische Verterbuch
10. Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. (1979).
11. Dictionnaire de français contemporain. J. Dubois, R. Lagane, G. Niobey (1985).
12. Lexis. Dictionnaire de la langue française. (1987)
13. Латинско-русский и русско-латинский лексиконъ. Иван Корнеберг. (Москва 1860)
14. C.D. Buck. A Dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages.

На первом этапе исследования из синонимических и толковых словарей французского и латинского языков методом сплошной выборки выделяются все синонимы и слова, ассоциативно связанные с обозначением понятий «сильный» и «слабый» в обоих языках. Принадлежность определенной группы слов к полю определяется тем, что в их смысловой структуре обязательно присутствуют элементы значения, соответствующие содержанию поля. Объектом нашего исследования являются лишь те слова, которые имеют общие или сходные элементы значения с иерархически ведущим словом. Таким образом подробно анализируется значительная часть ЛСП, наиболее тесно семантически связанная с

гиперонимом. Для определения состава этого участка была рассмотрена и проанализирована семантическая структура всех выделенных путем сплошной выборки слов, которая затем была сопоставлена с семантической структурой гиперонима.

На втором этапе мы составляем матрицу признаков или лексико-семантических вариантов (ЛСВ) всех членов ЛСП. Под ЛСВ, вслед за В.В.Виноградовым и А.И. Смирницким, в работе понимается одно из значений полисемантического слова, располагающего определенными средствами репрезентации. В отличие от слова, ЛСВ обладает относительно простым и однозначным планом содержания, который может быть описан в терминах компонентного анализа. Введенный в обиход А.И. Смирницким в советском языкознании, этот термин по существу соответствует понятию «лексема». Нам он представляется более предпочтительным, так как лексема часто употребляется в значении «слово, как лексическая единица», в то время как ЛСВ однозначно закреплен за одним семантическим значением слова – семантическим компонентом – СК.

Предложенная матрица представляет собой набор признаков, выделенных у всех членов ЛСП. Отмечая их наличие у каждого слова, исходя из количественных данных, можно схематически представить иерархию членов ЛСП, а также иерархию признаков. Слова, имеющие наибольшее количество признаков данного ЛСП, располагаются в центре, составляя ядро ЛСП. Постепенное уменьшение соответствующих признаков у членов поля ставит их на более удаленные от центра позиции. Наконец, периферию парадигмы представляют прилагательные с минимальным количеством признаков. Причем сами эти признаки являются уже не семантически ядерными, а, скорее, прагматически периферийными.

На шкале иерархии признаков (См. Приложение 1 А,В; 2 А,В.) видно, что эти значения, или ЛСВ, наличествуют у незначительного количества слов, у которых лишь небольшой сектор их значения входит в рассматриваемое поле. По всей видимости, основная их нагрузка приходится на смежное объединение, а выделенные нами признаки представляют собой связующие звенья двух соседних

полей, их пограничную, переходящую одну в другую зону. Очевидно, что центральные члены поля (ядро) имеют наибольшее количество значений семантического плана, присущие ЛСП, к которому они принадлежат. Нижние ярусы заполнены словами более узкого значения с преобладанием прагматики. Наконец, крайние члены поля, периферия, испытывают влияние соседних объединений. У этих слов ведущим, по отношению к данному ЛСП, является прагматический компонент.

Говоря о распределении семантических и прагматических компонентов в структуре поля, можно выделить следующую закономерность. Ядро поля – это гипероним и наиболее семантически близкие к нему члены – средоточие его лексического значения, составляют слова по преимуществу семантические с наибольшим набором СК (ЛСВ). Центральная часть поля состоит из прилагательных, у которых в той или иной пропорции переплетаются семантика и прагматика. Напр. в ЛСП «Faible» в центре парадигмы помещаются такие прилагательные как *délicat*, *chétif*, *fragile*, *fatigué*, у которых основные значения «недостаток физической силы», «некрепкость» сочетаются с периферийными для данного ЛСП признаками «слабая сторона чего-либо», «меньше нормы», а также «приятный» и «сложный» у *délicat* — явно прагматические компоненты.

Наконец периферия — область по преимуществу прагматики. В значениях периферийных членов набор СК невелик, они, как правило, маргинальны для данного ЛСП. Если рассмотреть семантическую структуру таких периферийных прилагательных этого же ЛСП как *inerte*, *lâche*, *mou*, *veule*, то их основными значениями будут «отсутствие моральной силы, энергии», «неэффективность, неинтенсивность», «слабая сторона чего-либо». Эти значения второстепенны, прагматичны для рассматриваемого поля и представляют собой двусторонние переходные участки соседних объединений.

Характерен также изоморфизм строения ЛСП с его иерархией значений и структуры гиперонима. Набор СК у ведущего слова парадигмы повторяет иерархическую структуру поля. Первыми, основными являются чисто семантические компоненты, они задают основные значения всего поля. Затем следуют значения, в которых переплетена семантика и прагматика. И, наконец, на

периферии, в области, обозначенной как вторичные, переносные, стилистически отмеченные значения, преобладает прагматика. Происходит определенный перевод значения в иную плоскость, который обусловлен периферийными прагматическими СК. В конечном итоге, прагматика выступает как переход к другому значению.

Если рассмотреть ядерную структуру обоих полей (См. Приложение 2 А,В и 2 С,Д), то очевидно скопление семантически значимых элементов в центре. Причем это характерно в большей степени для латинской парадигмы: и ЛСП «Fortis» и антонимичное ЛСП «Infirmus» группируют в центре в основном семантические значения, к которым примешиваются прагматические. В ядерной части ЛСП «Fortis», например, находится прилагательное *magnus*, положительно маркированное. На более значительном удалении от ядра — 3 ярус -- располагаются члены *acer, saevus, violentis, durus*-- все со знаком “-” и *efficax* со знаком “+”

В поле «Infirmus» центр более прагматичен. Здесь, помимо ядерных членов *imbecillis (imbecillus), impotent*, имеющих отрицательную коннотацию «трусливый», «бесплодный», «физически хрупкий», в центре сосредоточено еще несколько отрицательно маркированных прилагательных: *languidus, hebes, delumbis, enervis*.

В соответствующих французских полях в центре уже значительно больше прилагательных с преобладающим прагматическим значением. В ЛСП «Fort» это *violent* — СК «жестокость», «грубость», *courageux* — СК «энергичный, твердый», «мужественный», *important* — СК «важный, влиятельный», *influent* — «влиятельный», «исключительный». В антонимичном поле «Faible» в ядерной его части располагаются прилагательные *impuissant* — прагматические СК «недостаток ума», «бессилие», «отсутствие энергии, твердости»; *moû* со значениями «отсутствие силы, энергии, твердости», «неэффективность»; *anémique* — «незначительность, бессилие», «слабый, меньше нормы»; *débile* — те же СК, плюс -- «недостаток ума»; *délicat* — «слабый», «меньше нормы», но и с «положительными» значениями «приятный», «сложный».

При этом периферия у французских полей, в большей степени, чем у латинских, оказывается размытой прагматическими значениями, явно перевешивающими семантические. Достаточно сравнить структуру значений слов *lâche*: «бессилие», «отсутствие силы, энергии, твердости», «трусливый»; *veul*: «бессилие», «отсутствие силы, энергии, твердости», «неэффективный, неинтенсивный»; *outré* «энергия, твердость», «интенсивный», «преувеличенный», «исключительный».

Подтверждение высказанным предположениям можно найти, обратившись к иерархии признаков—1 А, В и 1 С, Д. Если сопоставить прагматические признаки латинских и французских парадигм и количество прилагательных, которые ими обладают, то очевидна динамика прагматики в направлении от латыни к современному французскому языку.

2.2. РАЗМЫТОСТЬ ПАРАДИГМЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НЕСКОЛЬКИХ ПОЛЕЙ

Мы констатируем наличие связей исследуемых ЛСП со смежными участками лексики на периферии, которая является зоной границы нескольких парадигм. Эта область постоянного обмена представляет несомненный интерес и заслуживает более пристального рассмотрения. «Граница семиосферы — область повышенной семиотической активности, в которой работают многочисленные механизмы «метафорического перевода», «перекачивающие» в обоих направлениях соответственно трансформированный материал... мы имеем дело со сложным пульсирующим диалогом, а не с однонаправленной рецепцией» [134, с.375].

На границе семиосферы активность всех процессов значительно выше, чем в центре. Здесь вступают в силу несколько иные механизмы, чем те, которые управляли ЛСП из центра. Ядро нормально, оно устойчиво, поскольку в нем сосредоточены в наиболее ярком и чистом виде основные параметры всего поля. По мере удаления от центра к периферии происходит ослабление влияния семантического ядра, зато возрастает влияние прагматических компонентов, интенсивно действующих на границе двух или нескольких участков. Граница, это

место непрерывающегося диалога, не только размежевывает два участка семиосферы, но и создает условия для их нежесткого, плавного перехода одного в другой. В этом месте наиболее ослаблены семантические процессы и, напротив, наиболее сильны прагматические. Прагматика и создает условия взаимного обмена элементами подсистем, которые плавно перетекают от одного участка к другому и обратно. Граница, таким образом, оказывается не жесткой преградой, отделяющей два автономных участка, а, своего рода, наиболее слабым участком системы, «пропускающим» пунктом для двусторонних взаимных процессов.

В более конкретном ракурсе аналогичные процессы дифференциации и взаимодействия автономных групп глаголов чувственных восприятий в романских языках были исследованы в работе В.В.Макарова «Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков» [137]. Подтвержденный богатым фактическим материалом вывод свидетельствует о лексической компенсации поля за счет иных, в основном смежных лексико-семантических объединений. Важным является положение о противоположной тенденции: взаимном влиянии соположенных лексических групп, то есть способности исследуемого поля восприятия не только принимать лексические элементы, принадлежащие другим лексико-семантическим сферам, но и отдавать им собственные материальные ресурсы [Там же. С.234,253].

С точки зрения теории ризомы эти свойства поля соответствуют представлению о семантически децентрированной нестабильной структуре, имеющей свои точки флуктуации. В соответствии с положением, что любая точка ризомы связана со всякой другой, явления лексической компенсации поля, обмена материальными ресурсами между различными лексико-семантическими группами получают дополнительное обоснование [154, с.656-667]. На обширном лексическом материале исследование В.В. Макарова демонстрирует расчленение и децентрацию парадигмы, что является неотъемлемым свойством ризомы, подтверждает нелинейный принцип организации ЛСП.

Если мы рассмотрим и проанализируем периферийные прагматические значения членов наших ЛСП, то уже в латинском поле «Слабый» выделяются СК

«негативного» плана, относящиеся к этическим оценкам. Это явное свидетельство взаимодействия нашего поля с другим, обозначающим область не физических свойств, а душевных состояний. Так, к примеру, значения «вялый», «ленивый», «трусливый», «неэнергичный» являются ведущими у таких прилагательных как *languidus, hebes, fluidus, imbellis, delumbis, enervis*. То есть уже в латыни проявляется связь ЛСП «Слабый» со смежными — «Ленивый», «Трусливый». В целом для данного латинского поля характерно отсутствие «положительных» значений.

Такая же связь прослеживается и во французском ЛСП «Faible». В значениях *las, lâche, mou, veule, insuffisant, incertain, languissant* преобладают значения «отсутствие моральной силы», «неэффективность», «трусость». По сравнению с латинским, в этом поле отрицательные значения более сглажены. Появились новые СК из положительной сферы: «приятный», «сложный» у прилагательных *délicat, mou, petit*.

Если рассмотреть парадигмы «Fortis» / «Fort», то здесь в первую очередь наблюдаются «негативные» компоненты у членов французской парадигмы: «жестокость» — *dur, violent*, «грубость» — *gros, lourd, violent*. В латинском *Fortis* есть только положительные компоненты: «верный», «надежный» у *firmus, solidus, stabilis*, «важный», «значительный» у *magnus, potens, solidus*.

Понятия «центр — периферия» становятся взаимообратимыми, если принимать во внимание маргинальную активность, неизбежную в зонах пересечения нескольких ЛСП. На границе поля взаимодействие с прилегающими участками делает эту область фактическим центром инноваций. Здесь обнаруживаются новые члены, в равной степени относящиеся как к данному полю, так и к соотнесенному с ним. Преобладающая над семантикой прагматика этих слов является резервом, из которого возникают новые значения, постепенно поднимающиеся вверх, в центр поля и со временем становящиеся «нормальными», нейтральными. Метафорические значения «перекачиваются» в обоих направлениях, то есть одновременные пульсации поступают как в одну, так и в другую соотнесенную систему.

Парадигма не только аккумулирует средства сопряженных участков, но и отдает им свои собственные. Это видно в диахроническом разрезе, когда мы сравниваем латинские и современные французские поля и констатируем отсутствие тех значений, которые были в латыни у их однокоренных аналогов во французском. Эти значения, по-видимому, следует искать в смежных парадигмах. Постараемся обозначить эти парадигмы. Они должны иметь общую с исследуемым полем семантическую зону. Соотнесенные лексико-семантические объединения оказывают друг на друга обоюдное влияние, то есть они способны не только принимать лексические элементы, принадлежащие другим сферам, но и отдавать им свои собственные. Если существует возможность компенсации исчезнувшего или ослабленного лексического средства при помощи другого поля, то очевидно предположить, что и оно может восполнять свои лексические потери за счет данного объединения. Следовательно, поля со значением «сильный/слабый» не только принимают лексические элементы других лексико-семантических сфер, но и отдают им собственные материальные средства.

Изменения и отклонения в некоторых участках поля во французском языке относительно своего прототипа бывает связано с утратой исконных лексических элементов. Это, с одной стороны, полное выпадение отдельных слов — *hebes*, *causarius*, *delumbis* в ЛСП «*Infirmus*»; а также, таких как *magnus*, *acer*, *pervalidus* в ЛСП «*Fortis*», где, по крайней мере, некоторые из них, находятся в других лексико-семантических объединениях. Принимающими полями оказываются чаще всего те, которые определяются как смежные по отношению к рассматриваемым. Можно предположить, опираясь на прагматику маргинальных слов, что такими объединениями, которые восприняли выпавшие из латинского материала элементы, являются **парадигмы со значениями рациональных и этических оценок, а также эмоций и волевых актов.**

Следовательно, мы можем обнаружить однокоренные аналоги латинских прилагательных, не попавших в исследуемые ЛСП современного французского языка, среди слов, связанных с выражением этих сфер моральной жизни, а не в парадигмах, выражающих материальные и физические понятия, с которыми связаны основные значения ядерных членов всех четырех ЛСП.

Обратимся к фактам, подтверждающим правомерность нашего заключения. Прагматическими значениями прилагательного *magnus* в ЛСП «Fortis» являются «важный», «значительный», «влиятельный», а также «величественный», «благородный» (Ср.: *magnus* — *une épithète honorifique et laudatif, noble, généreux* (langue, âme). *Magni aestimare* — *estimer beaucoup*; *magnae virtutis homo* (Caes.) — *homme d'un grand courage*; *magnum est scire* (Cic.) — *c'est une chose importante*; *magno animo esse* — *avoir un grand âme*; *magna verba* — *grands mots, phrases pompeuses*; *lingua magna* — *langue orgueilleuse*).

Прилагательное *magnanime* (lat. *magnanimus*, предположительно производное от *magnus*) во французском языке имеет значения «сила», «величие», а также «доброта», «благородство», «милосердие». Ср. — *magnanime* — 1. *Qui a de la grandeur et de la force d'âme* 2. *Mod. Qui est enclin au pardon des injures, à la bienveillance envers les faibles, les vaincus*. V. *Bon, généreux, clément*. «*homme de grand coeur, magnanime pour ses plus cruels ennemis*» (Michelet) V. *Beau, généreux, grand, noble*. Следовательно, французское *magnanime* сохранило то основное значение *magnus*, которое мы выделяем как прагматическое и которое проиллюстрировано в латинском материале и попадает в поле морально-оценочных (этических) характеристик.

Другое прилагательное из этого же объединения *acer* в латыни обладает значениями «необузданный», «горячий», а также «жестокий». Эти отрицательные значения: ср. *en mauv. part* — *violent < fougueux, passionné*: *milites acres* (Cic.) — *soldats ardents*, *in dicendo acrior* (Cic.) — *orateur plus ardent*, *accrima pugna* (Cic) — *combat le plus acharné*. Производное от *acer* существительное *acrimonia* имеет во французском языке аналог *acrimonie* и, в свою очередь, производное *acrimonieux*.

В семантике французского прилагательного наблюдается явное ослабление исконного латинского значения *acer*, которое обозначает чаще «сварливый», реже — «едкий, язвительный» (*s'exprimer par des propos acrimonieux, cela veut dire acerbes ou hargneux*). СК «сила», «энергия», которые есть и в «позитивных» и в «негативных» дефинициях *acer* (Ср. *esprit vif/ soldats ardents/ combat acharné*) отсутствуют в значениях современного французского *acrimonieux*. Это

французское прилагательное попадает в парадигму моральных качеств с негативной пометой и с явной этической оценкой.

Непосредственное производное латинского *acer* (*acerbus*) во французском — *acerbe* имеет более ярко выраженную негативно-эмоциональную окраску. СК «язвительный», «резкий», «яростный» и даже «злобный» эксплицитно выражены в словарных дефинициях этого слова. Ср.: *acerbe* — *qui cherche à blesser; qui critique avec méchanceté. V. Acrimonieux, agressif, caustique, sarcastique, virulent. “La gouaille était moins acerbe”*(Leconte)

Hebes из латинского поля «Слабый», по-видимому, превращается во французское *hébété*. Латинское прилагательное располагается также на периферии поля. Его значения «притупленный», «вялый», «расслабленный» зафиксированы многими лексикографическими источниками. Ср.: *Hebes* — 1. *qui manque de pénétration, d’acidité — me hebetem molestiae reddiderunt* (Cic.) — *les chagrins m’ont émoussé l’esprit; hebeti ingenio est* (Cic.) — *il y a l’esprit obtus.*

2. *émoussé, qui manque de vivacité, mou, engourdi, languissant. (Sall. Tac.) ad sistendum laborem hebes — mou à la fatigue.*

Французское прилагательное, в свою очередь, развивает значения *abassourdi, ahuri, stupide, sidéré* (одуревший, притупленный, ошеломленный, изумленный от радости, боли, усталости и т.д.) Такое абстрактное направление у значений французского прилагательного говорит о его принадлежности к объединению со значением рациональных оценок.

Итак, исследуемые прилагательные, производные от латинских и не вошедшие во французские парадигмы, находят место в смежных объединениях, связанных с областью душевных качеств: морально-этических и рационально-оценочных свойств. Таким образом, наблюдается метафорический сдвиг во французских прилагательных - продолжателях латинских в абстрактном направлении в сторону моральных и рациональных параметров с обязательным присутствием этической оценки.

Такой семантический сдвиг стал возможен благодаря перемещению в центр семантической структуры слова прагматического значения, находившегося на

периферии у латинских прилагательных. Этот процесс в семантике отдельных слов аналогичен в целом отмеченной уже тенденции к возрастанию прагматичности французского поля по сравнению с латынью. Проведенное исследование, таким образом, подтверждает тезис о взаимодействии, взаимообратимости семантики и прагматики. Как видно, нецелесообразно противопоставлять эти две стороны языкового знака, которые функционируют совместно и определяют друг друга.

Рассмотренные процессы подтверждают тезис о принципиальной аналогии в строении части и целого. Иерархически ведущей в нашем материале будет сфера или прототип со значением «интенсивность» или «оценка по силе». В нем в качестве основного критерия отнесения слов к категориям «сильный/слабый» будет некое усредненное, «нормальное» качество — не слишком сильный, но и не слабый, говоря бытовым языком.

Речь в данном случае пойдет о понятии «норма» — чисто прагматическом аспекте, введенном с позиции говорящего субъекта. Первоначально за норму, или точку отсчета принимался некий социально-исторический стандарт, выработанный определенным обществом в данную эпоху. Этот стандарт объективно не может совпадать у Древнего Рима с его культом физической и, возможно, в большей степени моральной силы и стойкости и современной Франции, где понятие силы в связи с длительной исторической и культурной традицией часто сопрягается с этическими, интеллектуальными и рациональными свойствами.

Объективным показателем наличия признака интенсивности служат прилагательные и наречия-интенсификаторы в составе словарных дефиниций. В их семантической структуре содержится, наряду с семой качества, сема количества, которая служит определителем степени признака. Таким образом, сама семантическая структура рассматриваемых слов предполагает их расположение в определенной последовательности, в зависимости от степени манифестации оценочного отношения, то есть градуирование. Градация членов ЛСП означает введение определенных количественных параметров, которые

позволят углубить и конкретизировать принцип иерархии строения поля по признаку силы или интенсивности, которая является объективной характеристикой.

Во французских словарях понятие интенсивности связывается с понятием меры, средней величины или нормы. Интенсивным является то, что превышает норму: *Intense* — se dit d'une chose qui est d'une puissance, d'une force très grande, qui agit vivement, qui dépasse le mesure, la moyenne. *Intensité* — très haut degré d'énergie, de force, de puissance, atteint par qch (P.Robert, p.397,639). Интенсивность присуща многим участкам лексической системы и может в ряде случаев рассматриваться как внутреннее свойство членов лексической парадигмы, как одна из ее характеристик. В исследовании, посвященном анализу иерархических отношений членов ЛСП, категория интенсивности может служить одним из его параметров, так как характеризует главным образом предикатные слова, к которым относятся рассматриваемые прилагательные.

Степень интенсивности членов ЛСП лежит в основе их градуирования. Как известно, отношения градации между членами одной системы были рассмотрены Н.С.Трубецким как один из типов оппозиций, наравне с такими типами, как привативные и эквиполентные («Основы фонологии»). Члены градуальных оппозиций характеризуются различной степенью или градацией одного и того же признака [179]. Надо отметить, что из трех типов оппозиций именно градуальные оказались наиболее важными при анализе отношений членов систем более высоких уровней, в частности, лексической.

Градуирование в нашем исследовании означает определенное положение рассматриваемых слов на шкале иерархических зависимостей в составе ЛСП. Понятия градации признака и нормы обычно соотносятся именно с качественными прилагательными. Эти категории позволяют выделить количественные параметры членов рассматриваемых полей. Интенсивность качества не поддается точному числовому выражению. Тем не менее, язык обладает разнообразными средствами ее определения, которые можно охарактеризовать как качественную определенность количества.

План содержания категории интенсивности составляют значения меры и степени. Между этими понятиями существует тесная взаимосвязь, так как и степень и мера предполагают явное или скрытое сравнение (меры с «нормой», а степени со своей точкой отсчета). Но в соотношении «мера-степень» мера охватывает более широкий круг признаков - мерой могут быть определены и признаки, характеризующиеся и степенью. При установлении интенсивности членов ЛСП целесообразно использовать понятие степени, которая определяет уровень присутствия признака, то есть его интенсивность.

Как уже было отмечено, степень интенсивности признака обнаруживается методом сравнения. Сравнение осуществляется в явном (эксплицитном) и в неявном (имплицитном) виде с тем же признаком другого предмета. Следовательно, степень признака является категорией реляционной, которая выражает динамизм признака. Именно подвижность, динамика интенсивности признака обуславливает то, что абсолютного, стабильного критерия исходного момента, то есть точки отсчета быть не может. Он может быть только относительным, условно принимаемым. В данном случае, когда отсутствует явное сравнение, поскольку речь идет об абстрактных свойствах, исходной точкой выступает наше узуальное понимание нормы признака. Степень интенсивности признака определяется по отношению к ней, а не к абстрактно существующей норме.

Понятие нормы разрабатывается в настоящее время в различных областях современной лингвистики. Впервые введенное в обиход Э.Сепиром [163, с.122-149], это понятие было затем развито рядом лингвистов. М.Бирвиш, например, применяет его для анализа качественных прилагательных, где сравнение производится с некоторой логически не выраженной нормой, по отношению к которой можно говорить о высокой или низкой степени признака [232]. В отношении понятия нормы важной является также мысль Ю.Д.Апресяна о наличии среднего, нулевого члена, значение которого выражается термином «норма», который всегда возможен между двумя полюсами признака, именами которого являются соответствующие антонимы [4,с.285]. При абстрактных степенях сравнение осуществляется с идеальной нормой, которая является

водоразделом, разграничивающим степени усиления и ослабления признака. Однако норма не всегда играет роль точки отсчета меры признака, так как высокие степени ориентированы скорее на максимум, а низкие — на ноль. Идеальную же норму удобнее именовать усредненной степенью признака.

В лексикографической практике на принципе сравнения с некоторой средней (нормальной) величиной основаны, например, дефиниции антонимичных прилагательных. Ср.: Long — qui a une étendue supérieure à la moyenne dans le sens de la longueur. Court — qui a peu de longueur d'une extrémité à l'autre (relativement à la taille normale d'une chose, à l'idée qu'on s'en fait ou par comparaison avec une autre chose) (P.Robert, I, p.p. 305, 1069)

Количественная характеристика заключается в изменении степени проявления интенсивности признака в прилагательных, входящих в рассматриваемое поле. Принципиальное значение в этой связи имеет выбор точки отсчета или нормы. Принимать за точку отсчета нулевую степень интенсивности нецелесообразно, так как в этом случае все остальные члены парадигмы будут недифференцированно более интенсивными. Имеет смысл, поэтому принять за точку отсчета то слово, которое является «водоразделом», позволяющим разграничивать высокие и низкие степени интенсивности. Таким словом, по сумме определенных признаков, является гипероним. Он обладает самой широкой и емкой семантической структурой, в состав которой входят СК многих членов поля. Значение гиперонима, так или иначе, присутствует в семантической структуре всех гипонимов.

Возвращаясь к нашему материалу, отметим, что именно ориентация на высокую степень интенсивности признака при определении значения того или иного прилагательного рассматриваемых ЛСП зафиксирована и в словарях. Ср.: Fort ... qui a de la force. Faible ... qui manque de force. Не понятие «нормы», средней величины, а высокая степень признака выступает точкой отсчета меры признака. Лексически выраженное понятие силы с достаточно высокой степенью интенсивности выступает в качестве прототипа. Именно оценка по силе является

основным параметром ощущения адресанта, то есть прагматика выступает базовым понятием при определении высшего уровня обобщения понятия.

2.3. ИЗОМОРФИЗМ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ В СТРУКТУРЕ СЛОВА И СТРОЕНИЯ ПОЛЯ.

Наблюдения и исследования, проведенные в предыдущих разделах, свидетельствуют об определенных закономерностях функционирования ЛСП и единиц, составляющих его. Так, можно говорить о корреляции семантической структуры слова, где семантическая информация ядерная, а прагматическая – периферийная, и строения ЛСП, где члены с преобладающим семантическим значением находятся в центре, а прагматически маркированные – на периферии.

Похожие тенденции построения парадигмы полевого типа отмечает Ю.М.Лотман, указывая на то, что ядро «нормально», оно просто существует; победа той или иной семиотической системы есть перемещение ее в центр и неизбежное «обесцвечивание». Усиление интенсивности семиотических процессов в пограничной полосе семиосферы связано с тем, что именно здесь происходит постоянное вторжение в нее извне. «Пограничное пространство – место непрерывающегося диалога» [135,с.190]. Отмеченный изоморфизм микро- и макроструктур не случаен. Он свидетельствует об универсальном свойстве, имманентно присущем сложноорганизованным образованиям сверху донизу – начиная от слова и кончая более или менее комплексными структурами, состоящими из слов. Переход семантики в прагматику и наоборот постепенен и длителен. Так, в структуре слова понятие «впрессованности» прагматики в семантику, введенное Ю.Д.Апресьяном, прослеживается достаточно явно, если рассмотреть СК, из которых состоит слово.

Например, такое значение как «недостаток ума, способностей» является далеко не периферийным в значениях ряда слов ЛСП «Faible», начиная от гиперонима (см. Приложение 1 Д). Оно представляет сплав семантики и прагматики, с преобладанием прагматики, в значениях таких прилагательных как *petit* (*petit esprit*), *insuffisant* (*qualité, capacité insuffisante*), *impuissant*. В то же время при рассмотрении периферии ЛСП обнаруживается совмещение семантических и прагматических элементов, причем прагматические преобладают в значениях слов, находящихся на «переходе» к соседним участкам. Подобный же сплав семантики и прагматики отмечается у членов ЛСП – представителей иерархически ведущих объединений -- прилагательных *grand*, *petit*,

Усиление интенсивности процессов в пограничной полосе в данном случае можно понимать как возрастание роли прагматики, оттесняющей в этой части ЛСП семантическое значение парадигмы. Прагматика, внедряясь извне, из соседних участков, поскольку она и там тоже сосредоточена на периферии, нарушает состояние покоя структуры, тем самым, приводя ее в движение. Это вторжение нельзя ни отсечь, ни игнорировать, оно является живой движущей силой развития и дальнейшего изменения структуры. Основная часть системы оказывает сопротивление подобным процессам, в результате возникает некоторое движение.

Такое движение представляет собой определенное колебание системы или ее флуктуацию, если воспользоваться терминологией И.Пригожина. Флуктуации могут привести к созданию нового порядка, новой диссипативной структуры, возникшей в результате элемента случайности, но не произвола [328, p.260]. «Порядок из флуктуации противопоставляет миру статической динамики мир открытый, деятельность которого порождает новое, эволюция которого – обновление, создание и разрушение, рождение и смерть» [328, p.271]. (Перевод наш Г.Б.)

Именно обновляющий момент флуктуаций (мы используем эту общефилософскую концепцию как методологию в нашем исследовании) интересен с точки зрения внедрения прагматики в семантическую структуру, как слова, так и всей парадигмы. Прагматика выступает как фактор обновления,

создания и рождения нового – новой диссипативной структуры. Эта структура, возникающая из старой, пришедшей в движение -- результат вторжения извне, через пограничную зону элементов другого уровня: или соседней, сопряженной с ней парадигмы, или /и иерархически ведущей. Одновременно с созданием новой структуры неизбежно разрушение элементов исходной, старой. В нашем материале это выпадение определенных членов ЛСП или же их перемещение в другие: низшие, высшие или соседние образования.

Та же картина наблюдается и на микроуровне, на уровне слова. Прагматические значения продвигаются вверх, стремятся слиться с семантическим ядром, а часто и заменить его собой. Семантика и прагматика взаимопроникают, переплетаются друг с другом, происходит их мена. СК, находившиеся на периферии в латыни, во французских ЛСП уже заняли более центральные места, вытеснив тем самым бывшие основные семантические СК. Следовательно, флуктуация всей системы, помимо внешних факторов, обусловлена в значительной степени и движениями внутрисловной структуры, смещениями, заменами СК слов.

Так, например, периферийные в латинском поле «Fortis» СК «важный, значительный» (о человеке)», «влиятельный» присутствовали только у двух слов *magnus, potens*. Во французском ЛСП «Fort» СК «люди влиятельные» отмечается уже в составе семи слов, включая гипероним (*puissant, solide, influent* etc). Перемещение внутрисловных элементов приводит к внешней перестройке структуры – меняется конфигурация поля, постепенно происходит создание новой структуры, сохраняющей элементы исходной, но уже в той или иной степени отличающейся от нее.

Таким образом, флуктуации, которым подвержены языковые парадигмы, могут иметь двоякую природу. Они внутренние, поскольку их источником является перегруппировка в строении единиц, то есть слов, составляющих парадигму. Помимо них структура испытывает влияние соседних и/или более высоких объединений, которые в пограничных участках инициируют перестроения и перераспределения слов, приводя их в движение. В результате такого движения одни слова оказываются перемещенными ближе к центру из

периферии, другие уходят в смежные или высшие образования. Третьи, напротив, приходят в поле из других (соседних или высших) парадигм.

Учитывая взаимосвязь внешних и внутренних флуктуаций, следует отметить, что внешние возможны именно благодаря внутренним. То есть, изменение и развитие внутренней семантико-прагматической структуры слова приводит к внешним изменениям парадигмы этого слова. Наблюдаемые внешние изменения выражаются в перегруппировке самих слов в составе ЛСП или их переходе в другие области. Сама же новая диссипативная структура, во избежание лакун, принимает в свой состав другие элементы, способные заменить исчезнувшие, внести новые значения, передать их наиболее адекватно. Так, в составе ЛСП «Fort», которое можно рассмотреть как диссипативную структуру относительно латинской, новых слов больше, чем совпадающих с однокоренными латинскими.

Достаточно новых слов и в ЛСП «Faible», начиная от самого гиперонима, не имеющего однокоренного аналога в латинском ЛСП. При этом однокоренные, то есть относительно совпадающие слова, не всегда усложнились и развились на французском материале. Все перечисленные случаи приводят к асимметрическим построениям как самой структуры, с точки зрения расположения слов относительно друг друга, так и к асимметрии структур, которая выявляется при сопоставлении исходной (латинской) и диссипативной (французской) парадигм. Различия в их построении, имея в виду единый исходный принцип, неслучайны.

Как известно, асимметрия является одним из основных законов развития языка. Отступление от регулярности, единообразия, неодинаковая развитость звеньев языковой системы – все это движущие факторы функционирования языка как открытой системы, стремящейся к равновесию. На примере исследуемого материала можно проследить различные проявления асимметрии построения и наполнения лексических парадигм.

При сопоставлении схематичных построений ЛСП латинского и французского языков можно сделать ряд наблюдений. Так ЛСП «Fortis» состоит из пяти ярусов: на первом располагаются 4 прилагательных, на втором – только 3. Наиболее тесно заполненным является третий ярус с семью прилагательными,

четвертый ярус составляют 4 прилагательных, а последний, периферийный – лишь 2.

Французское ЛСП «Fort» выглядит более равномерным и регулярным. Ярусов в нем также пять; первый включает 5 прилагательных с большим, чем в латинском поле количеством СК – от семи до девяти. На втором ярусе находятся 6 прилагательных; такое же количество членов и на третьем ярусе. Четвертый и пятый составляют, соответственно, по 4 и 2 прилагательных.

Латинское поле «Слабый» (*Infirmus*) имеет четыре яруса. На первом – всего 2 прилагательных. Второй ярус оказывается значительно более насыщенным – здесь 7 прилагательных. Третий ярус располагает пятью прилагательными. Такое же количество членов и на последнем ярусе.

Французское поле «Faible» выглядит совсем иначе. Прежде всего, гипероним *faible* и прилагательное *petit* имеют по одинаковому количеству СК. Но очевидно, что *petit* – представитель и, возможно, даже гипероним иерархически ведущей парадигмы, подчиняющей себе данное ЛСП. Это слово оказалось в составе анализируемого поля в силу тех же закономерностей, которые вводят в одну парадигму элементы из другой, в данном случае высшей, по отношению к ней, в результате свойственным этим системам флуктуациям. Кроме того, используя замещающую способность гиперонима, прилагательное *petit* может выступать и как ведущий, и как рядовой член одновременно. Следует учитывать также фактор ризомы, позволяющий одному слову занимать более одного места в структуре.

Известно, что конфигурация поля изоморфна микроструктуре единицы, входящей в его состав. В качестве образца микроструктуры можно рассмотреть семный состав гиперонимов в каждом из полей. Семантическая структура гиперонима, особенности взаимодействия и расположения в его составе семантических и прагматических компонентов предполагает построение всей парадигмы, размещение чисто «семантических» и по преимуществу «прагматических» членов в ее структуре. Центральное место в структуре гиперонима занимают чисто семантические компоненты, они же наиболее встречаемы и в составе большинства ядерных членов ЛСП. Прагматические семы

располагаются на периферии значения слова. Они, в то же время, являются основными, определяющими у периферийных прилагательных, которые, по нашему определению, являются по преимуществу прагматическими. *Acer, saevus, violentis, vehemens, efficax* ЛСП «Fortis»; *imbellis, causarius, surdus, veterosus* ЛСП «Infirmus» – все эти члены расположены на последних ярусах, в наибольшем отдалении от гиперонима.

Во французских же построениях наблюдается несколько иная картина. Прагматические семы гиперонимов располагаются ближе к центру, они больше впрессовываются в основное семантическое значение. Соответственно, и прагматически маркированные гипонимы значительно приближаются к гиперониму. Многие из них расположены на 1-2 ярусах: *impuissant, mou, débile, délicat* ЛСП «Faible»; *violent, courageux, résistant, important, influent* ЛСП «Fort».

Эти наблюдения подтверждают уже высказанное положение о перемещении прагматики выше, ближе к центру во французских парадигмах. По сравнению с латинскими, французские ЛСП более прагматичны, перемещение вверх и слияние прагматики и семантики осуществляется как на микро-, так и на макроуровне.

Весьма симптоматично, что указанное свойство изоморфизма структуры слова (гиперонима) и построения соответствующей парадигмы уже отмечено в теории и практике отечественной лексикографии. Так, обнаруживается глубинное сходство между строением лексического класса и многозначного слова, подтверждая тем самым, но только на материале русского языка, высказанное утверждение. Положение о том, что в многозначном слове, как в микромире, отражаются все основные свойства лексического класса – его макромир [203, с.15] созвучно рассмотренному нами свойству изоморфизма структуры слова и строения ЛСП. Но только в нашем исследовании учитываются взаимодействие семантических и прагматических элементов во внешнем и внутреннем построении, что значительно усложняет и обогащает всю картину.

Выделяя некоторые черты сходства в строении слова и лексического класса, которые подтверждаются, в частности, и данными проведенного здесь исследования, отмечается следующее:

1) Как слово, так и лексический класс представляют собой многоступенчатую целостность, объединяющую в своем составе участки, которые сочленены в определенную систему. В классе – это все его подклассы, подчиненные ветви. В слове -- отдельные значения, также сплетенные в единое целое. И в том, и в другом случае составляющие системы находятся друг с другом в отношениях взаимной зависимости порождающего и порождаемого.

2) Как слово, так и лексический класс являются открытой системой. Слово постоянно развивается, образуя новые значения, всегда при этом сохраняя «спящие», но готовые по-разному напомнить о себе значения, старые или устаревшие. Та же черта характерна и для лексического класса: он открыт для образования новых единиц, лексических рядов, образующихся в результате появления новых слов и значений, заимствований и т.д. Однако ни в слове, ни в лексическом классе открытость не колеблет целого, а лишь обогащает его и стимулирует его естественное развитие и разветвление.

3) Слово и лексический класс сходны по характеру происходящих в них и обусловленных развитием языка внутренних движений. В обоих случаях – это движущаяся и развивающаяся система, в самой себе заключающая потенциальные расчленения и обогащения. В границах слова формируются новые семантические единицы, порождаемые словом как знаком, обращенным вовне -- реалиям, требующим именования, к другим словам и связям между ними. В границах лексического класса тоже формируются новые обогащающие его компоненты, но гораздо постепеннее, чем в слове.

4) И слово, и лексический класс обладают собственным производящим потенциалом. В слове -- это способность каждого из его значений к образованию другой единицы, принадлежащей как к тому же самому, так и к другому классам. В лексическом классе – это его мощный потенциал взаимодействия с другими классами,

осуществляющийся по общим законам словообразования и межклассных семантических связей. [Там же. С.20-21].

Указывая, таким образом, на аналогию устройства системы и составляющих ее единиц, Н.Ю.Шведова, как и другие исследователи, рассматривает материал в синхронном аспекте с чисто семантических позиций. Если поставить вопрос шире, о причинах подобных процессов, то неизбежно обращение к диахронии и прагматической составляющей. Как показывает наше исследование, в результате взаимодействия семантики и прагматики как внутри слова, так и на различных участках исходной и диссипативной парадигм происходит перестройка структуры. Эти явления приводят к созданию нового объединения, не утратившего связей с исходным. При этом семантико-прагматические процессы, протекающие в микро- и макроструктурах, в целом можно считать изоморфными. Подобные флуктуации объяснимы с учетом прагматического фактора, позволяющим осмыслить выявленные особенности под иным углом зрения.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

С позиций нелинейного способа организации, ЛСП как децентрализованное пространство, в котором место каждого члена нестабильно, может включать в себя члены, занимающие одновременно несколько мест и на высоких уровнях, и в более мелких образованиях, непосредственно входящих в первые и им подчиненных. Само понятие ЛСП претерпевает изменения: его границы трансформируются, смещаются центр и периферия, наблюдается децентрация и т.д. При сопоставлении латинских и французских парадигм отмечается преобладание морально-оценочных и интеллектуальных признаков во французских ЛСП по сравнению с латинскими. Иерархический принцип построения лексических объединений типа ЛСП дополняется сегодня положениями теории неравновесности: например, корреляция понятий «слабая точка в системе» и «точка бифуркации». Теория поля на современном уровне представлений о нем по-прежнему широко используется при исследовании абстрактной лексики с синхронно-диахронной и компаративной точки зрения. В рассматриваемых ЛСП ядро составляют прилагательные с наибольшим

Удалено: ¶

количеством чисто семантических значений, которые постепенно уступают место членам с преобладанием прагматики на периферии поля. Характерен изоморфизм строения ЛСП с его иерархией значений и структуры гиперонима: набор СК у гиперонима повторяет иерархическую структуру поля.

Наблюдаются связи исследуемых ЛСП со смежными участками лексики на периферии, которая является зоной пересечения нескольких парадигм. Это область постоянного обмена, где активность всех процессов выше, чем в центре. По мере удаления от центра происходит ослабление влияния семантического ядра, при этом возрастает влияние прагматических компонентов на границе нескольких участков. Само явление границы интересно тем, что здесь происходит не только размежевание разных парадигм, но и создаются условия для их плавного перехода от одной к другой.

С точки зрения теории ризомы ЛСП свойственны семантическая децентрированность, нестабильность, любая его точка может быть связана со всякой другой. Эти свойства способствуют лексической компенсации между полями, в том числе, обмену материальными ресурсами, что приводит к расчленению четкой структуры поля. Понятия «Центр—Периферия» становятся взаимобратимыми, если учитывать маргинальную активность в участках пересечения нескольких ЛСП.

При диахронном рассмотрении становится явным отсутствие, например, тех значений, которые были в латыни и у их однокоренных аналогов во французском языке. Эти значения обнаруживаются в смежных парадигмах со значениями рациональных и этических оценок, а также эмоций и волевых актов, то есть в сфере моральных, а не материальных и физических понятий. Это явление можно объяснить как метафорический сдвиг у французских прилагательных в абстрактном направлении в сторону моральных и рациональных параметров с присутствием этической оценки. Такой семантический сдвиг стал возможен благодаря перемещению в центр семантической структуры слов прагматического значения, находившегося на периферии у латинских прилагательных. На уровне слова этот процесс приводит к возрастанию прагматичности у прилагательных

французского поля по сравнению с латинскими, что подтверждает тезис об аналогии в строении части и целого.

Использование понятия «норма», позволяющее осуществлять градуирование прилагательных по степени интенсивности признака, выявляет их положение на шкале иерархических зависимостей в ЛСП. Степень интенсивности признака выявляет его динамизм относительно усредненного признака, которым является гипероним. Именно ориентация на высокую степень интенсивности как точки отсчета меры признака присутствует при определении значения прилагательных. Последующая поляризация прототипа на антонимичную дихотомию «сильный/слабый» необходима для определения состава и расположения членов ЛСП.

Особенностью строения и функционирования ЛСП является изоморфизм семантической структуры прилагательных и парадигмы, состоящей из них. Семантическая информация и в микро, и в макроструктуре в основном сосредоточена в центре, а прагматическая – на периферии. В структуре, как слова, так и поля можно наблюдать взаимодействие, сплав семантики и прагматики и взаимный переход одной в другую.

Усиление процессов в пограничной полосе ЛСП происходит благодаря возрастанию роли прагматики, которая нарушает состояние покоя структуры, приводя ее в движение. Такое движение сходно флуктуациям, которые могут привести к созданию обновленной диссипативной структуры. Прагматика выступает как фактор создания нового и разрушения элементов исходного, старого, такого, например, как выпадение некоторых членов ЛСП или их перемещение в другие смежные образования: вверх, вниз, в соседние участки.

Переплетение или мена семантики и прагматики наблюдается и на уровне слова, что также приводит в движение всю систему, которая, изменяя очертания, сохраняет элементы исходной. Внешние и внутренние флуктуации взаимосвязаны, причем первые возможны благодаря вторым: внутрисловное движение приводит к перегруппировке в составе ЛСП и перемещению слов в другие области, из которых приходят, в свою очередь, новые члены.

При сопоставлении латинских и французских ЛСП наблюдается перемещение прагматики ближе к центру во французских парадигмах как на микро, так и на макроуровне. В результате взаимодействия семантики и прагматики, которое рельефно прослеживается в диахронных сопоставлениях, на различных участках исходной и диссипативной парадигм происходит перестройка структуры.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ГЛАВА 3. ВЗАИМОСВЯЗЬ СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

3.1. СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Отформатировано:
Шрифт: не полужирный

(ИНВАРИАНТНОСТЬ И ГЕШТАЛЬТНОСТЬ В ЛЕКСИКЕ)

3.1.1. ГЕШТАЛЬТ И ПРОТОТИПЫ КАК КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ

Оформившийся в последнее время подход к изучению языка, предусматривающий целостное рассмотрение семиотического пространства как единого организма, семиосферы в терминологии Ю.М.Лотмана [133], представляется весьма перспективным. Этот подход берет за основу не отдельный атомарный элемент системы, а, напротив, предлагает начать рассмотрение сверху, исходя из наибольшей величины, в идеале -- самой системы. Как отмечает Ю.Лотман, современная семиотика переживает пересмотр некоторых основных понятий. Это, прежде всего, касается двух общенаучных принципов, которые лежат в основе семиотики – традиция Пирса-Морриса, отправляющаяся от понятия знака как первоэлемента системы, и тезис Соссюра и Пражской школы об антиномии языка и речи.

Существенная общность этих различных подходов в том, что в них за основу берется простейший атомарный элемент и все последующее рассматривается с точки зрения сходства с ним. Однако более плодотворным представляется противоположный подход: все семиотическое пространство (семиосфера по Лотману, понятие, введенное по аналогии ноосферой В.И.Вернадского) рассматривается как единый механизм, если даже не организм. Тогда первичным окажется не тот или иной кирпичик, а «большая система», именуемая семиосферой. Семиосфера есть то семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса.

Целесообразность именно такого изучения языковых явлений, идущего сверху вниз, а не наоборот, заключается в том, что при анализе целостного образования становятся более очевидными его основные свойства. Выделив,

таким образом, на большом материале основные параметры и закономерности, управляющие всей системой, исследователь использует их затем при рассмотрении каждого отдельного ее элемента. Исходя из положения об изоморфизме отдельных частей, составляющих целое, и всего образования, можно переносить свойства отдельных составляющих на всю парадигму и наоборот. При бытовавшем до недавнего времени подходе, когда вначале рассматривались составляющие единого целого, а затем из них складывалась общая картина, оказывалось, что не всегда и не все закономерности общего выводились из его слагаемых. Системно-структурный подход к изучению языка, оставшийся в целом одним из ведущих и основных направлений, в последнее время претерпел существенные изменения и дополнения.

Соссюровское учение о системе в языке не было единственным источником современного понятия структуры. К этому понятию своими путями шли многие науки уже в начале XX века. Одной из них была гештальт-психология, оказавшая значительное влияние на современную лингвистику. Исходя из определения «гештальт-теории», которое дается в «Vocabulaire de philosophie» Lalande, можно говорить о ее параллелизме со структуральной лингвистикой [300]. И та, и другая наука рассматривает явления как некоторые совокупности (Zusammenhänge), представляющие собой автономные, внутренне связанные единства, где каждый элемент зависит от структуры целого и от законов, которые им управляют.

Понятия «гештальт» и «структура» имеют много общего. Дж. Лакофф дает определение лингвистического гештальта как способа соотнесения значения с поверхностными формами [123]. Слово Gestalt на русский переводится несколькими понятиями – форма, образ, фигура. В психологии, а затем в лингвистике под гештальтом понимается целостная форма, структура. Гештальт – функциональная структура, которая, по присущим ей законам, упорядочивает многообразие отдельных явлений. Например, изучение психики с точки зрения целостных структур (гештальтов), первичных, по отношению к своим компонентам. В основе закона гештальта лежит идея приоритета целого, идея о том, что внутренняя системная организация целого определяет свойства и функции образующих ее частей.

В лингвистике гештальт – это не что иное, как способ вербализации смысла (спонтанно – для говорящего) и способ осмысления языковой формы (интуитивно-рационально – для слушающего). Предложенное Дж. Лакоффом понимание гештальта корреспондирует с внутренней формой языковых выражений, с мотивацией в широком смысле слова. Подобно тому, как компонентный анализ выделяет минимальные семантические составляющие слова, концептуальный анализ выделяет прагматические составляющие (прагматические множители) – гештальты, повторяющиеся в концептах разных имен (слов) и обуславливающие прагматическую форму абстрактного имени.

А. Вежбицкая определила «концепт» как объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность» [47,с.31]. Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество коннотативных элементов слова, проявляющихся в его сочетаемости. Например, ссоры и конфликт вспыхивают, угроза нарастает, очаг напряженности разрастается. Через сочетаемость осуществляется символизация отвлеченной сущности, стоящей за абстрактным именем. Разнообразие интерпретаций слова, таким образом, не субъективное, персонально свойственное нам разнообразие отношений к предмету, а лишь многообразие самого смысла, на который направлено наше сознание, открывающее в нем то одну, то другую сторону.

Если основа понятия логическая, то основа концепта сублогическая. Концепт включает понятие, но не исчерпывается им, а охватывает все содержание слова – и денотативное, и коннотативное, отражающее представление носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятом в многообразии его ассоциативных связей. В 1944 г. Луи Ельмслев указывал, что основой структуральной лингвистики является описание языка как в своей сущности автономного единства внутренних зависимостей, или как некоторой структуры. «... структуральная лингвистика... сводит свой объект к некоторой сетке зависимостей, рассматривая языковые факты как существующие в силу их отношений друг к другу» [292]. Так появились в лингвистике слова «структура» и

«структурный» в качестве специальных терминов. Знаки и фигуры в теории глоссематики ничто иное, как структурные элементы, из которых складывается система.

В настоящее время основным различием является понимание термина «структура» в американской лингвистике и определением этого термина приведенными выше [298]. Термин «структура» в европейской лингвистической литературе основан на принципе, что язык представляет собой систему, все части которой связаны отношениями общности и взаимной зависимости. Структурная лингвистика ставит своей задачей, исходя из примата системы по отношению к ее элементам, выявлять структуру этой системы через отношения между элементами, как в речевой цепи, так и в парадигмах форм.

Идея о преобладании, функциональном предшествовании целого над его отдельной частью в методологическом отношении позволяет изучать всю систему, а затем переносить ее свойства на отдельные ее участки. Изоморфизм части целому, которые лишь находятся на разных уровнях структурной иерархии, позволяет утверждать, что отдельный элемент системы является одновременно и частью целого и его подобием (как каждый осколок зеркала и часть и подобие всего зеркала — пример Ю.М.Лотмана). Ю.М. Лотман усматривает здесь структурный парадокс в тенденции к растущей автономии элементов, превращению их в самодовлеющие единицы и к столь же растущей их интеграции и превращению в части некоего целого. «В результате такого построения создается уникальная структура, в которой каждая часть одновременно есть и целое, а каждое целое функционирует и как часть. Структура эта с двух сторон открыта непрерывному усложнению — внутри себя она имеет тенденцию все свои элементы усложнять, превращая их в самостоятельные структурные узлы, а в тенденции — в семиотические организмы. Извне она непрерывно вступает в контакты с равными себе организмами, образуя с ними целое более высокого уровня и превращаясь сама в часть этого целого.» [130, с.115-116].

Преобразование лингвистики в науку о внутриязыковых отношениях, неразрывная взаимосвязь между частями и целым — насущная тема современного

научного мышления. Сравнительно-историческая проблематика, никогда не терявшая своей актуальности, обогатилась достижениями семантики в области системной структуры. Эта интеграция дает новое направление, где, по словам Р. Якобсона, «впервые осознается неразрывность идей закономерной системы и ее изменений, в свою очередь закономерных» [218,с.11]. Система, подверженная закономерным изменениям, тем не менее, всегда остается неизменной с точки зрения ее имманентных свойств и присущих ей законов развития.

Идеи относительности и инвариантности системы возникли в связи с открытием Эйнштейна, они вдохновляли Пражскую лингвистическую школу. В области лингвистики, как показывал Р.Якобсон, чем дальше отдаляешься от фонологического уровня, тем глубже погружаешься в область двусмысленностей, намеков, напряжений различных порядков, указывающих на взаимодействие с экстралингвистикой. Разнородности симметрических отношений лежат в основе всего языкового строя, не нарушая, однако, его целостности. Законы изменчивости и стабильности взаимодействуют друг с другом, находясь в отношении неустойчивого равновесия.

Лексика, например, далека от того, чтобы быть однородной системой, сводимой лишь к семам, элементам компонентной семантики. В своей сердцевине она заключает противоречивые единицы абсолютной или относительной дизъюнкции (заложенные в языке двусмысленности, снимаемые контекстом), или конъюнкции (двойной смысл, игра слов, амбивалентность), которые предполагают еще одно измерение — говорящего и интерпретирующего субъекта. Как отмечает Ю.С.Степанов, центр субъективности языка – категория субъекта, которая есть центральная категория современной прагматики [171].Изучение лексики невозможно без обращения к говорящему и слушающему, или, соответственно, адресанту и адресату, то есть без прагматики в том ее понимании, в котором она отличается от стилистики и риторики. Отличие состоит лишь в том, что теоретически обобщает поведение человека при практическом использовании языка, то есть при выборе языковых средств из наличного репертуара для наиболее точного, соответствующего обстоятельствам или целям выражения своей мысли.

Введение дополнительных параметров, идущих от субъекта, при изучении лексических явлений преобразует определенным образом сам объект исследования. Он предстает более объемным, имеющим множество граней, неоднородным по своей структуре. Таким образом, представленный объект не может быть удовлетворительно изучен при помощи традиционных классических методик. В силу этого на смену стандартным методам разрабатываются способы описания лингвистических объектов, допускающие их недискретный, континуальный характер. Это многофакторные определения, иерархии, прототипы. Все это составляет суть новой научной парадигмы недискретной лингвистики со своей методологией и формализацией.

Проблема категоризации всегда признавалась одним из важнейших аспектов изучения языка. Результаты когнитивных разработок в этой области суммированы в работах Дж. Лакоффа, который считает категоризацию основой лингвистической теории и подчеркивает, что именно когнитивный подход позволяет найти адекватное решение этих вечных для лингвистики вопросов. Изучение принципов категоризации приводит Дж. Лакоффа к выводу о том, что мышление организует знание посредством особых структур, которые можно назвать идеальными когнитивными моделями [122; 123]. Такая модель представляет собой сложное структурированное целое, своего рода гештальт, который может накладываться на некоторое мыслительное пространство, передавая ему заложенную в модели структуриацию. Согласно Лакоффу, идеальная когнитивная модель может задаваться общей структурой классификационного фрейма, некоторым прототипом или метафорической концептуальной системой, как, например, при описании гнева или похоти через метафору «жара» или «огня» [298; 299].

Термин «гештальт» не дублирует термин «образ». Из предлагаемых Дж. Лакоффом определений лингвистических гештальтов наиболее приемлемо следующее: «способ соотнесения значения с поверхностными формами» [123]. Это не что иное, как способ вербализации смысла и способ осмысления языковой формы. Предложенное Дж. Лакоффом понимание гештальта корреспондирует с внутренней формой языковых выражений, с мотивацией в широком смысле слова.

Язык состоит из ассоциаций представлений языковых с представлениями внеязыковыми. Эти представления (образы, гештальты) объединяют обыденный опыт о внеязыковой реальности и единицы языка в целостные образования. Такие образования воспринимаются посредством ассоциаций и удерживаются в сознании как долговременные единства, или смыслы. Энергия языка связывает ассоциацией по сходству мир внеязыковой и мир языковой, превращая первый во второй.

Другим доказательством существования идеальной когнитивной модели были результаты исследования Ч.Филлмора, который выделил разные виды классификационных фреймов, и Э. Рош о прототипах. Остановимся подробнее на идее прототипов, как одного из плодотворных подходов в дескриптивной семантике. Два, выдвинутых Э. Рош центральных понятия при категоризации — прототипы и объекты базисного уровня, были позже адаптированы к лингвистике Дж. Лакоффом и Р. Лангакером. Во всех подходах прототипы представляются как сущности, отражающие мыслительные процессы человека [Langacker].

Согласно Э. Рош, в основе внутренней структуры каждой категории лежит неравномерность членов этой категории. Существуют центры, вокруг которых группируются в сознании индивида все остальные входящие в категорию объекты. Эти центры Э. Рош называет прототипами. В прототипах воплощены наиболее характерные признаки категории, что дает возможность по прототипам осознать категорию в целом [333]. Понятие прототипа практически совпадает с идеей родового имени, вокруг которого группируются видовые имена, имеющие набор общих интегральных признаков.

Ряд работ Э. Рош и ее соавторов непосредственно посвящен исследованию различных уровней иерархических структур с несколькими уровнями обобщения. Особую роль играет выделение так называемого базисного уровня иерархии, на котором находятся такие имена, как стол, яблоко, гитара. Выше базисного уровня располагаются обобщающие родовые имена, они же прототипы: мебель, фрукты, музыкальные инструменты; а ниже базисного уровня — конкретизирующие имена: письменный стол, антоновка, электрогитара [333]. Таким образом, понятие

«внутренняя структура» у Э. Рош отождествляется с понятием «иерархическая структура» и вычленяется лишь один аспект отношений — по вертикали. А именно анализ отношений по горизонтали, по нашему мнению, более соответствует задаче исследования внутренней структуры классов.

На каждом уровне иерархии – от конкретизирующих имен до прототипов – задачей исследователя является определение общих и различающих (интегральных и дифференциальных) признаков слов, объединенных по определенным принципам. Разворачивая каждый из вертикальных срезов и выстраивая его в виде более или менее протяженной группы со своим набором признаков, мы тем самым углубляем и расширяем представление о каждом из иерархических уровней парадигмы. Нетрудно заметить, кроме того, что наблюдается корреляция понятий «прототипы/объекты базисного уровня» и более устоявшихся, привычных терминов «гипероним/ гипонимы», а также «инвариант/варианты».

В семантику теория прототипов делает тройной вклад:

- в значении одного слова она объясняет то, что в классической модели считалось взаимоисключающим, а именно, языковые и энциклопедические знания (последние включают представление о типичном и прототипичном);
- она демонстрирует существование у категории внутренней структуры, отношения между элементами которой прослеживаются по-разному в речи;
- она устанавливает иерархию категорий, отражающую дейксивную иерархию «гипероним/гипонимы», а также «инвариант/варианты».

Прототипы могут меняться с течением времени, в частности, в результате метафорического употребления терминов, когда категория приобретает новых представителей. Такие изменения связаны с переопределением набора характерных свойств и относительных рангов. Именно в этом состоят диахронические изменения лексикона, морфологии и синтаксиса. Различные люди оперируют пространством этих категорий по-разному. Не только при усвоении языка, при эволюции и при изменениях языка, но и в индивидуальном употреблении человека проявляется гибкость категорий, организованных вокруг прототипов. Она реализуется в столкновении

человека с различным окружением — личностным, социальным, культурным, коммуникативным и биологическим.

Основные положения теории прототипов, таким образом, сводятся к следующим:

1. Категория обладает внутренней противоречивой структурой.

2. Границы между категориями или концептами размыты.

3. Члены одной категории не обязательно обладают общими свойствами, скорее их объединяет «семейное сходство». Исследователь изучает материал не аналитически, а синтетически или глобальным способом.

В теории прототипов считается, что категории расплывчаты, не обладают четкими границами, есть градация по параметру «принадлежность к категории». Слово является именованием вещи не абсолютно, а лишь до некоторой степени. Люди формируют конкретный или абстрактный мысленный образ предметов, принадлежащих некоторой категории. Этот образ называется прототипом, если с его помощью человек воспринимает действительность. Член категории, находящийся ближе к этому образу, будет оценен как лучший или более прототипический экземпляр, чем все остальные.

Альтернативным подходом является прагматический взгляд на прототипы. Он основывается на концепции значения Л. Витгенштейна, которую можно назвать прототипической. Всем толкованиям понятий присущи прототипы, которые, в свою очередь, образуют основу значения. У Л. Витгенштейна понятие значения неотделимо от понятия толкования, и для некоторых слов знание их значения есть знание тех примеров, которые должны быть приняты за прототипы. [58,с.108]. Знание о понятии полностью обнаруживается в объяснениях и, таким образом, объяснения и составляют понятия. Значение воплощено в объяснении значения. Подобные толкования — толкования нормы, они указывают, что семантически приемлемо, а что нет. Прототипы являются ориентирами будущего применения понятий. « Не являются ли нечеткие понятия именно тем, что нам нужно? ... Мышление

окружено нимбом. Его сущность, логика изображает порядок, а именно, априорный порядок мира, то есть порядок возможностей, который должен быть общим для мира и мышления. Но этот порядок должен быть, по-видимому, чрезвычайно простым» [Там же, с.121].

Дальнейшие рассуждения Л. Витгенштейна затрагивают само существо феномена языка и наших знаний о нем, они весьма показательны в свете именно последних исследований, которые, как видно, уже на протяжении длительного времени были предметом научного и философского взгляда на предмет. «Чем подробнее мы рассматриваем фактический язык, тем сильнее он вступает в столкновение с нашими требованиями — это столкновение невыносимо; теперь наши требования угрожают стать чем-то пустым. Мы попадаем на скользкую поверхность льда, где нет никакого трения и условия в известном смысле идеальны, но именно поэтому мы не можем двигаться. Мы хотим ходить: тогда нам необходимо трение. Назад к целине!» [Там же, с.123]. «Нашему знанию об употреблении языка мы хотим придать некоторый порядок; порядок, имеющий определенную цель; один из многих возможных порядков; не единственный порядок. С этой целью мы снова и снова подчеркиваем различия, которые легко позволяют нам просмотреть наши языковые формы. Благодаря этому может создаться впечатление, будто мы видим нашу задачу в том, чтобы реформировать язык» [Там же, с.128].

Размышления Л. Витгенштейна о «фамильном сходстве» в частности различных игр (на доске, карточных, спортивных) весьма показательны, в особенности, когда он говорит о сложной сети сходств, переплетающихся и пересекающихся, больших и малых, « ... ибо именно так переплетаются и пересекаются различные линии сходств, существующие между членами одной семьи» [Там же, с.109]. И, конечно же, аналогия языка с игрой объясняет нам очень многое в его устройстве. «Скорее языковые игры используются как объекты сравнения, которые своими сходствами и различиями должны проливать свет на отношения нашего языка». И далее, «понятие «игра» есть понятие с расплывчатыми краями» [58; 172]. Нельзя не согласиться с мнением А.Вежбицкой, что в работах Л.Витгенштейна содержатся самые глубокие и

проницательные наблюдения над языком и значением, какие только можно найти» [49,с.212].

Ее рассуждения о специфике понятий естественного языка, очевидно, в значительной степени развиваются под влиянием взглядов Л. Витгенштейна. Соглашаясь с тем, что понятия естественного языка по природе своей являются размытыми, она решительно выступает против того, что значения слов могут быть представлены как неустойчивый набор СК. В качестве доказательства предлагаются точные, нерасплывчатые толкования для даже самых «размытых» понятий [Там же, с.226]. Разнообразие возможных пониманий слова неизбежно приводит к разнообразию интерпретаций. Однако это не проявление субъективного, персонально свойственного нам разнообразия отношений к предмету, а лишь многообразие самого смысла, на которое направлено наше сознание, открывающее в нем то одну, то другую сторону.

Существует и количественный аспект прототипичности, который начал исследоваться сравнительно недавно, он основан на изучении употребления, выбора той или иной альтернативы и ставит вопрос, являются ли определенные категории более «подходящими» наименованиями. Факторы, определяющие выбор, как правило, носят количественные характеристики. Так, наиболее часто встречающиеся члены некоторой категории являются теми, которые сочетают в себе наиболее часто встречающиеся свойства, это классическое понимание прототипичности, как оно было впервые введено Э. Рош.

Количественный аспект лингвистических семантических структур дополняет их традиционные качественные характеристики, а именно, значения слова и типы их связей. Количественные показатели указывают, все ли значения лексемы имеют одинаковый вес в ее структуре. В результате исследуются различные аспекты прототипичности. Говоря о том, что некоторая категория является когнитивно доминирующей, мы подчеркиваем вероятность того, что одна категория или форма скорее, чем другая используется для обозначения объектов действительности.

Несмотря на то, что большинство понятий естественного языка по своей природе являются размытыми, значение слова все же всегда может быть представлено как определенный для данного исторического момента устойчивый набор СК. Многие понятия естественного языка можно определить как референциально неопределенные, к которым полностью неприменимо какое-либо конкретное обозначение и которые представляют собой пограничные переходные случаи. Принцип диффузности значений многозначного слова является характерным свойством полисемии, решающим фактором, определяющим его семантику. Но и в этих случаях можно получить четкие нерасплывчатые толкования, состоящие из полностью дискретных определенных компонентов.

Подытоживая все вышесказанное, следует отметить, что обращение к прототипам не освободит исследователя от составления и разработки определений. Прототипы не «спасают» от строгого лексикографического исследования, но они могут помочь нам построить лучшие, более глубокие определения, ориентированные на человеческую концептуализацию реальности, которая отражена и воплощена в языке.

3.1.2. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЛЕНОВ ЛСП

Переходя к конкретному анализу лексической парадигмы, построенной по полевому принципу, отметим наблюдаемую корреляцию понятий «прототипы/объекты базисного уровня» и «гипероним/гипонимы», а также «инвариант/варианты». Исходя из идеи прототипичности, мы можем говорить о том, что высшим уровнем или прототипом категоризации в рассматриваемом материале мы можем считать оценку по силе. На первый план выдвигаются ощущения адресанта, которые и создают представление о категории как таковой. Таким образом, сама категория основана на прагматике — ощущении адресанта. Следовательно, оценка по силе является прототипом, который требует дальнейшей детализации на базисном уровне. Здесь наблюдается раздвоение,

Отформатировано:
Шрифт: полужирный

поляризация основного понятия в привычных и традиционных терминах таких как «сила» и «слабость». В эту бинарную оппозицию укладываются основные когнитивные представления о понятии оценки по силе.

Основной лингвистический интерес для нас имеют объекты подчиненного уровня, то есть собственно те лексемы, которые выражают понятия силы и слабости в романских языках. В представлении этих понятий необходимо также учитывать оценочность и эмоциональность, которые в структуре коннотации занимают главенствующее положение, поскольку именно в них сосредоточено субъективное отношение к явлениям действительности. Под оценочностью понимается заложенная в слове положительная или отрицательная характеристика. Эмоциональность — отраженное и закрепленное в семантике слова отношение, чувство говорящего к объекту речи. Прагматический фактор несет на себе основную нагрузку при определении, например, степени близости того или иного члена (гипонима) к основному понятию базисного уровня, выраженного одним словом (*fort, fortis, faible, debilis*)

При анализе конкретного материала мы исходим из полевого представления структуры объектов подчиненного уровня. Основные признаки поля, выделенные в результате рассмотрения объектов подчиненного уровня (гипонимов), складываются из семантических и прагматических компонентов. Причем первые и вторые тесно переплетены в семантике слова. Чисто денотативным (сигнификативным) или семантическим значениям сопутствуют субъективные: экспрессивные, эмоционально-оценочные, установочные и пр. Мы исходим из положения о том, что языковое значение прагматично в принципе, так как всегда связано с человеком и ориентировано на него. Обычно в компетенцию прагматики попадают те языковые элементы, у которых установочные компоненты доминируют над денотативными — слова типа *клуша, рохля*, или во французском *salaud, charogne*. Однако прагматический компонент может занимать в структуре слова как ядерное, так и периферийное положение.

Напомним, что прагматическая информация в словарной статье, по мнению Ю.Д. Апресяна, состоит из 3-х частей: отношению к действительности, к

содержанию сообщения и к адресату. Прагматический компонент в словаре может существовать в эксплицитной и имплицитной форме. Эксплицитная форма — непосредственное отношение субъекта и адресанта — выражается лексически экспрессивными и эмотивными словами (например, холодрыга, чернуха, видик) [8, с. 38]. Особый интерес для нас представляет имплицитная прагматическая информация. Она характеризует лексику, относящуюся к общечеловеческим полярным концептам, таким как «добро/зло», «красота/уродство». В нашем материале это прилагательные со значением «сильный/слабый», которые образуют лексико-семантические поля (ЛСП) с ярусной структурой, построенные по иерархическому принципу.

При анализе этих парадигм мы исходим из положения о том, что в ядерной центральной части поля группируются слова, у которых семантическая и прагматическая информация переплетена. В этих словах как бы сконцентрированы все возможности данного объединения. Так, гипероним ЛСП «Сильный», во французском языке -- fort, состоит из 12 СК, среди которых «мужественность», «решительность», «стойкость», «преувеличенность» представляют собой сплав семантики и прагматики.

Рассмотрение гипонимов ЛСП как в латинском, так и во французском языках свидетельствует о тенденции передвижения прагматических компонентов на центральное место в структуре слова по мере удаления слов от центра к периферии. Такое возрастание прагматики на периферии приводит к определенным устойчивым коннотациям некоторых членов поля. Например, у прилагательных lâche, mou, veule (вялый, мягкий, расслабленный) ЛСП «Faible» выходят на первое место прагматические значения «трусливый», «подлый», «инертный», «низкий», «презренный», «безвольный». Отрицательно маркированные значения «вялый», «ленивый», «трусливый», «неэнергичный» отмечены у членов латинского ЛСП «Infirmus», таких прилагательных как languidus, hebes, delumbis, enervis.

Также отрицательная коннотация прослеживается у некоторых периферийных членов французского ЛСП «Fort»; «жестокость» — dur, violent;

«грубость» — *gros, violent, lourd*. В то же время в аналогичном поле латинского языка «Fortis» не выявлено подобных признаков. Напротив, в качестве периферийных здесь фигурируют положительные СК: «верный, надежный» у *firmus, solidus, stabilis*; «важный, значительный» у *magnus, potens*, «важный, влиятельный» у *magnus, potens, acer, solidus*. Характерно, что семантическая информация настолько тесно переплетена с прагматической, что их трудно отделить друг от друга. В приведенных примерах, как и во многих других, прагматическая информация предстает как семантическая и находится в зоне семантики.

Положение о том, что прагматика, как и коннотация, чаще прослеживается на периферии подтверждается двояким принципом построения поля. Построенное по иерархическому принципу ЛСП, где его члены располагаются на ярусах ближе или дальше от центра в зависимости от степени их близости к ведущему слову — гиперониму, позволяет выявить дополнительные прагматические компоненты в основном на периферии, у наиболее удаленных от центра слов.

С другой стороны, поле может быть также построено как совокупность признаков. При этом его можно представить как объект базисного уровня, так как оно состоит из основных СК, которые составляют прототипическую категорию поля. И при таком подходе очевидна маргинальность прагматики. В количественном отношении прагматические СК также занимают периферийное положение. В ЛСП «Faible» это «незначительность», «бессилие» -- 6 членов из 22, «сложность» — только 3, «приятное» — также 3. В ЛСП «Infirmus» прагматические СК «вялый», «ленивый» зафиксированы лишь у пяти членов поля из 22-х, «слабый», «хрупкий морально» — у трех, а «бесплодный» -- у одного прилагательного.

Таким образом, наблюдается изоморфизм закономерности возникновения прагматики на периферии в структуре самого поля, также как и в структуре его членов. В данном случае мы можем с полным основанием говорить об изоморфизме части и целого, находящихся на разных уровнях структурной иерархии. Каждый член поля одновременно является и частью целого

объединения и его подобием как по принципу структурной организации, так и по тенденции возникновения прагматических компонентов.

Особенность поля, которая выражается в появлении у некоторых его членов прагматических значений, по-видимому, свидетельствует о связях данного объединения со смежными системными парадигмами, построенными по такому же принципу. В периферийных участках поля наиболее отчетливо прослеживается влияние соседних полей. Это как бы переходная зона, полоса взаимодействия и общего интереса, по меньшей мере, двух парадигм. Так, ЛСП «Слабый» в латинском языке приобретает на периферии значения «трусливый», «вялый», «ленивый», что говорит о его пересечении в этом участке с соответствующими полями.

ЛСП «Fort» во французском языке приобретает на периферии несколько дополнительных СК; «решительный», «жестокий», «грубый» и некоторые другие также с отрицательной коннотацией. Корреляция семантической структуры слова и строения ЛСП, где семантическая информация — ядерная, а прагматическая — периферийная, подтверждает положения, разработанные Ю.М. Лотманом. В своей работе «Понятие границы» он пишет: «ядро «нормально», оно просто существует... победа той или иной семиотической системы есть перемещение ее в центр и неизбежное «обесцвечивание» [135].

Наблюдается также нахождение членов с преобладающим семантическим значением в центре, а прагматически маркированных — на периферии. «Усиление интенсивности семиотических процессов в пограничной полосе... связано с тем, что именно здесь происходят постоянные вторжения в нее извне... пограничное пространство — место непрерывающегося диалога... здесь возникает постоянный обмен» [Там же, с.365]. Обмен значений на границе — двусторонний процесс относительного равновесия потерь и приобретений.

Симптоматично, что противоположные по значению объединения приобретают одинаковую тенденцию на периферии. Оба полярных понятия имеют негативно маркированную прагматику в наиболее удаленных от центра участках. Возникают и положительные коннотации на периферии

противоположных полей: «хрупкий» в ЛСП «Infirmus» в латинском языке, «приятный», «сложный» во французском ЛСП «Faible»; «важный», «влиятельный» в ЛСП «Fortis», «решительный», «исключительный» в ЛСП «Fort», но они носят менее регулярный характер и количественно уступают противоположным значениям.

Можно, следовательно, сделать вывод о том, что прослеживается очевидная параллель понятий «гиперним/гипонимы», «инвариант/варианты», «прототипы/объекты базисного уровня». Все эти понятия укладываются в идею иерархии или соподчинения. Несмотря на терминологические различия, концептуально мы имеем дело с одним явлением, к которому с разных позиций подходят разные исследователи: Дж. Лакофф и Э. Рош — с когнитологической, Б. Потье и Э. Косериу — с семасиологической, Р. Якобсон и Ю. Лотман — с общесемантической. В это же русло укладываются и количественные данные, которые, помимо уже указанных, привлекаются для подтверждения выбора того или иного наименования. Эти и подобные им совпадения в результате различных подходов к одному и тому же явлению подтверждают принцип множественности интерпретации, который становится все более ведущим в лингвистике последних лет. Многообразие, различие интерпретаций постепенно вытесняет принцип единственности оценки, господствовавший в науке о языке в предыдущие периоды ее развития. Интерпретируя одновременно по-разному один и тот же феномен и получая при этом одинаковые или близкие результаты, мы тем самым добиваемся большей достоверности в анализе, с большей степенью точности приближаемся к сути исследуемого.

Для всех рассмотренных подходов характерна общая типичная черта: преобладание целого над частью как в гносеологическом (онтологическом), так и в методологическом аспекте. Современное общее направление — это анализ парадигмы, как целого комплексного явления, с априорно заданными свойствами (гештальт, инвариант). Эти свойства затем переносятся на каждую из составляющих ее частей. Такой переход от общего к частному стал основным исследовательским приемом в лексико-семантических работах последних лет.

Прагматический фактор в организации и самоорганизации поля наиболее наглядно прослеживается в диахроническом аспекте. При эволюции поля от латыни к современному французскому языку именно прагматике принадлежит ведущая роль в подборе членов и их перераспределении. Превалирующие в определенную эпоху качества и ценности в жизни народа и общества по-своему преломляются и отражаются в языковом материале. Именно прагматика, открытая экстралингвистическому влиянию в наибольшей степени по сравнению с другими двумя аспектами слова -- семантикой и синтактикой -- в языке определяет выбор из обширного набора синонимических средств.

Этот выбор, как отражение коллективного сознания, полезно изучать и анализировать также и в преломлении к чисто языковым феноменам. В непосредственно лингвистическом плане сложнее проследить преимущества той или иной формы перед другими. Однако имеются определенные, апробированные многовековым опытом критерии, которые объясняют предпочтения с чисто языковых позиций. Это, например, длина слова, смысловая точность в передаче определенных СК, при этом часто предпочтение отдается метафорическому способу обозначения.

Если обратиться к классической работе Б.Потье «La sémantique», то наиболее важным в этой связи оказывается положение, что при обозначении конкретных, наиболее близких человеку и часто встречающихся объектов, субъект выбирает переносное значение, которое постепенно, в течение довольно длительного времени, вытесняет прямое номинативное. При этом обозначаемый объект получает двойное наименование – прямое и косвенное, свое и чужое. А одно слово обозначает два понятия: этимологически исходное и метафорически производное, но имеющие между собой сходство. Приведенный Б. Потье пример с головой и горшком, когда в результате замеченного сходства этих двух предметов, одно слово, tête, обозначает сразу два понятия, свое и чужое – яркий и убедительный тому пример.

Принцип метафоризации при обозначении головы человека известен всем, знающим французский язык. В качестве обозначения этой части тела фигурируют

названия посуды – *bol, théière, cafetière, carafe*, также фруктов, имеющих круглую форму: *pomme, poire, patate, coco, noix, cassis*. Здесь также можно отметить действие закона «иррадиации синонимов» (Шпербер), при котором метафорическое значение одного из слов синонимического ряда переносится на остальные слова этого ряда.

Гипо-гиперонимическая структура изучаемой лексики во многом сложилась под влиянием прагматических факторов. Мы выдвигаем тезис о том, что прагматическая установка является решающим фактором в развитии и становлении поля от латыни к современному французскому языку. Сопоставляя аналогичные ЛСП в латыни и французском языке, мы отмечаем в последнем появление у слов новых значений, а также — новых слов с прагматическим значением. Например, гиперонимы одноименных полей латинского и французского языков *fortis - fort* отличаются количеством СК. Причем у французского слова выделяются такие прагматические компоненты как «преувеличенность», «больше нормы», «влиятельность», «решительность», которых нет в семантической структуре *fortis*. Или же гипонимы *violentis/violent*, где у французского прилагательного прагматическими являются значения «преувеличенность», «больше нормы», «жестокость», «грубость».

На периферии французского ЛСП «Fort» появились слова с преобладающими прагматическими значениями, которые указывают, что в этом участке данное поле пересекается с другим. Так, прагматичные для данного поля СК гипонимов *courageux*, а именно: «решительность, стойкость», «исключительность» и *lourd*: «преувеличенность», «грубость» (однокоренных слов нет в составе одноименного латинского поля) определяют прежде всего семантику этих слов. Сами эти прилагательные — слова из соседних ЛСП, вошли в состав анализируемого поля благодаря своим прагматическим значениям.

Диахронный анализ свидетельствует и об обратных процессах. В современном французском языке мы наблюдаем потерю СК у ведущих слов по сравнению с латынью. Соответственно, происходит смещение, опускание на периферию некоторых слов, занимавших ведущие позиции в латинском поле.

Например, *infirmus* — гипероним латинского поля во французском языке становится периферийным. Однако общая тенденция — увеличение СК у однокоренных членов во французском — прослеживается при сопоставлении соответствующих прилагательных. У слов, зафиксированных латинскими словарями и сохранившихся во французском языке, таких, например, как *débile/debilis*, *impotent/impotent*, *fragile/fragilis*, *las/laxus*, *inerte/inermus* мы наблюдаем появление новых, в основном прагматичных СК.

В целом можно выделить основные закономерности построения поля латинского и французского языков. Центр ЛСП (гипероним и наиболее близко примыкающие к нему члены) представляют собой слова с преобладанием значений семантического плана, несущих основную информацию о данной парадигме. Нижние ярусы поля заполнены словами, в которых доминирует прагматическая информация. Преобладание прагматических компонентов на периферии свидетельствует о том, что этот участок испытывает влияние соседних парадигм вплоть до того, что некоторые слова относятся одновременно к нескольким ЛСП (*lâche, incertain* в ЛСП «Faible», *lourd, gros* в ЛСП «Fort»).

При сопоставлении аналогичных полей в латыни и в современном французском языке мы можем говорить о тенденции к изменению структуры поля. Происходит реструктуризация или нарушение относительной симметрии ЛСП. Это проявляется в неоднородности заполнения соответствующих ярусов, а также в перемещении прагматически маркированных членов поля вверх, ближе к центру во французских парадигмах. Отмечается в целом возрастание оценочности в составе французских полей, так как прагматически отмеченные слова чаще располагаются в ядерной зоне. Кроме того, само количество членов с преобладающим прагматическим значением в ЛСП французского языка больше, чем в соответствующих латинских.

3.2. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ И СИНКРЕТИЗМ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Одним из ярких проявлений иерархии в лексике является способность членов системно организованных парадигм, в частности ЛСП, к нейтрализации лексических противопоставлений и к образованию синкретичных форм. Нейтрализация и синкретизм представляют собой смежные явления, имеющие специфику на каждом языковом уровне. Н.С.Трубецкой, впервые описавший нейтрализацию в фонологии, наметил вопрос о ее обусловленности речевыми (линейными) и языковыми (структурными) факторами [179,с.238]. Дальнейшее развитие этого положения применительно к значимым единицам, в особенности на лексическом уровне, позволяет говорить о том, что снятие противопоставленности обусловлено парадигматическими и/или синтагматическими связями. Общее основание или общий набор дифференциальных признаков, необходимый для противопоставленности членов, создается самой парадигмой. В синтагматике, в речевой цепи в определенных условиях члены парадигмы утрачивают дифференциальные признаки, их оппозиция нейтрализуется. Лексико-семантическая нейтрализация, таким образом, определяется как снятие противопоставленности единиц языка в определенных контекстных условиях (в определенной позиции).

При рассмотрении нейтрализации членов ЛСП необходимо учитывать, что в поле наблюдаются все три типа оппозиций: привативные, градуальные и эквивалентные. Привативные оппозиции характеризуются неотмеченностью одного оппозиита (гиперонима) и отмеченностью другого (гипонима); основанием для их сравнения служит единый общий признак. Нейтрализация происходит благодаря снятию дифференциального признака у отмеченного члена оппозиции. Это парадигматическая нейтрализация, обусловленная языковой системой. Она осуществляется в определенной позиции в синтагматике, когда парадигматически противопоставленные члены имеют одинаковые сочетаемостные свойства (например, взаимодействуют с одной и той же семантической категорией объектов).

Общая дистрибутивная модель, то есть отсутствие синтагматической оппозиции, является одним из показателей близости значений, а, следовательно, и

условием нейтрализации. Однако нейтрализация может происходить не только в этих условиях. Так, например, противопоставление гиперонима и гипонима в рамках ЛСП в пределах единиц одного яруса (микрополя) становятся часто несущественными. Их системная оппозиция закреплена в словарных дефинициях. Общим основанием для сравнения является большой общий сектор значения.

Схематично это можно представить следующим образом (Цифрами обозначены значения по порядку их следования в дефинициях. Стрелки соединяют совпадающие значения, подчеркнуты несовпадающие.)

Основным условием нейтрализации в данном случае, следовательно, является отсутствие синтагматической оппозиции, в результате становятся несущественными, снимаются определенные дифференциальные признаки, а релевантными оказываются общие, совпадающие. Идентичная двусторонняя замена гипероним – гипоним возможна вследствие нейтрализации дифференциальных признаков обоих членов парадигматической оппозиции и реализации их общего значения, релевантного для обоих слов в данной позиции и в данном контексте.

Рассмотрим более подробно нейтрализацию и синкретизм в ЛСП прилагательных со значением «сильный» и «слабый» в современном французском языке. Как свидетельствует само название, нейтрализация состоит в снятии различий и, как результат, использовании одного слова вместо другого. В нашем материале нейтрализуются различия прилагательных, благодаря совпадению их значений. Наиболее очевиден этот процесс на примере гиперонимов. Faible, имеющий во французском языке прагматические значения «неспособный умственно», нейтрализует в этом значении несколько прилагательных. Это impotent, insuffisant, impuissant etc. То же происходит и с другими значениями гиперонима, такими как «бессилие», «отсутствие энергии», нейтрализующихся с

Отформатировано: Цвет шрифта: Авто, русский (Россия)

Отформатировано: Цвет шрифта: Авто, русский (Россия)

Отформатировано: Цвет шрифта: Авто, русский (Россия)

Отформатировано: Цвет шрифта: Авто, русский (Россия)

Отформатировано: Цвет шрифта: Авто, русский (Россия)

прилагательными *anémique, chétif, impuissant* etc. Нейтрализация прослеживается также и между рядовыми членами поля, гипонимами на основе общего сектора значений последних: СК «недостаток физической силы» приводит к нейтрализации *impotent/impuissant/anémique/chétif*.

Тот факт, что центр подвержен нейтрализации в большей степени, чем периферия -- еще одно свидетельство его монолитности, нерасщепленности его значения, которое как бы концентрируется вокруг гиперонима и его ближайшего окружения -- ядра. На периферии нейтрализация в принципе -- редкое явление, так как сама периферия пестра; она складывается из разнородных элементов -- пришельцев из других, смежных участков. Они не могут нейтрализоваться, как с центром, так и друг с другом, вследствие именно этой разнородности: у них практически нет общего основания, которое постепенно утрачивается по мере удаления от центра. Только те члены, которые поднялись наверх, уже отфильтрованы, и их дифференциальные признаки становятся достаточно часто несущественными. Именно у них появляется синкретичность, которая закрепляется на системном уровне.

Разрушение или нарушение этих устоявшихся в языке процессов приходит снизу, с периферии, которая, как пограничная область, представляет собой зону сбора и накопления чужеродных элементов. Их вторжение в структуру может остаться единичным, не влияющим на ее строение фактом, а может и внести изменения, привести к определенным перестройкам при более глубоком внедрении. Например, во французском ЛСП «Faible» прилагательное *petit* -- явно пришелец из другого поля, однако по количеству совпадающих СК с гиперонимом оказывается в ядерной зоне. Вполне естественно, что в его структуре доминируют прагматические значения, так как по основным интегральным признакам это прилагательное не может быть членом данной парадигмы.

То же самое наблюдается и в отношении grand ЛСП «Fort» . Оба эти прилагательные – *grand/petit*, по-видимому, гиперонимы более высокого уровня. Можно предположить, что поле «Grand» частично включает в свой состав, наряду с ЛСП «Fort» и другие объединения того же порядка, например, такие как ЛСП

«Large», ЛСП «Haut», ЛСП «Long» («Широкий», «Высокий», «Длинный» и пр.) Так же, как в поле «Petit» входят ЛСП «Etroit», «Bas», «Court» etc.(«Узкий», «Низкий». «Короткий»). Попадание как одного, так и другого прилагательного в наши ЛСП неслучайно, так как сами понятия сила и слабость основываются на соотношении «больше-меньше». Этот чисто физический параметр присутствует в значении парадигмы не только имплицитно, но и находит, как выясняется, эксплицитную форму выражения.

Нейтрализация привативных оппозиций, которые характеризуют отношения гипероним-гипоним, происходит вследствие наличия общего признака, или основания. Снятие дифференциального признака у отмеченного члена оппозиции системно закреплено. Это парадигматическая нейтрализация, по определению А.Мартине [139, с.96-108]. Например, гипероним fort и его ближайшие гипонимы puissant, robuste, solide, important etc взаимозаменяемы, так как общим основанием для сравнения является большой общий сектор значения. В словарных дефинициях мы видим взаимные отсылки у гиперонима к гипониму и vice versa. Это подтверждает факт системно устоявшейся нейтрализации или синкретизма по Мартине, то есть закрепления за одним означающим двух и более означаемых.

Ср. Fort... qui a de la force physique, puissant, résistant, robuste, solide, vigoureux... considérable par ses dimensions V Grand, gros, important, large. Puissant V .Fort, grand, profond, violent. Vigoureux.V. Fort, solide, robuste, puissant. Robuste.V.Fort, résistant, solide, ferme, vigoureux.

Как правило, нейтрализация распадается вместе с распадом контекста. Однако нередко случается, что полученное в результате нейтрализации новое значение становится употребительным и входит в систему языка. Здесь мы имеем дело не с процессом нейтрализации, а с его результатом, то есть синкретизмом. Следовательно, нейтрализация может привести к синкретизму – закреплению за одним означающим двух и более означаемых.

По определению Э. Косериу, синкретизм есть выражение перехода из области речи в систему и следствие закрепления там в единой форме двух и более значений [248, S.12]. А.Мартине, проводя границу между нейтрализацией и

синкретизмом, важным считал неосуществление сигнификативной функции при нейтрализации. В результате этого в данной позиции могут выступать оба члена оппозиции, что никак не влияет на смысл высказывания. Синкретизм, как результат парадигматической нейтрализации, приводит к образованию архиэлемента. Как показывает анализируемый материал, в целом ряде случаев эксплицитные оппозиции двух и более членов ЛСП fort/puissant, vigoureux, robuste; faible/impuissant, débile, insuffisant закреплены в единой форме гиперонима. Синкретичность их значений проявляется в идентичных или одинаковых окружениях.

Иерархический принцип организации ЛСП прослеживается на примере данного явления в том, что гипероним и ядерные члены занимают ведущее положение при нейтрализации дифференциальных признаков. Это обусловлено их значительным семантическим объемом. Основное направление нейтрализации -- от полисемичных слов к моносемичным -- ставит на первое место в этом процессе гипероним и наиболее близкие к нему гипонимы ЛСП. Нейтрализация эквиолентных оппозиций прослеживается на примере взаимозамены гипоним/гипоним. Будем при этом иметь в виду, что оппозиции в лексике являются, несомненно, семантическими и, в силу этого, они имеют более сложный характер, чем, например, в фонетике. На это обстоятельство указывает и Р. Барт в «Основах семиологии»: «Чтобы представить себе сложные оппозиции, можно прибегнуть к модели, выработанной в лингвистике и сводящейся к «сложной» альтернативе, или к оппозиции с четырьмя членами: два полярных члена (это или то), один смешанный(и это, и то), и один нейтральный (ни то, ни это)» [25, с. 153].

Именно смешанный тип нейтрализации и представлен в основном в нашем материале, состоящем из качественных прилагательных, имеющих общую денотативную отнесенность. Этот тип нейтрализации касается также в основном центральной, ядерной части поля, где нейтрализуются члены, находящиеся на одном или разных ярусах, в значениях которых есть взаимные отсылки, то есть указания на взаимозаменяемость. Ср. grand /important; solide/dur; violent/intense; débile/ délicat; incertain/ indécis.

Особенности нейтрализации рассмотренных слов обусловлены во многом их принадлежностью к предикатным знакам. Особый характер синонимии предикатов, базирующейся на близости сигнификатов, приводит к тому, что они различаются между собой оттенками значения, небольшим сдвигом в семантике, обозначая как бы то же, да не то. Следствием этого и является частая нейтрализация их противопоставлений, которой способствует близость их семантической структуры.

Явления нейтрализации и синкретизма можно рассматривать как яркое отражение постоянного стремления языка к адекватному способу выражения, поиск наиболее точных и выразительных средств для передачи определенного значения. Они иллюстрируют отклонение от взаимно однозначного соответствия формы и содержания, так как одно означаемое воплощается разными средствами более, чем в одном означающем, что рассматривается как проявление асимметрии языкового знака.

Наиболее важной для нас является нейтрализация по прагматическим параметрам. Система вторичных смыслов (у Р.Барта - - коннотация, вторичные, названные им паразитическими, по отношению к языку смыслами) представляет собой систему особого рода. Эта вторичная система сама является «языком». После того, как семиологический знак возник, общество вновь может превратить его в функциональный предмет или повторно «функционализировать». Эта новая «функционализация» предмета возможна только при наличии соответствующего вторичного языка. Таким языком и является, по нашему мнению, прагматика. Р.Барт подчеркивает, что новая функционализация совершенно не тождественна первой: возникающая функция соответствует вторичному семантическому установлению, относящемуся к области коннотации [Там же, с.131-132].

Дальнейшие рассуждения Р.Барта о природе возникновения коннотации проясняют процесс, назовем ее вторичной или прагматической, нейтрализации в нашем исследовании. Первичная знаковая система, состоящая из плана выражения (E), плана содержания (C) и отношения между ними (R) - (ERC) может выступать в роли простого элемента вторичной системы, которую Л. Ельмслев

называл коннотативной семиотикой. Первая система представляет собой денотативный план, а вторая -- коннотативный. У этой второй системы план выражения сам является знаковой системой (естественный язык). Коннотативная семиотика, будучи сама системой, включает в себя означающие (E), означаемые (C) и процесс, который их объединяет, он же - значение (R). Означающие в коннотативной семиотике (Р.Барт называет их коннотаторами) являются знаками (то есть единством означающих и означаемых) в денотативной системе.

Отсюда делается весьма важный вывод о том, что, как нетрудно понять, несколько знаков денотативной системы могут в совокупности образовывать один коннотатор, в случае, если они отсылают к одному и тому же коннотативному означаемому. Иначе говоря, единицы коннотируемой системы могут иметь другую величину, нежели единицы денотативной системы [25, с.115].

Если применить данное положение к нашему материалу, то мы наблюдаем как одно и то же прагматическое (вторичное, коннотативное) значение, например, такой коннотатор как « решительность, стойкость», передается несколькими знаками денотативной системы ЛСП «Fort». Это, прежде всего, гипероним fort и другие гипонимы ferme, vigoureux, solide, énergique, а также и периферийные члены courageux, agissant. Если обратиться к ЛСП «Faible», то коннотатор «отсутствие моральной силы» связан со значениями прилагательных faible, impotent, impuissant, apathique, débile, las, incertain, indécis, inerte, lâche, mou, veule. В данном случае 12 означающих образуют один коннотатор.

Таким образом, единицы коннотируемой системы включают в себя множество единиц денотативной системы. Это множество может колебаться от двух до десятков, что подтверждает следующее предположение Р.Барта о том, что « каким бы способом коннотация не «накладывалась» на денотацию, она не может исчерпать ее полностью, денотативных означаемых всегда больше, чем коннотативных.» [Там же, с.120]

Нейтрализация по прагматическим параметрам представляет собой безотносительное употребление того или иного слова, совпадающего в одном, а часто и более, значениях, которое мы относим к прагматическому или

коннотативному в терминологии Р.Барта. Речь идет в данном случае о системно закрепленной нейтрализации, которая отражена в словарных дефинициях и называется синкретизмом: закреплением за одним означающим - коннотатором - двух и более означаемых – знаков денотативной системы. Синкретизм предполагает безразличное употребление той или иной формы для передачи данного прагматического значения. Следствием этого является нарушение основного принципа построения поля: противопоставления гиперонима и гипонимов.

Когда одно прагматическое значение может быть выражено формой нескольких слов (в ЛСП «Faible», например, значение «отсутствие моральной силы, энергии» выражается 13-14 прилагательными, начиная от гиперонима и кончая периферийными *lâche, mou, veule, languissant*) становится несущественным основной закон организации поля -- иерархия или соподчинение. Безразличное употребление гиперонима, ведущего или периферийного члена ЛСП для передачи какого-либо значения приводит к разрушению парадигмы.

ЛСП становится необязательным (факультативным) построением для целей прагматики структуры. В этом случае мы имеем дело с трансформирующим фактором прагматики. Трансформация парадигмы может принимать форму ее разрушения или перестройки в другую парадигму. Это именно то состояние системы, которое она испытывает, достигнув точки бифуркации. Ее поведение в этой точке становится непредсказуемым. Возможно разрушение или переход на более высокий уровень: создание более организованной и совершенной диссипативной структуры. Роль разрушающего и одновременно созидющего хаоса в нашей структуре играет прагматика.

Какова может быть конфигурация новой парадигмы? Достигая определенной точки бифуркации дальнейшее развитие системы может привести к уровню диссипативной структуры, что, вероятно, имело место в современных романских языках, развившихся из латыни. При сопоставлении аналогичных структур в латыни и современном французском языке очевиден факт усложнения самой конфигурации французской парадигмы. Одновременно более

специализированным, расчлененным становится структура значения каждого ее члена. Изоморфизм строения всего поля и каждого его члена очевиден.

3.3. МЕХАНИЗМ ВЗАИМООБРАТИМОСТИ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ

Вопрос о взаимоотношении семантики и прагматики в лексике, в результате которого происходит их обоюдное проникновение и взаимопереход, вызывает много дискуссий, так как затрагивает ключевые проблемы не только семасиологии, но и общей теории языка.

Взаимодействие семантики и прагматики может, в частности, проявляться через коннотацию как метафоризация и выбор. Креативные свойства прагматики наиболее ярко манифестирует коннотация, которая является одним из самых действенных ее механизмов и элементов. Прагматические значения, которые выражаются в синкретизме, делают несущественным закон организации парадигмы, в частности, структуриации, на которой основывается принцип поля (ЛСП). Прагматика приводит к нарушению иерархии или соподчинения, то есть в идеале взаимно-однозначного соответствия знака значению.

В синтагматике этот принцип нарушается достаточно часто, что наглядно прослеживается в речевых употреблениях, в языковой действительности. Специфика гиперо-гипонимических отношений на уровне контекста заключается в определенной свободе функционирования иерархически возвышающихся и подчиненных членов ЛСП. Определенные сдвиги в значениях как рядовых, так и ведущих членов поля под влиянием контекста приводят к тому, что они могут выступать в речи в несвойственных им функциях. Нередко иерархически возвышающееся слово утрачивает свое господствующее положение и уравнивается в контексте с рядовым членом поля. В свою очередь, гипоним может приобретать статус обобщающего понятия.

Подобные явления, разумеется, связаны со сложным влиянием контекста на парадигматическое значение слова, в результате которого смысл слова в речи может в той или иной степени выходить за рамки системного значения. Однако основа этого процесса глубинная, парадигматическая. Именно на семантическом

уровне, на уровне формирования значения прагматика (или коннотация по Р.Барту) охватывает множество – от двух и более -- единиц денотативной системы для передачи одного прагматического значения.

Взаимозаменяемость слов в употреблении не является произвольной, она подчинена, как было показано выше в параграфе «Нейтрализация и синкретизм в лексической парадигме», семантическим правилам совпадения общего сектора значения. Прагматика – амбивалентный процесс, приводящий к разрушению парадигмы, но, одновременно с разрушением, возникает и новая структура. Разрушительно-созидающая роль прагматики, в конечном счете, воплощается в семантике, в появлении новых значений, приводящих к перестройке парадигмы.

Выступая в качестве величины производной от языка и культурного коллектива, прагматика приводит в процессе длительного исторического развития к перестройке исходной структуры. Как уже было указано выше, мы рассматриваем латинские и французские ЛСП как два этапа развития парадигмы, как две структуры: исходную и диссипативную. ЛСП современного французского языка на данном историческом этапе представляет собой стабильную, относительно завершённую парадигму, которая со временем также будет изменена.

Для осмысления роли прагматики, механизма ее порождения, развития и функционирования следует обратиться к коннотации. Этимология этого слова – *connotatio* – объясняется как «дополнительное значение». Одна из разновидностей коннотации – оценочная модальность. Многие ученые рассматривают коннотацию как особого рода надстройку над предметно-логическим содержанием, совмещающую оценочную, эмотивную, экспрессивную и стилистическую функции (См.265). Под коннотацией, по мнению наиболее авторитетных ее исследователей, принято понимать оценочные и семантические созначения, как правило, не зафиксированные в лексикографических источниках [25; 107;250; 312].

Эти семантические созначения являются постоянными смысловыми ассоциациями с положительным или отрицательным оценочным фоном. Они существуют на периферии семантической структуры слова и часто являются

имплицитными. Коннотация довольно сложно идентифицируется в связи с особенностями ее обнаружения. Она наиболее явно манифестируется в устойчивых компаративных структурах, отражающих постоянные признаки предметов, напр.: *dur, solide comme un roc; lourd comme un boeuf*. Некоторые оценочные положительные или отрицательные коннотации со временем переходят в статус денотативных сем.

Коннотация связана с символизацией (см. об этом подробнее в следующем параграфе), так как и то и другое явление основано на ассоциациях. Как явление психологического плана ассоциация имеет языковое выражение, которое может называться оттенком значения, созначением, оценочным или эмоциональным значением. Все это также рассматривают как коннотацию, коннотативное значение или созначение.

Например, языковое конкретное воплощение понятия «сильный» символизируют бык, медведь, лев и пр., связанные также с понятием «большой». Также понятие «слабый» сопрягается с «малый» (в частности, зверь, в переносном значении человек). Коннотативное значение «сильный» присутствует в наименовании «бык», а значение «сильный» (шире «большой») имеет конкретное символическое воплощение, например, в образе быка.

В свою очередь, коннотациями прилагательного сильный будут «значимый», «влиятельный», «энергичный» и др. Слабый ассоциируется с ничтожным, вялым, ленивым, хитрым. Так, характерным является противопоставление во французском эпосе лиса и льва, лиса и волка как воплощения хитрости – оружия слабого и силы. Причем сила может быть маркирована как положительно, в случае со львом, так и отрицательно у волка.

Амбивалентность обоих понятий отражена и в языке в коннотативных значениях. В значении «сильный» есть созначения «грубый», «жестокий», а «слабый» имеет коннотацию «приятный», «деликатный». Через оценку происходит разграничение, причем сильный соотносится с длинным, глубоким, прочным, высоким, большим и, в конечном счете, входит, вместе с ними, в наиболее обобщающее понятие «хороший» (*bon*). И, напротив, слабый ассоциируется с коротким, мелким, низким, хрупким, малым и входит в

парадигму с обобщающим значением «плохой» (mauvais). Оценочная коннотация, следовательно, имеет символическое значение.

Символизирующая способность исследуемой лексики обычно манифестируется в наличии эмоциональных и семантических оттенков или ассоциаций. Как отмечает В.В. Виноградов, важнейшей отличительной чертой символа является его способность устойчиво присоединять к обиходным словам психологические ассоциации [53,с.91-138]. Эти ассоциации, смысловые или оценочные, рассматриваются в языке как коннотативные значения (созначения). Они манифестируются по-разному, проходя путь от зарождения до исчезновения.

Возникновение коннотации происходит тогда, когда есть прагматическая установка, а вследствие этого отмечаются определенные ассоциации с каким-то словом. В языке эти ассоциации закрепляются в виде устойчивых сравнений – огромный, как гора, твердый, как камень, или образных конструкций – он – трактор. Кроме того, фразеологизмы и метафоры с рассматриваемыми прилагательными (fort et faible) способствуют порождению постоянных представлений о них.

Напр., fort et ferme-твердо, непоколебимо, несокрушимо,

у aller fort -- заходить слишком далеко, зарываться(здесь отрицательная коннотация),

droit (loi) du plus fort – la raison du plus fort est toujours la meilleure - право сильного

Avoir un faible pour qn- питать слабость, благоволить (положительная коннотация),

Prendre qn par son faible- задеть слабую струну, нащупать слабое место.

Le point faible -- слабое место.

Le sexe faible – слабый пол

C'est une tête faible (отрицательная коннотация) – слабая голова.

Ассоциации слова имеют тенденцию становиться постоянной составляющей лексического значения. В большинстве исследований чаще всего употребляются термины «семантические и эмоциональные созначения слов»,

которые, в свою очередь, основываются на развитии базового значения (интегральных и дифференциальных семах) и потенциальных семах.

Большинство семантических и эмоциональных созначений основывается на потенциальных признаках (семах). Эти семы развиваются и превращаются в постоянную ассоциацию в силу ряда факторов (например, влияние другого языка или языков), в том числе и экстралингвистических (природно-географические условия жизни, исторические традиции, социальные и культурные приоритеты или запреты и т.д.). Некоторые из этих факторов порождения коннотаций являются постоянными, так как действуют на всем протяжении развития слов. Другие же связаны с определенными историческими условиями, то есть носят временный характер. Взаимовлияние этих и множества других механизмов создает богатую палитру как семантических, так и эмоциональных созначений и их динамику.

Примером в русском языке может служить слово *коммерсант*, долгое время имевшее отрицательную коннотацию, но изменившее ее в последнее время на противоположную, чему свидетельство – название одноименной газеты. Во французском языке слово *aristocrate* на протяжении ряда веков произносилось с почтением. В эпоху же Великой французской революции оно стало клеймящим ярлыком и приводило его обладателей на гильотину. Достаточно вспомнить припев популярной в то время революционной песни: «...les aristocrates à la lanterne...les aristocrates , on les pendra». В современном языке *aristocrate* имеет достаточно широкий спектр созначений от уважительного, иногда с оттенком снобистского восхищения, до пренебрежительно-уничижительного, особенно в определенных молодежных кругах.

Коннотация – явление динамичное, прежде всего потому, что в процессе исторического развития устойчивые на данном этапе созначения слова могут измениться. Оценочный фон любой лексики наиболее быстро реагирует на влияние экстралингвистических факторов. При этом возможны следующие случаи эволюции коннотации:

1.приобретение оценочно-нейтральной лексемой определенного созначения, как со знаком +, так и -;

2. переход положительной коннотации в отрицательную и наоборот;

3. утрата коннотативного значения, сопровождавшего слово на протяжении определенного периода. В последнем случае возможны два варианта: а) переход коннотации в денотацию; в) просто потеря коннотативного значения.

Динамика семантических созначений отражается, в первую очередь, в переходе смысловых коннотаций из области ассоциаций в языковую действительность. Особым видом динамики можно считать тот случай, когда постоянная ассоциация меняет свое лексическое воплощение. В этом случае слова, передающие определенное понятие и выступающие как его символическое выражение заменяются другими. Символом скорости, быстроты долгое время была птица, замененная самолетом, затем – ракетой. Сила ассоциировалась с зоонимами медведь, бык, слон, впоследствии – с техникой: танком, трактором, самосвалом. Результатом такого движения будет новый или видоизмененный ассоциативный ряд.

Итак, прагматика посредством своих многочисленных механизмов – коннотации, символов, фразеологизмов, метафоры и пр. – влияет на семантику, часто до такой степени, что приводит к ее преобразованиям. Это те случаи, когда периферийные созначения, ассоциации, эмоционально-оценочные компоненты, в силу постоянства их присутствия на протяжении определенного отрезка времени, становятся неотъемлемыми составляющими значения.

Эти компоненты имеют тенденцию подниматься вверх, приближаться к семантическому ядру и со временем преобразовываться. В этом случае налицо превращение прагматики в семантику, когда бывшие периферийные созначения становятся полноценными смысловыми составляющими, семами. Существует и обратный процесс. Семантика нередко становится прагматикой в том случае, когда наблюдается процесс утраты одного из нескольких значений полисемичного слова. Значение не может исчезнуть сразу и бесследно, оно постепенно ослабевает, теряет употребительность, то есть фактически перемещается из центра на периферию языковой структуры.

Например, в современном французском языке у глагола *étonner* отсутствует этимологическое значение «*ébranler par un coup de tonnerre*», также

как и первичное значение «voir dans les songes» в семантике глагола *gêver*. Однако этимологическое значение *étonner* можно восстановить благодаря эпидигматическим связям, ср., *tonner*, *tonnerge* и этимологическому анализу. Такие бывшие основные компоненты значения могут преобразовываться на периферии в первую очередь под влиянием соседних слов. В любом случае, они попадают в область, подверженную множеству влияний, где возможны самые разнообразные трансформации.

Таким образом, механизм взаимодействия семантики и прагматики можно схематично представить как движение снизу вверх – превращение прагматики в семантику, и, наоборот -- сверху вниз. Во втором случае семантические компоненты, исчезая, спускаются вниз, в пограничную область, где трансформируются, по большей части именно в прагматику. В этом колебательном процессе мены верха и низа протекает функционирование системы. Такое движение является основой ее существования и постепенного превращения, разрушения и создания новых элементов, возникающих в ее недрах.

Не будем забывать о том, что прилагательное, в особенности качественное прилагательное, прагматично по своей природе. Оценка, содержащаяся в его значении, и есть свойство, которое приписывает ему говорящий субъект. Прагматика здесь, по определению Ю.Д.Апресяна, впрессована в семантику, просто неотделима от нее.

На двух срезах, латинском и французском ЛСП, можно проследить утрату некоторых семантических значений (сем) в латыни – их не будет во французском языке. С другой стороны, некоторые новые приобретенные значения французских прилагательных могут рассматриваться как трансформированные латинские бывшие семантические, затем прагматические компоненты. Возможно, их появление связано вначале с потерей, а затем, через определенный промежуток времени, с возвращением в видоизмененном облике. Во французской лексикологии существует понятие «les emprunts «aller-retour», дословно, заимствования «туда-обратно», где речь идет об исчезновении исконного слова, которое, с течением времени, возвращается в родной язык с измененной морфологической и семантической структурой. Напр., *humour*, английское

заимствование, является производным от французского *humeur*. Можно предположить, что подобное происходит и со значениями слова, которые уходят, чтобы вновь появиться позднее в новом виде.

Как правило, новые значения французских прилагательных, однокоренных с латинскими, связаны с развитием слова, появлением или присоединением чего-то нового, не бывшего раньше в семантике. Это новое, в частности, может прийти не только со стороны или сверху, но и снизу, по нашей гипотезе, из прагматики. Если обратиться к конкретному материалу, то, например, латинское *fortis* состоит из семи СК, в то время как французское *fort* уже из двенадцати, среди которых такие, как «интеллект», «сила», «знание»; «влиятельность», «преувеличенность, больше нормы». Также объем значения французского *violent* значительно превышает латинское *violentis* (*violentus,violens*): у первого девять СК, у второго – только три. Но отмечаются и противоположные явления: латинское *solidus* имеет значение «верный, надежный (о людях)», которого нет во французском *solide*. *Impotent* (lat.) имеет четыре СК, французский аналог – только один, утрачены во французском языке значения «слабый морально», «хрупкий физически», «незначительный (о вещах)».

Прагматика размывает структуру. Любое сколько-нибудь четкое построение, основанное на принципе вычленения и структуризации некоего участка лексики по определенным признакам, оказывается достаточно неопределенным, когда в дело вступают факторы прагматики. Эти факторы многочисленны, к ним относятся коннотативные значения, переносы, основанные на метафоре, а также символические употребления, обусловленные в основном субъектной отнесенностью. Согласно выдвинутой нами гипотезе семантика видоизменяется через прагматику. Проведенный анализ показывает, что это верно как в отношении внутрисловного изменения и развития, так и в плане видоизменения и, в конечном счете, разрушения того построения, ЛСП, которое основывается на четких критериях, таких, как иерархия, понятия «центр- периферия», взаимно-однозначное соответствие.

Согласно определению А.Вежбицкой, что прагматика по сути тоже семантика, но особая, и слово, и объединение, состоящее из близких по значению

слов, оказываются размытыми этим вторжением извне «другой семантики» [48]. Интенции говорящего субъекта приносят то, что дополняет, изменяет, иногда вступает в противоречие с устоявшимся, закрепленным за словом значением.

На уровне парадигмы (например, ЛСП), при более детальном рассмотрении наблюдается ее диффузность, нечеткость границ, делающих поле достаточно условным образованием. Подобные образования существуют постольку, поскольку они облегчают наше видение, представление неуловимой картины функционирования сложнейшего живого организма с его непрерывностью постоянства и изменений.

Диффузность пронизывает ЛСП, начиная с наиболее устойчивой и стабильной его части, ядра. Так, уже в центре поля в его состав входят слова, в семантической структуре которых отображен синкретизм основного понятия и другого понятия, что ведет к пересечению ядерной части ЛСП с другим ЛСП. Например, в самом центре ЛСП «Fort», в его ядерной части находится прилагательное *grand*, относящееся к парадигме более высокого уровня, включающей и данную. Таково же положение прилагательного *petit* в ЛСП «Faible».

Диффузности ядра поля способствует также и полисемия слов, значения которых формируют его центр, что приводит к пересечению ядерной части ЛСП с другими ЛСП. В составе значений таких полисемичных слов и обнаруживается прагматика, или «другая семантика», приводящая к размыванию границ поля. В ЛСП «Fort» это, например, прилагательное *violent* (со знаком -) и *courageux* (+), несущие прагматические для данного поля значения «жестокость», «грубость» у первого и «решительность», «исключительность» у второго. Эти же значения можно рассматривать как их основные семантические, если учесть, что они одновременно входят в другие парадигмы, пересекающиеся в этих точках с данными ЛСП. Следовательно, диффузность структуры поля отмечается даже в его центральной части – ядре, в котором сосредоточены основные значения о категории поля.

Если же рассмотреть периферию, то совершенно очевидно, что по мере удаления от центра возрастает количественно и качественно удельный вес

отклонений от основных значений. Постепенное ослабление связей с центром проявляется на внутрисловном уровне. Вполне естественно, что дальше от ядра располагаются гипонимы, семный состав которых значительно отличается от набора СК, воплощающих идею поля. Это очевидное свойство периферийных членов ЛСП дополняется внешними факторами. К главным из них относится влияние пограничной зоны, в которой пересекаются и сталкиваются значения, относящиеся к различным и даже разноуровневым парадигмам.

Прагматические значения многих прилагательных в латинских и во французских ЛСП, которые мы обозначаем как положительную или отрицательную коннотацию, не что иное, как семантическое «заражение», идущее от соседних участков. С другой стороны, возникающие уже в ядерной зоне несвойственные для ЛСП значения и коннотации очевидно обязаны своим появлением вхождению данного объединения в другое, более крупное. Эта иерархически возвышающаяся парадигма не только подчиняет себе рассматриваемую, как одну из своих составных частей, но и также обменивается с ней своими элементами и значениями.

Неслучайно поэтому в составе латинского ЛСП «Fortis» прилагательное *magnus*. Положительно маркированное, оно занимает ближайшее к гиперониму место и имеет значение «важный», «влиятельный (о человеке)», а также «благородный»: «souvent avec idée accessoire de force, de puissance, de noblesse... ce qui fait de *magnus* une épithète honorifique et laudatif de la langue «noble»... *magnus* s'emploie en parlant des mesures, poids, quantités, prix (*magnum numerum frumenti*)» (L. Quicherat et A. Daveluy. Dictionnaire latin-français, p 93). Такие дополнительные значения указывают со всей очевидностью на то, что *magnus*, входя далеко не в полном своем семантическом объеме в рассматриваемое ЛСП, занимает значительно более высокое положение в иерархии парадигм, в составе которой ЛСП «Fortis» – лишь одна из частей.

Подобные материальные обмены составляют важнейший аспект взаимодействия парадигм, приводящий к их взаимопроникновению, диффузности и разрушению.

3.4. К ВОПРОСУ О КОННОТАЦИИ

Возвращаясь к понятию и особенностям коннотации, затронутым ранее в параграфе «Механизм взаимобратимости семантики и прагматики», рассмотрим более подробно это явление

Сам термин «коннотация» был заимствован из схоластической логики английским ученым Дж. Миллем, который понимал под коннотатом «совокупность признаков или свойств, общих для обозначаемых объектов и вызываемых в памяти человека соответствующим именем» [150, с.54; 318]. Коннотация представляет все характеристики концепта и делится на: а) необходимую, включающую все, что обязательно для идентификации концепта, б) имплицитную, где представлено все, что следует из того, что выражено, в) субъективную, куда входит все, что индивид или группа индивидов связывает с концептом; эти элементы вызываются в представлении, но не являются необходимыми для идентификации и не могут быть выведены логически, исходя из необходимых элементов [327, р. 64].

Роль и значение коннотации в теории лингвистики на разных этапах претерпевали значительные изменения. В XX веке о коннотации говорится и пишется много в аспекте ее взаимосвязи с общесемиотическими и когнитологическими подходами. «Будущее, без сомнения, за коннотативной лингвистикой, так как общество бесконечно создает из первичной системы, которой его снабжает человеческий язык, системы вторичного порядка и такая обработка, то замаскированная, рационализированная, то выставленная напоказ, очень сильно соприкасается с истинной исторической антропологией» [25, с.131]. Эти мысли Р. Барта перекликаются с размышлениями Л.Г. Юнга об архетипах как мифообразующих структурных элементах, которые более или менее адекватно выражают себя посредством метафор, сравнений, но никогда до конца этим не исчерпываются [213, с.88].

О коннотации как особом языке косвенных значений, доносящем до слушателя не высказанные прямо смыслы, пишет Ж.Женетт «... факты письма

суть средства коннотации, поскольку в них помимо буквального смысла – зачастую слабого и малозначительного – проявляется некоторая позиция, выбор, интенция» [91, т.1, с. 195]. Продолжая линию Р.Барта, Ж. Женетт указывает, что коннотации свойственно надстраиваться над (или же под) первичным значением, причем надстраиваться со сдвигом, используя первичный смысл как форму для обозначения вторичного понятия. «Коннотация возникает при денотации не просто как добавочное значение или дополнительный смысл, но как значение производное, целиком обеспечиваемое способом денотации. Коннотация тем самым выступает лишь одним из аспектов экземплификации, который покрывает собой все экстраденотативные значения, и, следовательно, все стилистические эффекты» [91, т.2, с.425].

В слове, как в отражении коллективной памяти носителей языка, несомненно, отражены факторы культурной традиции, в числе которых ролевые и социально-символические особенности, традиционные образы, сравнения, символические употребления определенных денотатов и т.д. Здесь можно выделить сущности двух типов -- концептуальные и ассоциативные факторы, характеризующие соположение понятия и некоторые культурные позиции. Напр., отец ассоциируется с представлением об опеке, защите и т.д., что отображает ролевые факторы, детерминирующие символизацию и, соответственно, стереотипизацию.

К наиболее бесспорным проявлениям коннотативной семантики в языковой сущности можно отнести слова, выступающие во вторичной для них функции номинации, а также фразеологизмы, обладающие предикативно-характеризующим типом значения: «тертый калач» – опытный, бывалый. Здесь слова выступают во вторичной функции номинации, и фразеологизм характеризует объект, оценивая его. Смысловая двуплановость значения, осознаваемая или нет говорящим, дополняется еще одним типом информации, который и составляет понятие коннотации – это сведение о том, что субъект считает приятным, добром или вредным, злом.

Нерасчлененность эмотивного эффекта коннотации, так или иначе связанного с семантическим аспектом слова, и стилистического эффекта, сопряженного с социальными установками речевых актов и типами общения, значительно усложняет ее идентификацию. С семиологической точки зрения, коннотативное значение – это первоэлемент некоего кода, звучание голоса, вплетающегося в текст. Продолжая музыкальную аналогию, можно сравнить парадигму, построенную по принципу учета денотации и коннотации (шире, семантики и прагматики) с контрапунктом. Основа такого сравнения покоится на определении контрапункта как типа многоголосия, соединения мелодий. Полифония звучания создает объемность, эффект одновременного расширения, углубления пространства музыкальной материи.

Язык звучит полифонически для умеющего услышать его одновременно возникающее многоголосие смыслов, созначений, оттенков, называемых по-разному: смысловое значение и аффективно-экспрессивное, стилистическое созначение, сводимые, по-видимому, к двум наиболее родовым понятиям: денотация и коннотация. Взаимодействие этих двух составляющих прослеживается не только и даже не столько в синтагматике, как в парадигматике. Синтагматическое употребление, речь призвана по определению снимать многозначность, присутствующую потенциально в любом слове, включая и служебные. Однако в поэзии, особенно в творчестве символистов, которые ставили на первое место музыкальное звучание слова, оно обретает особую свободу, играя всеми своими гранями. Здесь раскрывается подлинный смысл слова, который есть соединение в одной единице значительно большего, чем одно отдельно взятое значение.

Возьмем для примера одно из стихотворений А.Блока 1914 года, его символического периода:

Была ты всех ярче, верней и прелестней,

Не кляни же меня, не кляни!

Мой поезд летит, как цыганская песня,

Как те невозвратные дни...

Что это за поезд? Это и конкретное транспортное средство, уносящее поэта от любимой, и символ пронсящейся жизни, и образ пленительный («как цыганская песня»), но, одновременно, зловещий, разрушающий. Об этом – во второй строфе стихотворения:

Что было любимо – все мимо, мимо...

Впереди – неизвестность пути...

Благословенно, неизгладимо,

Невозвратимо ... прости!

Так же неожиданно зазвучало слово *mort*, смерть у Ш. Бодлера:

O Mort, vieux capitaine, il est temps! Levons l'encre!

Ce pays nous ennuie, o Mort! Appareillons!

(Charles Baudelaire. Les Fleurs du Mal et autres poèmes. La Mort.

Garnier-Flammarion, Paris 1964, p.155)

Смерть! Старый капитан! Пора! Поднимем якорь!

(Пер. М.Цветаевой)

Поэт неоднократно пишет слово « смерть» с заглавной буквы, как имя собственное. Изменено его основное значение, обычными коннотациями которого являются старуха, безносый скелет с косой, но никак не старый капитан. Эти и подобные им поэтические коннотации не возникают как исключительно плод творческой фантазии творца, их основа заложена в системе значений и может быть из нее извлечена при тщательном лингвистическом анализе произведения.

О соотношении денотации и коннотации писалось и дискутировалось много, начиная с Л.Ельмслева.. Его положение о том, что коннотативная семиотика в качестве плана выражения использует денотативную находит продолжение в теории Р.Барта о системе вторичных смыслов, т.е. коннотации. Вторичная система или язык использует знак, который вновь превращает в функциональный предмет. Возникающая функция соответствует вторичному

семантическому установлению, относящемуся к области коннотации [25, с.131-132].

Анализируя природу возникновения коннотации, Р.Барт рассматривает процесс взаимодействия первичной знаковой системы (план выражения, план содержания и отношение между ними) и вторичной системы, которую Л.Ельмслев называл коннотативной семиотикой. У этой второй системы план выражения сам является знаковой системой (естественный язык). Означающие или коннотаторы, по терминологии Р.Барта, являются знаками (то есть единством означающих и означаемых) в денотативной системе. Таким образом, единицы коннотативной системы включают в себя множество единиц денотативной системы, и «каким бы способом коннотация не «накладывалась» на денотацию, она не может исчерпать ее полностью, денотативных означаемых всегда больше, чем коннотативных» [там же, с.120].

Следует учитывать также тот факт, что, как правило, знак обозначает нечто большее, чем одно в связи с деятельностью интерпретации, необходимой для выявления содержания определенного выражения. В принципе, любое слово всегда открыто для нового значения, так как в нем содержатся многочисленные, часто противоречивые коннотации. Приведем известный, но достаточно яркий пример с собакой, которая лает, истекает слюной, может быть бешеной, из чего следует ее коннотация «презренного животного». В то же время, собаке приписываются такие качества как преданность, ум, обаяние (ср. французское *Il(elle) a du chien*).

Как указывает У.Эко, «Всякое лингвистическое выражение несет в себе описание фактов, а эти факты могут стать знаком чего-то другого через сложные механизмы инференции» [268, р.204]. И далее «Такова природа эстетического воздействия сообщения, которое живет и процветает в постоянном сравнении означающего и означаемого, денотации и коннотации, прямого и переносного значения и всех их вместе взятых – с физическими явлениями, которые их приносят (*véhiculent*)» [268, р.209]. (Перевод наш, Г.Б.)

Коннотация тесно связана с явлением символизации, что вызывает необходимость обратиться к понятию «символ» и его различным толкованиям. Этимология греческого *symbolon* – первоначальное обозначение палки, которую хозяин и гость разламывали, сохраняя каждый свою половину. По этому предмету они сами или их потомки узнавали друг друга, это и был символ гостеприимства. Таким образом, символ, с момента зарождения, был конкретным знаком абстрактного понятия. [260, p.1146]. В наиболее общем смысле символ обозначает образ (картину) или знак, служащий для представления определенного предмета.

В Средние Века, в особенности в учении и практике алхимии, символы обладали значительно большей силой представления, чем слово. Как представление эзотерической и метафизической природы символы были эффективным инструментом особой философии того или иного вещества. Трактаты алхимиков систематически иллюстрировались великолепными аллегорическими гравюрами, которые во многих случаях заменяли текст. В противоположность знаку, символ никогда не произволен полностью. Основное отличие символа от знака во французской традиции в аналогии или сходстве с обозначаемым предметом у первого, и его произвольности или условности, по терминологии Ф. де Соссюра, у второго. Так белизна – символ моральной чистоты из-за аналогии, связанной с идеей незапятнанности; весы – символ справедливости из-за аналогии с понятием равновесия.

Сейчас слово «символ» употребляется для обозначения предмета или знака, представляющего что-то иное, чем он сам (предмет или знак) в силу решения или соглашения того или тех, кто использует символ [279, p.767]. Символ, как и конкретный предмет, который его выражает, в принципе поливалентен. Например, лев не только символ храбрости, но и различных других атрибутов льва, то есть силы, благородства, красоты и пр. Как мы видим, символ, изначально, способ определения, составленный из двух частей (палки, монеты, медали): имеются две части одной вещи, и одна из них – вместо другой. Таким образом, этимология символа весьма красноречива, так как две части одного предмета отсылают друг к другу до тех пор, пока одна не оказывается присутствующей, а другая отсутствующей. Но свое наиболее полное согласование

они осуществляют в тот момент, когда соединяются, чтобы восстановить утраченное единство.

В символе, как и в знаке, выделяется план выражения, символизирующее и план содержания, символизируемое, между которыми есть определенная диспропорция. План выражения символа – это одно из свойств плана его содержания (символизируемого), которое имеет другие свойства, не имеющие ничего общего с данной (символизирующей). Так, лев – символ храбрости, или лис – хитрости обладают и другими свойствами, смысл которых они могут выражать. Но именно одно из этих свойств, по-видимому, самое яркое и характерное делает этого зверя символом именно данного, а не другого качества.

Как писал Гегель в «Эстетике», «символ – особый случай знака, но в отличие от знаков, которые «безразличны» к своему значению, символы – это знаки, которые сами уже имеют свойства, значения которых они должны выразить». Всякий знак может стать символом, так как в первом возможна актуализация второго, присутствие которого существует гипотетически. Но, как справедливо отмечает У.Эко, «проблема в том, что, несомненно, есть непере译имые семиотические образцы (*expériences*), выражение в которых соотносится с туманностью содержания («*nébuleuse de contenu*»), т.е. с серией свойств, которые распределяются в различных полях и с трудом структурируются определенной культурной энциклопедией, до такой степени, что каждый наполняет выражение свойствами, которые ему наиболее подходят при том, что никакие семантические правила не могут предписать ему правильное толкование. Это и есть символический способ использования знаков, основой которого является туманность, скопление значения. Вполне определенное выражение отсылает к содержанию, которое предстает как скопление возможных свойств» [268, p.213]. (Перевод наш Г.Б.)

В поэзии символистов символ – особый способ расположения знаков, которые таким образом оказываются в состоянии передавать новые туманности содержания. Очень ярко основы поэтического символизма как метафизического процесса передает Ш.Бодлер в «*Correspondances*»:

La nature est un temple ou de vivants piliers / laissent parfois sortir de confuses paroles:/

L'homme y passe à travers des forêts de symboles/ Qui l'observent avec des regards familiers./

Comme de longs échos qui de loin se confondent/ Dans une ténébreuse et profonde unité /

Vaste comme la nuit et comme la clarté./ Les parfums, les couleurs et les sons se répondent/

(Ch. Baudelaire. Op.cit. p.39-40)

Метафора весьма близка к символу. Как и символ, она – отражение значения вещи. Метафора всегда символична, но ограничена тем, что не обозначает ничего вне, кроме себя. В то время как символ в этом смысле богаче, он свидетельствует о чем-то другом. Очень близки также понятия символ и аллегория. Немецкие романтики – Гете, Шеллинг – различали их следующим образом: аллегория как образное выражение абстрактной идеи в картине или истории может составить произведение искусства. В символе же идея не просто отражена, но и преобразована.

Возвращаясь непосредственно к коннотации, можно на основании разнообразия ее определений и значений сформулировать некоторые общие свойства, отличающие ее от смежных явлений и позволяющие говорить о ней в самом общем виде. Коннотация это, во-первых, вторичная, дополняющая основное значение информация, особый смысл которой понятен либо всему языковому коллективу, либо лишь его определенной части. Эмотивность, экспрессивность и прочие стилистические компоненты значения не создают или вызывают коннотацию, а сопровождают и проявляют ее, делают ее видимой, экстериоризируют.

Во-вторых, коннотативное значение значительно чаще сопровождает денотативное, чем это обычно принято считать. Так, даже топонимы, как образцы нейтральной лексики, в основном имеют коннотации: парижанин, петербуржец,

центральной, столичный житель. По-видимому, можно сказать, что каждое слово, в принципе, имеет реальную или потенциальную коннотацию. Ведь даже и такие чисто нейтральные с точки зрения денотативной отнесенности слова как лист, мел, камень имеют вполне определенные коннотации. Ср. чистый лист, как осиновый лист, банный лист; побелел как мел; вместо сердца камень. Слова вообще постоянно открыты для появления новых, чаще называемых дополнительными созначений или коннотаций.

И, наконец, коннотация принадлежит системе, парадигматике, а не возникает как результат интерпретации из контекста. Коннотация системна в том же смысле, что и денотация, поскольку и первая, и вторая берут свои значения из речи. Лексикографически зафиксированная норма постоянно изменяется под воздействием узуса, это нередко приводит к мнению о контекстуальной природе коннотации, что неверно. Коннотация – не произвольная интерпретация, вытекающая из конкретного текста, а устоявшееся вторичное созначение, возникшее в результате постоянного употребления. Есть много общего у коннотации и метафоры, однако, если метафора базируется на сравнении («.. предмет бывает тем, что он на самом деле есть и тем, что он напоминает.» С. Чиковани. «Гремская колокольня»), то коннотация строится иначе. В основе коннотации лежит абстрагирующая способность выделять у предмета, явления наиболее существенную особенность (у человека характерные качества собаки со знаком плюс или минус).

Сложные механизмы инференции действуют в коннотативном значении может быть в большей степени, чем в денотативном. Явление инференции – процесс, позволяющий от начального положения, называемого также посыла, перейти к новому, то есть выводу. Это акт рассуждения, умозаключения чисто абстрактный, интеллектуальный, в то время как основу метафоры составляет чувственное воспринимаемый образ [279, р.378]. Коннотация столь же системна и регулярно порождается, как и денотация, в особенности при рассмотрении различного рода лексических парадигм, построенных на основе общего значения.

Весьма важным представляется нам и тот факт, что коннотация может послужить исходной точкой для следующей коннотации. Эта коннотация коннотации приводит к возникновению коннотем второго, а возможно, и третьего порядка. В этом случае коннотативное значение становится означающим нового означаемого. У.Эко в качестве примера такого явления приводит слово «петух», которое в выражении «дать петуха» имеет коннотацию «сфальшивить при пении». Эта коннотация, в свою очередь, порождает новую, где вновь сложившийся знак выступает как новое означающее. Новое значение «говорить неубедительно» сформировано уже не на основе денотации, а на основе коннотации и является коннотативным значением второго порядка. Первичная денотация привела к первичной коннотации, а та, в свою очередь, выступая уже как денотация, породила вторичную коннотацию. «Таким образом, означающее все более и более предстает пред нами как смыслопорождающая форма, производитель смыслов, исполняющийся множеством значений и созначений, благодаря корреспондирующим между собой кодам и лексикодам.» [211, с.57].

Развивая затем эту мысль в своих рассуждениях о поэтической функции, У.Эко говорит о специфическом коде каждого произведения, который разрушает, дестабилизирует основной код, то есть норму. В произведении искусства каждое означающее обрастает новыми смыслами, произведение безостановочно преобразует денотации в коннотации, заставляя значения играть роль означающих новых означаемых [211, с.85]. Однако, по нашему мнению, произведение лишь проявляет способность денотации регулярно порождать коннотацию. Помещая слово в новые, порой совершенно неожиданные контексты, которые встречаются в поэтической речи, автор тем самым приводит в движение скрытые возможности слова, которые как потенциальные присутствуют у него в системе.

Денотация и коннотация, как две стороны значения, одна -- скрытая, другая -- открытая, составляют в единстве то многообразие смысла, которое слово проявляет в реальном функционировании. Ж. Женетт, говоря о соотношении денотации и коннотации, уподобляет их лицу и изнанке одного и того же явления, где модальность определения и модальность обозначения удачно переплелись во

фрегевском термине смысл. Этот термин, по его мнению, можно использовать как место соединения логического и семиотического понимания оппозиции «денотация/коннотация» [91, т.2, с.413].

3.5. СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СЛОВА КАК ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В лингвистической практике, при анализе конкретного материала неоднократно приходится сталкиваться с явлением неоднозначного толкования значения слова. Как правило, мы привыкли иметь дело со случаями, когда значение слова определяется однозначно, то есть происходит актуализация одного из его ЛСВ, если это многозначное слово. Но нередко возникает ситуация, при которой значение слова в контексте невозможно определить однозначно – оно представляет собой совмещение двух или даже более ЛСВ. Такое явление отчасти можно объяснить влиянием контекста на слово, при взаимодействии с которым значение слова усложняется. Речь идет фактически о сохранении многозначности слова в речи, которая, по терминологии У. Вейнрейха, представляет собой дизъюнкцию значений, представленную в виде конъюнкции [343].

Вопреки распространенному мнению о том, что контекст снимает многозначность и в нем реализуется только одно значение многозначного слова, наблюдаются частые случаи взаимодействия, слияния нескольких значений в одном речевом употреблении. На эту особенность многозначного слова указывает И.Р.Гальперин, отмечая, что она позволяет лучше представить себе многогранность возможной информации, содержащейся в слове. Общепринятое положение о том, что слово в контексте обычно реализует одно из многих значений, относится к так называемой нейтральной речи, «речи обыденной и особенно разговорной разновидности языка, с ее эфемерностью, мимолетностью, быстрым темпом. Другое дело слово в языке художественной литературы. Здесь слово *нередко реализуется в двух, а иногда и более значениях*». Иллюстрируя это положение, И.Р.Гальперин анализирует слово «мечты» из стихотворения

А.С.Пушкина «Воспоминание», которое в приведенных строках реализует одновременно пять значений [70].

Важным является то, что использование многозначности или семантической неопределенности не является помехой для интерпретации, наоборот, как существование разных голосов в полифонии, такой прием в стилистике осмысливается как эффективное средство для выражения сложных отношений субъекта к действительности. Оно рассматривается как средство для передачи многомерной эстетико-познавательной информации.

По мнению Д.Н.Шмелева существенной особенностью лексики является то, что в значительном числе случаев лексическое значение слова невозможно охарактеризовать с полной определенностью. «Семантическая структура целого ряда слов характеризуется тем, что отдельные значения, отчетливо отграничиваемые друг от друга в определенных позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно. Совместимость, диффузность значений может проявиться только в случае их тематической общности. В поэзии такое совмещение значений и создает тот эффект «смысловой емкости», «смысловой многоплановости слова», который постоянно обращает на себя внимание исследователей художественной речи» [205, с.74].

Следует отметить, что совместимость значений тематически близких слов наблюдается не только в поэзии, но даже и в такой отдаленной от нее области как публицистика. При ближайшем рассмотрении явление семантической неопределенности, обычно приписываемое поэтическому стилю, встречается и в других регистрах письменной речи. Исключение составляют официально-деловой и научный (производственно-технический) стили, в которых требования однозначности и четкости определений являются ключевыми. Что касается устно-разговорного стиля, в особенности его фамильярно-жаргонной разновидности, то там одновременная реализация нескольких значений слова может успешно обыгрываться в различных каламбурах, анекдотах, а также свойственных сугубо данному языку непереводаемых «играх слов».

Контекст любого уровня, речевая ситуация способствует определенной свободе функционирования слов, системно закрепленных на шкале иерархической зависимости. Например, нередко наблюдается контекстное сужение значения обобщающего слова, в результате чего оно выступает в несвойственной ему функции. В то же время в качестве родового понятия может быть использовано слово более узкого по своим семантическим характеристикам значения. В определенной ситуации в контексте оно приобретает более широкое значение, чем парадигматически закрепленное родовое понятие.

«Elles n'ont pas à mendier le pain, l'amitié, l'amour. C'est dur de mendier son pain, c'est encore plus dur de mendier l'affection.» (Le Figaro, 14 mai 1998)

«Они не должны выпрашивать хлеб, дружбу, любовь. Очень трудно выпрашивать хлеб, но еще труднее – привязанность.» (Перевод наш, Г.Б.)

В приведенном примере, взятом из редакционной статьи газеты «Фигаро», посвященной неравноправному положению женщин- педагогов высшей школы, иерархически ведущее понятие *amour*, наряду с *amitié* – словом более узкого значения, оказывается контекстно подчиненным *affection* – привязанность, нежность – выступающему в данной ситуации как слово обобщающего значения.

С общелингвистической точки зрения феномен одновременной реализации нескольких значений слова в контексте может быть рассмотрено как одно из проявлений асимметрии языкового знака, совмещающего в рамках одного означающего несколько означаемых не только на уровне системы (в парадигматике), но также и на уровне реализации (в синтагматике). Для определения внутрисловного взаимодействия значений можно применить методику вероятностного отбора значений, сопоставляя и анализируя внутрисловные комбинации значений.

Степень информативности многозначного слова сама по себе достаточно велика и неопределенна. Кроме того, на нее оказывает влияние контекст различных видов, начиная от микроконтекста – словосочетания, строки, предложения; далее, макроконтекста – сверхфразового единства, строфы и пр.; наконец, мегаконтекста как целого художественного произведения, а, возможно, и

всего художественного и философского мировоззрения. Отбор значений и их взаимодействие в одном слове происходит благодаря, с одной стороны, взаимодействию отдельных ЛСВ в семантической структуре слова, с другой – под влиянием рассмотренных видов контекста.

Одновременная реализация нескольких значений многозначного слова представляет собой результат вероятностного перебора значений в процессе речевого мышления. Сам по себе выбор вероятностных решений – достаточно сложный творческий процесс, сопровождающий, чаще всего, стилистический анализ произведения. Совмещение нескольких значений возникает как результат сложного взаимодействия словарных и контекстуальных значений. Такое преимущественное выдвижение некоторых значений слова происходит в результате двух противоборствующих в языке тенденций – сохранения тождества знака в системе языка и непрерывность его изменения в речевом использовании. Это явление также можно рассматривать как манифестацию одного из важнейших свойств многозначного слова – двуплановости, выражающейся в том, что до реализации слово находится как бы в состоянии статики, а в момент реализации начинается движение и совмещение сем: приглушение одних и выдвижение других.

Вероятностный отбор значений полисемантического слова и их внутрисловная комбинаторика опирается на обусловленную связь единиц текста и смысловой структуры многозначного слова. Подобное совмещение нескольких значений (ЛСВ) повышает информативность слова в контексте, где оно выступает как комплексная единица. Информативный потенциал такого слова велик, так как велика его степень неопределенности, или энтропия. Очевидно, что на процесс вероятностного отбора значений в значительной степени влияет ситуация. Как известно, речь, в отличие от языка, всегда целенаправлена и ситуативно привязана.

Ситуация в речи является ее обязательным компонентом, придающим ей совершенно особый характер. «Из соотнесенности с ситуацией, из смещения семантического содержания слов может проистекать «диффузность» значения в

многочисленных примерах самого обычного словоупотребления» [205, с.80]. Обращение к ситуации в широком плане позволяет определить тип внутрисловной комбинаторики значений. Сама ситуация может варьироваться и ограничиваться в одних случаях микроконтекстом, в других же для ее определения необходимо привлечение макро- или мегаконтекста.

Большая вероятность употребления слова одновременно в нескольких значениях возможна в двух противоположных случаях. Это, во-первых, тогда, когда слово оказывается в нейтральном или недостаточном контексте, где его значение трудно определимо и достаточно нечетко. Во втором случае, напротив, мы имеем дело с избыточным, гиперсемантизирующим контекстом, который насаждает дополнительные контекстные значения на основное значение (значения) слова. Особенно усложненной бывает семантическая структура слова в том случае, когда происходит одновременная реализация нескольких системных значений слова, на которую наслаиваются контекстные значения. В этом случае происходит совмещение и наложение двух явлений – одновременной реализации нескольких значений слова и гиперсемантизации.

В качестве примера проанализируем, каким образом определяются значения слова в контексте, основываясь на принципе как можно более полного использования возможностей текста для извлечения информации о возможных значениях одного слова.

« ...ce ne sont pas des femmes qu'on aime, ce sont des femmes qu'on regarde. Les femmes qu'on aime, c'est autre chose» (P. Courtade. «Fin d'Italie»).

« ... это не женщины, которых любят, это женщины, на которых смотрят. Женщины, которых любят – это совсем другое» (Перевод наш, Г.Б.)

Степень семантической неопределенности и информативности глагола *aimer* не позволяет определить всей совокупности его значений при обращении как к микро-, так и к макроконтексту. Для более полной экспликации значения слова необходимо обращение к ситуации, которую в данном случае определяет мегаконтекст – содержание всей новеллы Пьера Куртада «Конец Италии». Молодая супружеская пара совершает свадебное путешествие по Италии. Жена

обращает внимание на то, как муж заглядывается на местную красавицу. Муж, пытаясь успокоить жену, объясняет ей, какого рода чувства можно испытывать к таким женщинам. Тем самым он старается указать на то, что его чувства к жене являются настоящими -- это любовь, чувство полное и глубокое. Но он кривит душой, потому что отчетливо увидел, как убого выглядит его жена. Ее неказистость особенно подчеркивают великолепие окружающей природы и яркая красота местных женщин. Свадебная поездка расставляет все на свои места, Италия становится концом самообмана.

В данном примере налицо семантическая неопределенность глагола, снять которую не в состоянии ни микро-, ни макроконтэкст. Соотнося значение слова с ситуацией, определить которую удастся при обращении к мегаконтэксту -- содержанию всего произведения -- и применяя метод вероятностного отбора значений, можно говорить об одновременной реализации нескольких значений глагола. В данном случае таких как «физическая и моральная привязанность», «нежность», «любовь».

Таким образом, получение более исчерпывающей информации о значении слова связано с прагматическими составляющими, которыми являются значения единиц ближайшего и более отдаленного окружения. То, что называется гиперсемантизацией, дополнительной, накладывающейся на основное значение информацией, позволяет значению приобрести дополнительные смыслы, стать объемным. Одновременная реализация нескольких значений слова не является прерогативой одной лишь поэтической речи, где с ее помощью достигаются определенные стилистические эффекты. При ближайшем рассмотрении это явление встречается достаточно часто как в языке художественной литературы, так и в разговорно-бытовом общении.

На подобное явление указывают многие исследователи, отмечая, что, внимательно присмотревшись, употребление одного и того же слова бесконечно растекается по разным смысловым пространствам, каждый раз изменяя то, что на первый взгляд казалось легко определяемым его «значением», или «значениями» [71, с. 207]. Объяснением этого феномена может служить то, что «смысл -- или,

если угодно, значение – любого языкового выражения, то есть та мысль, то понимание, которое мы с ним связываем, представляет собой открытый, никогда не получающий полной завершенности продукт духовной деятельности ... смысловой процесс с его открытостью, разнонаправленностью и бесконечностью потенциального развертывания» [Там же, с.260-261].

В связи с этим, совершенно закономерным представляется тот факт, что явление семантической неопределенности слова неоднократно попадало в фокус исследовательских интересов постструктуралистской и постмодернистской парадигм, для которых акцентирование феноменов неисчерпаемой множественности смыслов текста, произвольности знака, условной или даже фиктивной связи вербального знака с предметом оказалось одной из программных теоретических установок. Так, П. де Ман определяет литературную форму, то есть слово в художественном тексте, как «диалектическое равновесие» между стремлением интерпретации к тотальной самодостаточности и направляющим интерпретирующий процесс предварительным знанием и отмечает, что «эту диалектику трудно уловить. Идея тотальности предполагает закрытость формы, сияющей стать упорядоченной и последовательной системой и почти неудержимо устремляющейся к тому, чтобы превратиться в объективированную структуру. Однако фактор течения времени, столь настойчиво забываемый, должен напомнить нам, что в действительности *форма никогда не бывает чем-либо иным, кроме как процессом на пути к своему завершению*» [312, р. 31].

По-своему ситуация семантической неоднозначности трактуется у У.Эко. Он исследует, каким образом специфический код произведения искусства направлен на дестабилизацию основного кода и создание ситуации неоднозначности на всех уровнях, что является с точки зрения общеупотребительности нарушением нормы. Неоднозначность сообщения располагает к перебиранию возможностей его интерпретации. При этом каждое означающее обрастает новыми смыслами уже благодаря не основному коду, который нарушается, но организующему контекст идиолекту (особому, неповторимому коду данного произведения), а также благодаря другим означающим – контексту, которые, пересекаясь, оказывают друг другу поддержку. Результатом подобных процессов является, по

мнению У.Эко, то, что произведение безостановочно преобразует денотации в коннотации, заставляя значения играть роль означающих новых означаемых [211, с.84-85]. Такой подход позволяет выявить еще одну сторону явления семантической неоднозначности на различных уровнях. В данном случае подчеркивается потенциальная возможность перехода денотации в коннотацию и ее, в свою очередь, в коннотацию второго порядка, выявить которую можно при анализе ситуации и переборе возможных интерпретаций.

Явление неопределенности лексической единицы не только в системе, но и при ее употреблении в речи приводит к разнообразным процессам, которые в целом подтверждают положение об изменении семантического статуса слова под влиянием прагматических факторов. Во многих случаях эти факторы выступают как внешние по отношению к слову смыслы, под воздействием которых слово приобретает новый объем, объединяет в одной форме несколько разнообразных значений и даже становится означающим новых означаемых, переходя из денотативного в коннотативное значение.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Идея о целесообразности изучения языковых явлений сверху вниз, а также о функциональном предшествовании целого его отдельной части позволяет в методологическом отношении изучать всю систему, а затем переносить ее свойства на отдельные участки. Изоморфизм части целому, которые лишь находятся на разных уровнях структурной иерархии, дает возможность утверждать, что отдельный элемент системы является одновременно и частью целого, и его подобием.

В языке, как и в других сложных открытых системах, господствуют законы относительности и инвариантности, изменчивость и стабильность взаимодействуют друг с другом, находясь в отношениях неустойчивого

равновесия. Изучение лексики предполагает прагматическое измерение, базирующееся на параметрах, идущих от субъекта (адресата-адресанта). Эти параметры преобразуют сам объект исследования, имеющий недискретный характер. Идея прототипов Э.Рош и Дж. Лакоффа по сути соответствует понятиям «внутренняя» и «иерархическая» структура, отсюда вполне корректная корреляция терминов «протитипы/объекты базисного уровня» и более лингвистически привычных «гипероним/гипонимы», «инвариант/варианты». Важным для лингвистики выводом теории прототипов является положение о расплывчатости и отсутствии четких границ у категорий.

Исходя из идеи прототипичности, можно считать высшим уровнем или прототипом в нашем материале оценку по силе, основанную на прагматическом факторе – ощущении адресата. Поляризация этого понятия на базисном уровне дает оппозицию «сила/слабость», в которую укладываются основные когнитивные представления об оценке по силе. Объекты подчиненного уровня, то есть сами лексемы, выражающие понятия силы и слабости в романских языках, представляют собой объект нашего исследования. В значении этих понятий заложена положительная или отрицательная оценочность, а также эмоциональность, что является имплицитной прагматической информацией.

Передвижение прагматических компонентов в структуре гипонимов и в ЛСП на центральную позицию по мере удаления от центра к периферии приводит к устойчивым коннотациям. В периферийных участках поля наиболее отчетливо прослеживается влияние соседних полей, это переходная зона взаимодействия, по меньшей мере, двух парадигм, «пограничное пространство – место непрерывающегося диалога ... здесь возникает постоянный обмен» (Ю. Лотман).

Прагматический фактор в самоорганизации ЛСП наиболее ярко прослеживается в диахронии. Подверженная экстралингвистическому влиянию в большей степени, чем семантика и синтактика, прагматика определяет языковой выбор эпохи, черпая из обширного арсенала синонимических средств. Сопоставление аналогичных ЛСП в латыни и современном французском языке демонстрирует реструктуризацию и нарушение относительной симметрии исходной структуры по сравнению с диссипативной. Во французских ЛСП наблюдается

перемещение прагматически маркированных членов вверх, ближе к центру, что, в целом, приводит к большей оценочности французских парадигм.

В ЛСП наблюдается явление нейтрализации лексических противопоставлений между членами, что приводит к образованию синкретичных форм. Этот процесс хорошо виден на примере гиперонима, который может замещать большое количество рядовых членов. Это случай нейтрализации привативных оппозиций. Нейтрализация происходит и между гипонимами на основании их общего сектора значений в основном в центре поля (эквиполентные оппозиции). Результатом синкретизма как закрепления за одним означающим двух и более означаемых является возникновение архиелемента. В исследуемом материале оппозиции двух и более членов ЛСП закреплены в единой форме гиперонима.

Нейтрализация по прагматическим параметрам представляет собой безотносительное употребление того или иного слова, совпадающего в одном или более коннотативных значениях. Это синкретизм: закрепление за одним означающим-коннотатором нескольких денотаторов. В результате синкретизма форм для передачи одного прагматического значения нарушается принцип иерархии поля, то есть противопоставления гипероним/гипоним. Само ЛСП становится необязательной формой для целей прагматики структуры.

Под влиянием прагматики парадигма может разрушиться или перестроиться в другую, что происходит с системой в точке бифуркации. Прагматика представляет собой разрушающий и одновременно созидающий хаос, который может привести систему на уровень диссипативной структуры. Возможно, такой путь усложнения прошли современные романские языки, развившиеся из латыни. Амбивалентная природа прагматики приводит к изменению семантики, возникновению новых значений, отпадению старых и, в конечном счете, перестройке парадигмы.

Одним из проявлений прагматики является коннотация, под которой чаще всего понимаются семантические созначения или смысловые и оценочные ассоциации. Возникновение коннотации связано с прагматической установкой, вследствие чего у слова возникают определенные ассоциации, семантические и

эмоциональные созначения, которые со временем могут становиться постоянной составляющей лексического значения под влиянием ряда лингвистических и экстралингвистических факторов.

Коннотация может эволюционировать в нескольких направлениях:

1. возникать как положительная или отрицательная оценка у нейтральной лексемы;
2. меняться на диаметрально противоположную;
3. исчезать полностью или переходить в денотацию.

Одновременное соотношение денотации и коннотации создает объемное представление о парадигме, подобно контрапункту в музыке, создающему полифонию звучания. Коннотация тесно связана с символизацией, поскольку символ, как конкретный знак определенного предмета или абстрактного понятия, имеет большую силу представления, чем слово. Каждое слово в принципе имеет реальную или потенциальную коннотацию, поскольку постоянно открыто для появления новых, дополнительных созначений. Коннотация столь же системна и регулярно порождается, как и денотация. Эти две стороны значения, скрытая и открытая, составляют единство и многообразие смысла слова в реальном функционировании.

Прагматика посредством своих механизмов – коннотации, символов, фразеологизмов, метафоры – приводит к преобразованию семантического ядра. Это превращение прагматики в семантику, переход периферийных созначений в семантические значения. Обратный процесс перехода семантики в прагматику наблюдается в результате утраты определенных значений полисемичного слова. Эти значения сразу не исчезают, а постепенно перемещаются из центра на периферию семантической структуры, где часто трансформируются в прагматику.

Колебательный процесс взаимообратимости семантики и прагматики представляется как мена верха и низа – движение снизу вверх: превращение прагматики в семантику, и обратный ход – семантики в прагматику. Семантика видоизменяется через прагматику как на внутрисловном уровне, так и в плане преобразования ЛСП с его достаточно условными принципами построения. Прагматика выявляет диффузность ЛСП уже на уровне его ядра, где оно

пересекается с другими полями. На периферии, где в пограничной зоне пересекаются и сталкиваются различные значения, наиболее многочисленны случаи взаимодействия парадигм, их взаимопроникновение и разрушение.

Явление одновременной реализации нескольких значений слова как результат сложного взаимодействия словарных и контекстуальных значений связан с прагматическими составляющими. Неопределенность слова не только в системе, но и в речи подтверждает влияние прагматических факторов на изменение семантического статуса слова, которое, объединяя несколько значений, может становиться явлением семантической неоднозначности на различных уровнях.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило основную гипотезу о необходимости изучения прагматической составляющей в процессе лексико-семантической эволюции языка. Амбивалентная природа прагматики, одновременно разрушающей и созидающей новое, проявляется во многих процессах, традиционно называемых семантическими. Прежде всего, это выбор наиболее подходящей лексической единицы, который во многом зависит от внесистемных факторов, вероятностных процессов, исследованных в теории неравновесности.

Данное в диссертации определение прагматики в широком смысле слова как лексико-семантическое выражение языковой нормы, зависящей от выбора субъекта КК, отражает ее двоякую функцию: языковую и социальную. Непосредственным объектом исследования является лингвистическая прагматика, или прагматика в узком смысле. В работе она выступает в виде особой семантики, имплицитно содержащейся в лексическом значении слова, представленной в лексикографии как семантическая информация.

Введенное нами понятие коллективной прагмафункции определяет формирование ЛСП и его диахроническое движение от латыни к современному состоянию во французском языке. Взаимовлияние семантики и прагматики теоретически выражается как прагматическая установка, от которой зависит выбор семантики определенной лексической единицы. Исходя из этой установки прагматика когнитивно (онтологически) предшествует семантике. В практической же плоскости лексические процессы, наблюдаемые в ЛСП, свидетельствуют о взаимосвязи этих двух сторон языковой реальности.

Так, в самом значении прилагательных – членов ЛСП прагматический компонент может перемещаться и становиться семантическим, при этом семантический сдвигается на периферию значения. Те же процессы наблюдаются

и на уровне поля, в котором мена центра и периферии происходит в результате подъема прагматики вверх и ее взаимодействия с семантикой.

Под влиянием прагматики в состав исследуемых парадигм включаются члены сопредельных семантических областей, размывая тем самым границы полей и децентрируя их. Этот процесс отвечает представлению о нелинейности и нестабильности ЛСП, его ризоморфном характере, где каждый член может занимать одновременно несколько мест на разных уровнях иерархии.

Анализ ЛСП на микро и макроуровне показывает взаимодействие и взаимопереход семантики в прагматику и наоборот. Прагматика нарушает состояние покоя структуры, что приводит к усилению активности семантических процессов в пограничной зоне, в частности, к обмену материальными ресурсами между парадигмами. Следствием движения ЛСП может явиться создание диссипативной структуры, в которой сохраняются элементы исходной, но включаются члены других областей.

Результаты взаимодействия семантики и прагматики наглядно видны при сопоставлении диахронных срезов одноименных ЛСП. Прагматический фактор, действующий в течение достаточно протяженного отрезка времени, видоизменяет исходную конфигурацию поля и приводит ее на следующем этапе к большей оценочности, что выявляет сопоставительный анализ ЛСП в латыни и в современном французском языке.

Использование идеи прототипов как категорий, не имеющих четких границ, позволяет исследовать имплицитную прагматическую информацию, то есть оценочность, выраженную значениями членов ЛСП. Прототипичность коррелирует с идеей иерархии: оба эти подхода используют параллельные понятия – «гипероним/гипонимы – «прототипы/ объекты базисного уровня», выявляющие сходные черты одного и того же объекта. Такое совпадение различных подходов можно считать иллюстрацией господствующего в постструктуральном языкознании принципа множественности, а не единственности интерпретаций лингвистических явлений.

Проявления прагматики в лексике разнообразны; к ним относятся такие процессы как коннотация, символизация, метафоризация и некоторые другие.

Коннотация, как один из наиболее ярких механизмов прагматики, может проявляться как положительная или отрицательная оценка изначально оценочно нейтральных слов. Эта оценка нередко переходит в свою противоположность: с плюса на минус и наоборот.

Исчезновение коннотации у некоторых слов может означать ее переход в денотацию, что в более широком смысле является превращением прагматики в семантику. Обратный процесс перехода семантики в прагматику как перемещение значений из центра поля на периферию условно можно представить как колебательное движение ЛСП сверху вниз. Встречное движение – подъем прагматики вверх и ее переход в семантику – приводит к мене центра и периферии.

Прагматический фактор приводит к необходимости пересмотра понятия ЛСП с его достаточно условными принципами построения. Диффузность, свойственная полю уже в центре, усиливается на периферии, в пограничной зоне. На семантику поля оказывает трансформирующее влияние прагматика, это взаимодействие происходит в структуре слова – члена ЛСП, а также в процессе перестройки и реструктуризации всего объединения.

Явления нейтрализации и синкретизма в ЛСП по прагматическим параметрам нарушают основной принцип построения поля – иерархии гиперонима и гипонимов. ЛСП приобретает объемные очертания, в нем взаимодействуют денотация и коннотация, подобно переплетению структурных и ризомных сред.

Диссипативный уровень поля означает его большую открытость и переплетенность, смешение с сопредельными лексическими областями. Перекачивание значений в пограничной зоне ослабляет системообразующие параметры строения ЛСП, размывая его очертания. Однако использование «принципа поля» остается важным и даже необходимым в целях извлечения из словарной массы лексико-семантических фрагментов языковой действительности и первичной структуризации.

Возможность исследовать типологические черты двух диахронных срезов представляет метод их объединения, то есть «принцип поля» с учетом высказанных поправок и допущений. Прослеженная эволюция семантики

исходных парадигм в целом направлена на приобретение абстрактных признаков: оценочных, эмоциональных и рациональных во французских ЛСП. Эти новые семантические свойства обусловлены изменившейся прагматикой, большей метафоричностью значений французских прилагательных, а, следовательно, и большей их прагматичностью.

Результаты исследования подтвердили изоморфизм в организации ЛСП и его ведущего члена – гиперонима. Иерархия значений прослеживается в структуре гиперонима, этот же процесс является основным в строении поля. Преобладающие семантические элементы сосредоточены в центре ЛСП и в центральной части структуры гиперонима.

Под влиянием прагматики наблюдаются трансформации на обоих уровнях: периферийные элементы передвигаются ближе к центру, вверх, ядро смещается вниз, видоизменяя первоначальную форму ЛСП. Децентрация, отсутствие четко зафиксированного места каждого члена – свойства движущейся парадигмы, в которой процессы флуктуации выводят ее на новый уровень – разрушения или создания новой диссипативной структуры.

Наиболее активные процессы взаимодействия и взаимовлияния семантики и прагматики наблюдаются в пограничных участках, там, где одна семантическая область пересекается с другими. Граница между ЛСП – не столько область разделения, сколько зона перетекания из одного лексико-семантического участка в другой, при котором наблюдается обмен значениями и материальными ресурсами.

Изменение семантики слова под влиянием прагматики широко распространено в контексте как явление семантической неоднозначности или гиперсемантизации. Речь идет об одновременном действии нескольких значений слова в процессе его употребления в речи. Системные факторы в этом случае взаимодействуют с влиянием различных видов контекста и экстралингвистической ситуацией. Семантика слова обогащается, распространяется в нескольких направлениях, становится более объемной. Этот процесс, фрагментарно рассматриваемый в стилистике, заслуживает внимания и дальнейшего изучения в семантическом аспекте.

Последующие исследования прагматических факторов, влияющих на системные изменения, могут быть продолжены в сопоставительном направлении при изучении типологических процессов в языках с различной степенью близости и родства.

Принципы взаимодействия семантики и прагматики следует учитывать в дальнейших изучениях, что позволит под новым иным углом зрения рассматривать такие процессы, которые традиционно относились к прерогативе семантики. Это, как уже было отмечено, явления коннотации, метафоризации и метонимизации, символизации и многие другие.

Роль и влияние прагматики, понимаемой как преобразующий фактор не только в речевой реализации, но и на уровне системообразования, еще ждет своего приложения в лингвистике текста.

В настоящее время в области философских проблем языка наблюдается возвращение к уже поставленным вопросам на новом витке развития лингвистики. Описание семантики, обогащенной прагматикой и рассмотренной с новых позиций, естественно предполагает последующее описание синтактики с учетом прагматической составляющей.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУМУ

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. – Ташкент, 1988.
2. Алпатов В.М. Предварительные итоги лингвистики XX века // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. – 1995, № 5. С. 84-92
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974.
4. Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия. // Изв. РАН. Сер. литер. и яз.- 1996. т. 58.- № 4.
5. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря.// Прагматика и проблемы интенциональности. - М., АН СССР, Ин-т языкознания, 1988.- С. 121 –144.
6. Апресян Ю.Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря. // Язык: система и функционирование. – М.: Наука, 1988.
7. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания.// Вопросы языкознания. – 1995, № 1.- С. 37-67.
8. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира.// Семиотика и информатика. Вып.35. – М., 1997. С. 272-295
9. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Сборник статей. – СПб: Изд-во С.-Петербурга. Ун-та, 1999.
10. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира»). // Вопросы языкознания.- 1987, №3. – С.3-19.
11. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. - М.: Наука, 1988.
12. Арутюнова Н.Д. Прагматика.// Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990.
13. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. –М.: Языки русской культуры, 1999.
14. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики.// Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985.- Вып. 16.- С.3 –42
15. Аспекты семантических исследований.// АН СССР. Ин-т языкознания, отв. Ред. Н.Д. Арутюнова и А.А. Уфимцева. М.:Наука, 1980.
16. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955.
17. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
18. Балли Ш. Язык и жизнь. – М.:Эдиториал УРСС, 2003.
19. Бодуэн де Куртене И.А. Об общих причинах языковых изменений.// Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему языкознанию. – М., 1963. – Т.1. – С. 222-254.
20. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики.// Изв. РАН. Сер. литер. и яз.- 1997. Т.56, №1. – С.11-22.
21. Барт Р. Основы семиологии. // Структурализм: «за» и «против». - М.: Прогресс, 1975, С.114 –163..

- 22 Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов. - М.1986.
- 23 Барт. Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. - М.: Прогресс, 1989.
- 24 Бенвенист Э. О субъективности в языке. // Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974.
- 25 Бенвенист Э. Общая лингвистика. Гл.4. Понятие структуры в лингвистике. – М.: Прогресс, 1974.
- 26 Бендетович Г.Б. Нейтрализация и синкретизм в лексической парадигме.// «Вестник МГЛУ», № 4. Сер. 1. Филология, 1998. –С. 29-36.
- 27 Бендетович Г.Б. Когнитивизм и прагматика в современной лингвистике.// «Весті БДПУ», № 4, 1998.- С. 57-64.
- 28 Бендетович Г.Б. Интеграция парадигм в современной лингвистике.// «Исследования молодых ученых» Сб.статей аспирантов. - Мн., 1999.Ч.3 – с. 8-15.
- 29 Бендетович Г.Б. Социально-лингвистическая природа прагматики.// «Весті БДПУ», № 4, 1999. – С. 86-92.
- 30 Бендетович Г.Б. Синергетическая концепция в современном языкознании.// «Вестник МГЛУ», № 6. Сер.1. Филология. 2000. – С. 11-19.
- 31 Бендетович Г.Б. Неравновесность и случайность в развитии лексической системы.// «Интегративные тенденции в современном социально-гуманитарном знании». Материалы Междунар. научн. конф. - Мн. МГЛУ, 2000, – С. 156-164.
- 32 Бендетович Г.Б. К вопросу о норме в языке. // «Актуальные проблемы лингводидактики». Сб научн. трудов БГПУ им. М. Танка. - Мн., 2003.- С. 41-45.
- 33 Бендетович Г.Б. Коннотация и символ в семиотическом аспекте. Там же. – С. 56-60.
- 34 Бендетович Г.Б. Лингвометодические аспекты категоризации.// «Язык как система коммуникативных операций». Сб научн. трудов БГПУ им. М. Танка. - Мн. 2004. – с. 6-10.
- 35 Бендетович Г.Б. Реализация гиперо-гипонимических отношений в контексте.// «Романское и германское языкознание». Республ. межведомств. сборник. Вып.13. - Мн. :«Вышэйшая школа», 1983. – С.82-86.
- 36 Бендетович Г.Б. Введение лексического материала блоками.//Замежныя мовы у Рэспубліцы Беларусь. Навукова-метадычны часопіс. - №4,2005. – Мн.,2005.- С. 12-14.
- 37 Бендетович Г.Б. О прагматике качественных имен прилагательных. // Вестник МГЛУ.- Сер.1 Филология.- №1(21), 2006. – С. 7-13.
- 38 Бендикс Э.Г. Эмпирическая база семантического описания.// Новое в зарубежной лингвистике. М.:Прогресс, 1983.Вып.4. С/ 75-107.
- 39 Бердяев Н. Философия свободы. - М.: «Олма-Пресс». 2000.—348 с.
- 40 Блумфилд Л. Язык. М.:Прогресс, 1968.
- 41 Бодуэн де Куртене И.А. Об общих причинах языковых изменений.// Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему языкознанию. – М.,1963. – Т.1. – С. 222-254.

- 42 Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова. // Методологические проблемы когнитивных исследований. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.
- 43 Бондарко А.В. Понятия «семантическая категория», «функционально-семантическое поле» и «категориальная ситуация» в аспекте сопоставительных исследований // Методы сопоставительного изучения языков: Сб. ст. / Отв. Ред. В.Н. Ярцева. – М.:Наука, 1998. – С. 12-19.
- 44 Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. – Л.:Наука, 1979.
- 45 Брагина А.А. Нейтрализация на лексическом уровне.// Вопросы языкознания, 1977, №4,- С. 61-71.
- 46 Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.:Ин-т психологии РАН; СПб:Алетейя, 2003.
- 47 Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки.: Изд-во Московского университета,1963.
- 48 Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка. – Л.:Наука, 1977.
- 49 Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. М.: Добросвет-2000, 2000.
- 50 Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М.,1981. – Т. 40, №4. – С. 333-342.
- 51 Бурсье Э. Основы романского языкознания. – М.:Изд-во иностр. лит.,1952.
- 52 Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. – М.:Прогресс, 2002.
- 53 Вайнрайх У. О семантической структуре языка. // Новое в лингвистике. – М.:Прогресс, 1970. Вып 5. – с. 163-249.
- 54 Вайнрайх У. Опыт семантической теории. // Новое в зарубежной лингвистике. М.:Прогресс, 1981. Вып X. – с.50-177.
- 55 Васильев Л.М. Современный семантический словарь русского языка. Предикативная лексика. – Вып.2. Учебное пособие. – Уфа: Изд-во Башк. Ун-та, 2000.
- 56 Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М., 1997.
- 57 Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Грамматическая семантика. Ключевые концепты культуры. Сценарии поведения. М.:Языки русской культуры, 1999.
- 58 Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
- 59 Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянских культур, 2004.
- 60 Вендлер З. О слове good. // Новое в зарубежной лингвистике. М.:Прогресс, 1981.- Вып.10.- С. 531-554.
- 61 Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования.// Вопросы языкознания,- 1995, №1, - С. 5-36.
- 62 Виноградов В.В. О символике Анны Ахматовой.// Литературная мысль, 1, Петроград, 1922. – С. 91-138.

- 63 Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова.// Избр. Труды. Лексикология и лексикография. – М.:Наука, 1977. – С. 162-189.
- 64 Винокур Г.О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. – М., 1990.
- 65 Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.:Наука, 1992.
- 66 Витгенштейн Л. Философские исследования.// Новое в зарубежной лингвистике. Вып 16. - М.:Прогресс,1985. С. – 79-129.
- 67 Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. - М.: Наука, 1978.
- 68 Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки.- М.:Наука, 1985.
- 69 Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции. // Прагматика и проблемы интенциональности. Под ред. Н.Д. Арутюновой.- М.:Наука, 1988. – С.124-143.
- 70 Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. - М.,1956.
- 71 Гавранек Б. К проблематике смешения языков. // Новое в лингвистике. Языковые контакты. Сб.ст. /Под ред. В.Ю. Розенцвейга. – М.Прогресс, 1972. – Вып.6. – С. 94-111.
- 72 Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи.// Иностраный язык в школе, 1982. – № 5. С. 11-17.
- 73 Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. 3-е издание. М.:Просвещение, 1989.
- 74 Гак В.Г. Сопоставительная прагматика. // Филологические науки, 1992, №3. – С. 78-90.
- 75 Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.:Языки русской культуры, 1998.
- 76 Гак В.Г. Человек в языке. // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. – М.:Индрик, 1999. – С. 73-80
- 77 Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. - М.: ВШ, 1974.
- 78 Гаспаров Б. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. – М.:Новое литературное обозрение, 1996.
- 79 Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.:Прогресс, 1992.
- 80 Грецкий М.Н. Структурализм К. Леви-Стросса и проблемы гуманизма. // Французская философия сегодня. – М.:Наука, 1989.
- 81 Грамматика и семантика романских языков. - М.: Наука, 1978.
- 82 Греймас А.-Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка. // Семиотика. – М.:Радуга, 1983. – С. 481- 550.
- 83 Греймас А.- Ж. Структурная семантика: поиск метода.- М.: Академический проект, 2004.
- 84 Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984.
- 85 Гуревич В.В. О «субъективном» компоненте языковой семантики. // Вопросы языкознания. – М., 1998. - №1. – С. 27-35.
- 86 Дейвисон А. Лингвистическое или прагматическое описание: размышление о парадоксе перформативности. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.:Прогресс, 1985. Вып. 17. – С. 259-336.
- 87 Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.:Прогресс, 1989.
- 88 Джеймс К. Контрастивный анализ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.25. –М.:Прогресс, 1989. – С. 205-306.

- 89 Декарт Р. Метафизические размышления. // Декарт Р. Избранные произведения. – М., 1950.
- 90 Деррида Ж. О грамматологии. - М.:Ad Marginem, 2000.
- 91 Деррида Ж. Структура, игра и знак в ракурсе гуманитарных наук. // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму.- М.: Прогресс, 2000.- С. 407-428.
- 92 Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века. // Язык и наука конца XX века. Ин-т языкозн. РАН. – М., 1995. – с. 239-320
- 93 Делез Ж. Логика смысла. – М.,1995.
- 94 Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома.// Философия эпохи постмодерна.- Мн.,1996.
- 95 Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. // Новое в лингвистике. – М.:Изд-во иностр. лит., 1960. Вып. 1. – С. 264-390.
- 96 Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. – М.:Изд-во иностр. лит.,1962. Вып 2. – С. 117-136.
- 97 Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры (в 2-х т.), т.1 - М.: Изд-во им. Сабашниковых,1998.- 472 с. Т.2 –М.:Изд-во им. Сабашниковых,1998.
- 98 Жолковский А.К., Мельчук И.А.О семантическом синтезе. //Вопросы кибернетики. – Вып.19. – М.,1967, - С. 117-238.
- 99 Жолковский А.К., Мельчук И.А., Апресян Ю.Д. О системе семантического синтеза.// Научно-техническая информация, №№ 6-8. – М. 1974; №№ 6,7. –М. 1975.
100. Заботкина В.И. Соотношение прагматического и семантического в структуре словозначения.// Проблемы функциональной семантики. Межвуз. сб. научн. тр. – Калининград, КГУ, 1993. –С. 82-91.
101. Звезгинцев В.А. Язык и знание. // Вопросы философии. 1982, № 1. – с.71-80.
- 100 Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996.
- 101 Истоки, проблемы и категории прагматики. Вст. ст. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.:Прогресс,1985. Вып.16. – с. 3-42.
- 102 Кантино Ж.П. Сигнификативные оппозиции. // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.:Наука, 1972. – с.61-94.
- 103 Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.:Наука, 1976.
- 104 Карпов В.А. Язык как система. – Мн.:Вышэйшая школа, 1992.
- 105 Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.:Наука, 1986.
- 106 Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.:Прогресс, 1985. Вып. 16. – с.333-348.
- 107 Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как средство интеграции естественнонаучного и гуманитарного образования. // Чалавек. Грамадства. Свет. - Мн.,1996. Вып. 4
- 108 Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2002.

- 109 Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984.
- 110 Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова.- М.: Изд-во МГУ, 1969.
- 111 Косериу Э. Лексические солидарности. // Вопросы учебной лексикографии. – М.,1969. – С.93-105.
- 112 Кристева Ю. Разрушение поэтики.//Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.:Прогресс,2000.
- 113 Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов. – М.:Российский гуманитарный ун-т, 2001. – 399 с.
- 114 Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке). // Изв. РАН. Сер. лит. и яз., 1999. – Т. 58, №6. – С. 3-12.
- 115 Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики.// Логический анализ языка. Модели действия. - М.: Наука, 1992. – С. 84-90.
- 116 Кубрякова Е.С. Парадигма научных знаний в лингвистике и ее современный статус. // Изв. РАН, 1994. № 2, т.53. Сер. литер. и яз.- С. 3-15.
- 117 Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века.// Язык и наука конца XX века. – Ин-т языкознания РАН.- М.: Российский гуманитарный ун-т, 1995.- с.144-238.
- 118 Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
- 119 Кун Т. Структура научных революций. - М.: Прогресс, 1977
- 120 Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.:Изд-во иностр. лит- ры, 1962. – 456 с.
- 121 Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25.- М.:Прогресс, 1989. – С.32-62.
- 122 Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику.. – М.:Прогресс, 1978.
- 123 Лакофф Дж. Когнитивная семантика.// Язык и интеллект. – М.:Прогресс, 1995.- С.143-184.
- 124 Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.:Прогресс, 1988. – Вып.23. – С.12-51.
- 125 Левицкий В.В. Типологическое изучение смысловой структуры слова. // Вопросы семантики. – Л.,1976. – С.3-12
- 126 Лендзел Л. «Переносное значение» или «образное употребление» слов?// Лексикология и лексикография. – М.:Наука, 1972. – С. 48-72.
- 127 Лингвистический энциклопедический словарь./ Под ред. Ярцевой В.Н. – М.: «Советская энциклопедия»,1990. – 685 с.
- 128 Лиотар Ж. – Ф. Отвечая на вопрос: что такое постмодерн ? // Ad marginem 93. Ин-т философии РАН. – М., 1994.
- 129 Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. Избранные работы. – М.:Наука, 1976. – 381 с.
- 130 Лотман Ю.М. О семиосфере. //Ученые записки Тартусского ун-та. Вып 641. Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984.

- 131 Лотман Ю. М. Понятие границы. // Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1999.
- 132 Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы// Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. - Т. 1. – Таллинн, 1992.- С. 90- 106.
- 133 Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. – Т. 1. – Таллинн, 1992, - С. 243-247.
- 134 Лотман Ю.М. Культура как субъект и сама-себе объект // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. – Т. 3. - Таллинн, 1992.
- 135 Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю.С. Избранные статьи в 3-х томах. –Т.3. – Таллинн, 1992. – С. 328-245.
- 136 Макаров В.В. Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков. – Мн.: Изд-во МГПИИЯ, 1972.
- 137 Макаров В.В. Согласование в семантике и согласование в прагматике.// Мова: Семантика, синтактика, прагматика: Тезісы дакл. 1 Межд. навук. канф., Мінск:МГЛУ, 1995. Ч.3. – С.32-33.
- 138 Макаров В.В. К портрету французской культуры. // Вестник МГЛУ. – Мн.:МГЛУ, 1996. Вып.1. – С.52-62.
- 139 Матезиус В. О потенциальности языковых явлений. // Пражский лингвистический кружок. – М.:Прогресс, 1967, - с.42-68.
- 140 Матезиус В. О лингвистической характерологии. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.15. – М.:Прогресс, 1989, - С. 18-27.
- 141 Мартине А. Нейтрализация и синкретизм. // ВЯ, 1969. - № 2. – С. 96-109.
- 142 Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика// Новое в лингвистике. Языковые контакты: Сб.ст./под ред. В.Ю.Розенцвайга. – М.:Прогресс, 1972. – Вып.6. – С.81-93.
- 143 Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. – Мн.:Амалфея, 2000.
- 144 Мильборини Б. История языка и история культуры.// Совр. итальянск. языкозн.: Сб.ст./Под ред. Т.Б.Алисовой. – М.:Прогресс, 1971. – С.302-314.
- 145 Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
- 146 Монтегю Р. Прагматика // Семантика модальных и интенциональных логик. – М., 1981.
- 147 Моррис Ч. У. Основания теории знаков. // Семиотика.- М.: Радуга, 1983. – С. 37-90.
- 148 Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебн. пособие. СПб: Научн. центр проблем диалога., 1996.
- 149 Общая риторика. /Ж.Дюбуа, Ф.Эделинг и др. –М.:Прогресс, 1986.
- 150 Падучева Е.В. Семантические исследования. Гл. 2. Семантика. Прагматика. Референция. – М., 1996. – 360 с.
- 151 Падучева Е.В. К семантике слова время: метафора, метонимия, метафизика. // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию Вяч.Вс. Иванова. – М.:ОГИ, 1999. – С.761-776.

- 152 Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем. // Русский язык сегодня. Вып.1. Сб. ст. РАН Ин-т русск. яз. Им. В.В.Виноградова. – М.:Азбуковник, 2000. – С.395-418.
- 153 Пизани В. Этимология. – М.:Иностр. лит., 1956.
- 154 Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.:Интерпрессервис- Книжный Дом, 2001 -- 1038 с.
- 155 Пражский лингвистический кружок. – М.:Прогресс, 1967. – 559 с.
- 156 Пригожин И. Философия нестабильности. // Вопросы философии. – 1991. -- № 6.
- 157 Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М., 1986.
- 158 Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова и др. – М.:Наука, 1988 .
- 159 Сгалл П. Значение, содержание и прагматика. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып 16 – М.:Прогресс, 1985. – С. 384-398.
- 160 Семантика и категоризация. //Отв. Ред. Ю.А.Шрейдер. – М.:Наука, 1991.
- 161 Семиотика: Антология.//Сост и общ. Ред. Ю.С. Степанова.- Екатеринбург. Акад проект:Деловая книга, 2001. – 702 с.
- 162 Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып 16. – М.:Прогресс, 1989. – С. 43-78.
- 163 Сепир Э. Язык. Общие проблемы языка. //Избр. Труды по языкозн. И культурологии. – М.:Прогресс, 1993. – С. 26-203.
- 164 Скаличка В. Копенгагенский структурализм и «Пражская школа». // Пражский лингвистический кружок. – М.:Прогресс, 1967. – С.277-316
- 165 Скаличка В. Типология и тождественность языков. // Исслед-ия по структурной типологии. – М.:Изд-во АН СССР, 1963. - С.32-34
- 166 Складская Г.Н. Прагматика и лексикография // Прагматика и проблемы интенциональности. – М. АН СССР, Ин-т языкознания, 1988.
- 167 Соссюр Ф. де .Труды по языкознанию. – М.: Прогресс. – 695 с.
- 168 Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.:Наука, 1985.
- 169 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
- 170 Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Наука, 1998.
- 171 Степанов Ю.С. Семиотика: Антология. Вводная статья. – М.:Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 5-42.
- 172 Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М.:Прогресс, 1985. – С. 129-154.
- 173 Сусов И.П. Семиотика и лингвистическая прагматика. Язык, дискурс, личность. – Тверь, 1990. – 320 с.
- 174 Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц.- М.:Наука, 1986. – 143 с.
- 175 Теория метафоры: Сборник. Пер с англ., фр., нем., исп., польск., яз. / Вступ. Ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.

- 176 Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
- 177 Токарева И.И. Этнолингвистика и этнография общения. – Мн.: МГЛУ, 2003. – 244 с.
- 178 Толстой Н.И. Язык и культура // Некоторые проблемы славянской этнолингвистики. – Zeitschrift für Slavische Philologie, Heidelberg, 1990. – 357 s.
- 179 Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960.
- 180 Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. – М.:Прогресс, 1970, вып 5. – С.250-299.
- 181 Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.:Наука, 1974.
- 182 Уфимцева А.А. Семантика слова.// Аспекты семантических исследований. – М.:Наука, 1980.—С.5-80
- 183 Уфимцева А.А. Лексическое значение (принципы семиологического описания лексики). – М.:Наука, 1986.
- 184 Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных.// Семиотика и информатика. Вып 35. Opera selecta. – М.:Русские словари, 1997.
- 185 Филмор Дж.Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 12. – М.: Радуга, 1983. – С. 74-122.
- 186 Филмор Дж.Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 52-92.
- 187 Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму./ Сост., пер. И вст. ст. К.Г. Косикова. – М.: Прогресс, 2000.
- 188 Французская философия сегодня: анализ немарксистских концепций.- М.: Наука, 1989.
- 189 Фуко М. Theatrum philosophicum. Складка. М.:Прогресс, 1988.
- 190 Фуко М. Порядок дискурса// Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.,1996.
- 191 Фундаментальные направления современной американской лингвистики. // Сб. обзоров. –Изд-во МГУ, 1997. – 454 с.
- 192 Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка.- Мн.:Высшэйшая школа, 1986.
- 193 Хельбиг Г. Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков. // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 25. – М.:Прогресс, 1989. – 306-327.
- 194 Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М.:МГУ, 1962.
- 195 Хомский Н. Язык и мышление. – М.:Изд-во МГУ, 1972.
- 196 Хэар Р.М. Дескрипция и оценка. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.:Прогресс, 1985. – Вып.16. – С.183-195.
- 197 Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. – М.: Прогресс, 1964.
- 198 Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М.:Прогресс, 1975.
- 199 Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.:Радуга, 1983. – Вып.12. – С.35-73.
- 200 Шведова Н.Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове. // Слово в грамматике и в словаре. – М.:Наука, 1984. – С. 7-15.

- 201 Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // ВЯ, № 1, 1999. – С. 3-16.
- 202 Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.:Наука, 1973.
- 203 Шмелев Д.Н. О переносных значениях слов. // Русская речь, 1978, №3. – С.63-68.
- 204 Шмелев Д.Н. Введение. //Способы номинализации в современном русском языке. – М.,1982. – С. 3-44.
- 205 Шмелева Т.В., Шмелев А.Д. Прагматические аспекты теории референции // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М., 1984. – С. 97-136.
- 206 Щедровицкий Г.В. Об одном направлении современной методологии //Философия. Наука. Методология. – М.:Наука,1997.
- 207 Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. // Языковая система и речевая деятельность. – Л.:Наука. Ленингр. Отделение, 1974. – С.265-304.
- 208 Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. // Языковая система и речевая деятельность. – Л.:Наука, 1974. – 428 с.
- 209 Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – С.-Петербург, 2004 – 538 с.
- 210 Эко У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна // Философия эпохи постмодерна. – Мн., 1996.
- 211 Эшби У. Росс. Принципы самоорганизации // Вопросы философии, № 2, 1996.
- 212 Якобсон Р. Итоги 9 Международного конгресса лингвистов // Новое в лингвистике. Вып. 4. – М.:Прогресс, 1965. – с.576-588.
- 213 Якобсон Р.Я. Вместо предисловия к кн. Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси, 1984. – С. 3-16.
- 214 Якобсон Р. Избранные работы. – М.:Прогресс,1985.
- 215 Якобсон Р. Работы по поэтике. – М.:Прогресс, 1987 .
- 216 Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М.:Наука, 1984.
- 217 Язык и наука конца XX века. – М., 1999.
- 218 Armengaud F. La pragmatique. – Paris:Que sais-je? PUF, 1985.
- 219 Barsalou L.W. Cognitive Psychology. An Overview for Cognitive Scientists. – Hillsdale: LEA, 1992. –198 p.
- 220 Barthes R. S/Z. – Paris: Seuil, 1972.
- 221 Barthes R. Le bruissement de la langue. – Paris: Seuil, 1984.
- 222 Bendix E.G. Componential Analysis of General Vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese. - Indiana Univ., Bloomington: Mouton. – The Hague, 1966. – 190 p.
- 223 Benveniste E. Problèmes de linguistique generale: en 2 T/ - Paris:Gallimard, 1966.
- 224 Berg J. Is Semantics still Possible? // Journal of Pragmatics. – 2002.-vol.34. – P.349-359.

- 225 Berrendonner A. *Eléments de pragmatique linguistique*. – Paris: Les éditions de minuit, 1981.
- 226 Bidu-Vranceanu A. *Problèmes d'analyse des champs lexicaux*. // *Logos Semanticos*. – Madrid:Gredos, 1981. –V.3. – P.349-360.
- 227 Bierwisch M. *Semantics// New Horizons in Linguistics*. - New-York-London:Penguin Books, 1970. – P. 166-185
- 228 Bierwisch M. *Modern Linguistics. Its Development & Problems*. – The Hague-Paris: Mouton, 1973.
- 229 Blair H. *Lectures on Rhetoric and Belles Lettres*.- London, 1845
- 230 Bréal M. *Essai de sémantique (Science de signification)*. – Paris, 1982.
- 231 Brekle H.E. *Sémantique*. –Paris: Colin, 1974.
- 232 Brunot F. *Histoire de la langue française dès origines à nos jours: en 12 T.* – Paris:1906.
- 233 Brunot F. *La pensée et la langue*. – Paris:Masson et Cie,1922.
- 234 Carnap R. *Introduction to semantics*. // *The Landmarks of American Language and Linguistics*. –V.1,1997. – P.3-4.
- 235 Chiss J.-L., Filliolet J., Maingueneau D. *Linguistique française. Communication – Syntaxe-Poétique. Initiation à la problématique structurale*. –Paris:Hachette,1992.
- 236 Chiss J.-L., Puech C. *Fondation de la linguistique. Etudes d'histoire et d'épistémologie*. 2-ième ed.- Duculot s.a., 1997.
- 237 Chomsky N. *Language & Mind*. – New-York, 1972.
- 238 Chomsky N. *Rules & Representations*. – New-York, 1980.
- 239 Chomsky N. *Barriers*. – Cambridge Mass., London, 1986.
- 240 Coseriu E. *Pour une sémantique diachronique structurale*. // *Travaux de linguistique et de littérature*.- Strasbourg,1964. – P.139-186.
- 241 Coseriu E. *Les structures lexématiques// Zeitschrift fur französische Sprache und Literatur. Probleme der Semantik. Beiheft, neue Folge*.— Wiessbaden,1968. Heft 1. – S. 3-16
- 242 Coseriu E. “Champ” et relations inter-lexicales // A.Rey. *La lexicologie. Lectures*. –Paris:Klincksieck, 1970. – P. 137-143.
- 243 Coseriu E. *Principios de semantica structural*. –Madrid:Gredos,1977.
- 244 Damourette J., Pichon E. *Essai de grammaire de la langue française: en 7 v.*- Geneve:Slatkine reprints, 1983. – V.III. – 715 p.
- 245 Danes F. *The Relation of Center& Periphery as a Language Universal// Travaux linguistiques de Prague*. - Praha:Academia,1966. – P. 9-23.
- 246 Darmesteter A. *La vie des mots étudiés dans leurs significations*. – Paris:Ch. Delagrave,1886.
- 247 Dauzat A. *Etudes de linguistique française*. – 2-ième ed. – Paris:Ed. D'Autrey, 1946.
- 248 Dauzat A. *La géographie linguistique*. – Paris,1922.
- 249 Deleuse G., Guattari F. *Nomodology*. – New-York, 1986
- 250 Duchacek O. *Précis de sémantique française*. – Brno, 1967.
- 251 Duchacek O. *Differents types de champs linguistiques et l'importance de leur exploration// Zeitschrift fur französische Sprach und Literatur. Probleme der Semantik. Beiheft, neue Folge*. – Wiesbaden,1968. Heft.1.- S. 25-36.

- 252 Dubois J. et al. Dictionnaire de linguistique. – Paris:Librairie Larousse,1973. – 516 p.
- 253 Eco U. Le signe. – Bruxelles: Ed. Labor, 1988.
- 254 Eco U. Sémiotique et philosophie du langage. - Paris: PUF, 1988
- 255 Eco U. Les limites de l'interprétation. – Paris: Editions Grasset & Fasquelle, 1992.
- 256 Eluard R. La pragmatique linguistique. –Paris:Nathan,1985.
- 257 Galichet G. Le français moderne. Structure et fonctionnement. – Paris:PUF, 1975.
- 258 Geckeler H. Semantica structural y teoria del campo lexico. – Madrid: Gredos, 1976. – 327 p.
- 259 Geckeler H. Progrès et stagnation en sémantique structurale. // Logos semanticos.- Ed.Gredos, Madrid, 1981. –V.III. –P.51-69.
- 260 Genette G. Figures III . – Paris: Seuil, 1972. – 286 p.
- 261 Genette G. Palimpsestes: La littérature au second degré. – Paris, 1982. – 326 p.
- 262 Green G. Pragmatics and Natural Language Understanding. – Hillsdale, N.J.:Erlbaum,1989. – 192 p.
- 263 Greimas A. J., Courtes J. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie et du langage. – Paris: Hachette, 1993.
- 264 Greimas A.J., Fontanille J. Sémiotique des passions:Des états de choses aux états d'ame. – Paris: Seuil, 1991 – 336 p.
- 265 Grice P. Logic and Conversation //Syntax and Semantics/ - NY:Academy Press, 1975. - vol.3. Speech Acts. – P.41-58.
- 266 Guilbert L. La créativité lexicale. – Paris,1975.
- 267 Guiraud P. Les champs morpho-sémantiques // Bulletin de la Societe de la linguistique de Paris. – vol.52, fsc 1, 1957.
- 268 Guiraud P. La sémantique. – Paris: PUF, 1975.
- 269 Hall. –Jr. R.A. Eternal history of the Romance Languages.- Connell Univ.,NY,London,Amsterdam:Elsevier,1974.
- 270 Halliday M.A.K. La sémantique et la syntaxe dans une grammaire fonctionnelle // Sémantique et logique. – Paris: Delagre, 1976. – P. 139-167.
- 271 Halliday M.A.K. Towards a Language-based Theory of Learning Linguistics and Education, 1993, N5. –P.93-116
- 272 Havranek B. Strukturalismus //Ottuv slovník naučný nove doby. – Praha,d.VII, 1940.
- 273 Hjelmslev L. Essais linguistiques . – Copenhagen, 1959
- 274 Jackendoff R. Semantic Structures. – Cambridge (Mass.), 1990.
- 275 Jakobson R. Selected Writings II. Word & Language. - Paris:Mouton, 1974.
- 276 James C. The Exculpation of Contrastive Linguistics. // The Landmarks of American Language and Linguistics. –V.1,1993. – P.87-101.
- 277 Kadmon N. Formal Pragmatics: Semantics, Pragmatics, Presupposition and Focus. – Malden, 2001. –204 p.
- 278 Katz J.-J., Fodor J.A. The Structure of a Semantic Theory. //Language, 39, 1963.

- 279 Lakoff G. Classifiers as a reflection of mind // Cognitive Science Report, N 19, Berkeley, 1984 –52.
- 280 Lakoff G. Women, Fire & Dangerous Things. – Chicago, 1987.
- 281 Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar.vol.1 Theoretical Prerequisites, vol.2 Descriptive Application. Stanford U.P. California 1987.
- 282 Leech G. N. Principles of Pragmatics. – London, New – York:Longman, 1983. – 250 p.
- 283 Lehrer A. Semantic Fields & Lexical Structure. – Amsterdam, London: North-Holland publ. Co., 1974,- 225 p.
- 284 Levinson S.C. Pragmatics. – Cambridge:Cambr. Univ. Press, 1983.
- 285 Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. – Cambridge Univ. Press, 1968.
- 286 Lyons J. Semantics. – London,N.Y.:Cambridge Univ.Press,1977. – V.1-2.
- 287 Man P. de Blindness & Insight:Essays in the Rhetoric of Contemporary Criticism. – Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1983.
- 288 Martin R. Pour une logique du sens. – Paris:PUF, 1983.
- 289 Martinet A. Eléments de linguistique générale. – Paris:Armand Colin, 1967.
- 290 Martinet A. Structural Linguistics. Anthropology Today. – Chicago, 1968.
- 291 Meillet A. Linguistique historique et générale. – Paris, 1926.
- 292 Meyer B. Métonymie et métaphore adjectivales. // Le Français moderne, N4, 1988. – P.193-213.
- 293 Milner J.C. Introduction à une science du langage. – Paris:Le Seuil, 1989.
- 294 Moeschler J. Théorie pragmatique et pragmatique conversationnelle. – Paris, 1996.
- 295 Molino J. Métaphores, modèles et analogies dans les sciences. // Langages, N54, 1979. – P.83-103.
- 296 Morris Ch. Signs, Language & Behaviour. – New-York, 1980.
- 297 Mounin G. La Sémantique. – Paris:Seghers, 1975.
- 298 Mounin G. Clefs pour la sémantique. – Paris: Les ed. De Minuit, 1970.- 241 p.
- 299 Nida E.A. Exploring Semantic Structures. – Munchen:Wilhelm Fink Verlag, 1975.
- 300 Pottier B. Sémantique et logique. Etudes sémantiques. – Paris:Delarge, 1976.
- 301 Pottier B. Sémantique générale. – Paris:PUF, 1992.
- 302 Prigogine I. La Nouvelle Alliance. – Paris, Gallimard, 1986.
- 303 Rey A. La lexicologie: Lectures. – Paris:Klincksieck, 1970.
- 304 Rey-Debove J. Ordre et désordre dans le lexique. //Logos Semantics. – Ed.Gredos, Madrid, 1981. –V.III. – P. 447-469.
- 305 Rosh E. H. Principles of Categorization // Cognition & Categorization. – Hillsdale, 1987.
- 306 Sauvageot A. Portrait du vocabulaire français. – Paris:Larousse, 1964.- 285 p.
- 307 Schogt H. Synonymie et signe linguistique. // Linguistique, Paris, 1972. – V.8, N2 .- P.5-38.

- 308 Searle J.R. Expression and Meaning. – Cambridge:Cambr.Univ.Press, 1979.
- 309 Verschueren J. Understanding pragmatics. – London, N.Y.:Oxford Univ.Press,1999.
- 310 Weinreich U. Exploration in Semantic Theory // Current Trends in Linguistics. Ed. By J.A. Sebeok. V.II. Theoretical Foundations. – New-York, London: Mouton, 1970.
- 311 Whorf B.L. Collected papers on metalinguistics. – Washington, 1952
- 312 Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics. – 1991
- 313 Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture – specific configuration. – N.Y., Oxford, 1992.
- 314 Wierzbicka A. Semantics: primes and universals. – Oxford, N.Y.:Oxford Univ. Press, 1996.
- 315 Wotjak G. La sémantique lexicale – état actuel et perspectives // Linguistische Studien. – Berlin,1987. – S.45-85.
- 316 Zobotkina V. Cognitive-Pragmatic Approach to Lexicological Studies //Proceedings of the 16-th International Congress. – Paris, 1997. – P. 115-121.

СЛОВАРИ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

- 1.Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1969. – 607с.
2. Бородина М.А., Гордина М.В., Шишмарев В.Ф. Словарь старофранцузского языка. – М.-Л.: Изд-во АН, 1955. – 275 с.
3. Веденина Л.Г., Боботов С.В., Вдовин И.С. и др. Франция. Лингвострановедческий словарь./ Под общ. ред Л.Г. Ведениной. - М.: Интердиалект+/ АМТ, 1997. – 1040 с.
4. Гак В.Г., Ганшина В.А. Новый французско-русский словарь. – М.: Русск. яз.,1994. – 1994 с.
5. Дворецкий . И.Х. Латинско-русский словарь. 6-е изд., стереотипное. М. Изд-во «Русский язык». 2000. – 846 с.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов./ Под общ.ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996. – 245 с.
7. Латинско-русский и русско-латинский лексиконь. Иван Корнеберг. Москва, 1860.—347 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. / Под общ. ред. В.Н.Ярцевой. – М.: Сов энциклопедия, 1994. – 805 с.
9. Малинин А.М. Латинско-русский словарь. Москва, 1952. – 763 с.

Удалено:

10. Хэмп А. Словарь американской лингвистической терминологии. – М.:Прогресс, 1964.—387 с.
11. Bailly R. Dictionnaire des synonymes de la langue française.- P.: Librairie Larousse, 1947.-- 626 p.
12. Benac H. Dictionnaire des synonymes.
13. Bloch O., Wartburg W. von. Dictionnaire étymologique de la langue française. – P.: PUF, 1960. – 674 p.
14. Breal M. Bailly A. Dictionnaire étymologique latin. – P.:Librairie Hachette. 1911. –476 p.
15. Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages. – Chicago. Illinois :The Univ. of Chicago Press, 1949. – 1515 p.
16. Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique.- P.: Librairie Larousse, 1964. – 805 p.
17. Decahors E. Dictionnaire Français-Latin.
18. Dictionnaire Bordas des synonymes, analogie et antonymes. – P.:Les Referents Bordas, 1994. – 930 p.
19. Dictionnaire Hachette encyclopédique illustré. Resp. d'ed. J. Demougin. – P. - Hachette Livre, 1997.- XIY, 2066+ Atlas.
21. Dictionnaire du français contemporain. Dubois J., Lagane R., Niobey G.- P.:Larousse, 1970, 1985.- 1223p.
- 22 Dictionnaire Quillet de la langue française. – P.: Librairie A. Quillet, 1961. – v. 1-3.
23. Dubois J. et autres. Dictionnaire de linguistique. – P.:Librairie Larousse, 1980. – 516 p.
24. Ducrot O., Todorov T. Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage. – P.:Larousse, 1972. – 507 p.
25. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. –P.:Klincksieck, 1959. – 820 p.
26. Gaffiot F. Dictionnaire illustré latin-français. – P.:Librairie Hachette, 1934. – 1698, XYII p. avec ill.
27. Goelzer H. Lexique français-latin. – P.:Librairie Hachette, 1929. – 674 p.
28. Grand Larousse de la langue française. – P.:Librairie Larousse, 1971- 1978. – v. 1-7.
29. Grand Dictionnaire de la psychologie. P.:Larousse, 1991. –957 p.
30. Greimas A.J., Courtes J. Semiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. – P.:Librairie Hachette, 1993. – 454 p.

31. Quicherat L., Develuy A. Dictionnaire latin-français. – P.: Librairie Hachette, 1927 – 1515.
32. Hallig R., Wartburg W. von. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie Versuch eines Ordnungsschemas. – Berlin: Akademie. – Verlag, 1963. – 316 S.
33. Lexis. Larousse de la langue française. Librairie Larousse, 1977. – 1950 p.
34. Littré E. Dictionnaire de la langue française. – Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1994. – v. I-YI.
36. Morier H. Dictionnaire de poétique et de rhétorique. P.: PUF, 1961. – 348 p.
37. Mounin G. Dictionnaire de linguistique. – P.: PUF, 1974. – 340 p.
38. Nouvelle Encyclopédie Bordas. – P.: Bordas, 1985 – 1990, v. I-X.
39. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – P.: Robert, 1970- 1976.- V.1- 7.
40. Thesaurus linguae latinae. Editus auctoritate et consilio Academicarum quinque Germanicarum Berolinensis, Gottingensis ... Lipsiae, B.6. Teubneri, 1904-1912. – V. 3,5.
41. Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIX et XX siècle (1789 – 1967) publié sous la direction de P. Imbs. – P.: Klincksieck. – V.1-8. V.9. V.11. – P.: Gallimard.
42. Wartburg W von. Französisches Etimologisches Wörterbuch. Eine Darstellung des galloromanischen Sprachschatzes. 2-te Aufl. – Tübingen: Mohr, 1948-1963.- Bd. 1-17.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1 А

FORTIS

(7) Физич. сила (чел.)	Сила, желание (неодушел. абстр.) (14)
(7) <u>Энергичность</u>	Сила (неодушевл., конкр.) (13)
(5) <u>Моральн. сила</u>	Мощь (7)
(4) <u>Важность (конкр.)</u>	<u>Храбрость</u> (4)
(3) <u>Солидность (матер.)</u>	Верность, надежность (чел.) (3)
	Важность, значительность (чел.) (2)

1 В

FORT

(16) Преувеличенность (больше нормы)	Большая интенсивность (17)
(9) <u>Энергичность, твердость</u>	Физическая сила (16)
(7) <u>Влиятельность (люди)</u>	Значит. колич., размер (10)
(6) <u>Решительность, стойкость</u>	Сильные вещи (8)
(5) <u>Мужество</u>	<u>Интеллект, сила, знания</u> (6)
(2) <u>Жестокость</u>	<u>Исключительность</u> (6)
(5) <u>Моральная сила</u>	Солидность, твердость (3) (вещи)

Цифрами обозначено количество членов ЛСП, обладающих данным признаком.

Подчеркнуты прагматические значения

1 C

INFIRMUS

(11) Слабый (о вещах)	Слабый телом (12)
(13) <u>Хрупкий морально</u>	
(5) <u>Вялый, ленивый</u>	Трусливый, неэнергичный (8)
(4) <u>Больной</u>	Хрупкий физич. (5)
(3) Незначительный (абстр.)	<u>Слабый морально</u> (5)
(1) Незначительный (о людях)	Легкий (о вещах) (1) <u>Бесплодный</u> (1)

1D

FAIBLE

(14) Отсутствие моральн. силы	Бессилие (15)
(11) Неспособность сопротивляться	Недостаток физич. силы (15)
(7) <u>Недостаток ума, способностей</u>	Недостаток стойкости, некреп-
(7) Слабость, малость	кость (вещи) (12)
(9) Неэффективн., неинтенсивн.	<u>Незначительность, бессилие</u> (6)
(3) <u>Сложный</u>	<u>Приятный</u> (3)
(2) <u>Слабая сторона чего-либо</u>	

2A**F O R T I S**

I	Validus - (50)	Robustus (5)	Magnus + (5)	Potens (5)			
II	Valens (4)	Firmus (4)	Solidus (4)				
III	Acer(3)	Saevus - (3)	Violentis - (3)	Animosus (3)	Efficax + (3)	Pervalidus (3)	Durus-(3)
IV	Vehemens – (2)	Nervosus (2)	Incitatus (2)	Stabilis (2)			
V	Vegetus + (1)	Lacertosus (1)					

2B**F O R T**

I	Violent – (9)	Courageux + (8)	Grand (7)	Robuste (6)		
II	Puissant (6)	Vigoureux (6)	Important + (6)	Gros - (6)	Influant+(6)	Lourd (6)
III	Dur (5)	Solide (5)	Energique + (5)	Abondant +(5)	Efficace + (5)	Outré -(5)
IV	Ferme+ (4)	Epais (4)	Exagéré (4)	Tenace (4)		
V	Agissant + (3)	Large (2)				

Цифры в скобках -- количество СК в структуре слова

Значки + - -- положительная / отрицательная коннотации слов

2C**INFIRMUS**

- I   Imbeccelis (5)   Invalidus (4)   Impotent (4)
- II Debilis (3) Langidus - (3) Hebes - (3) Fluidus (3) Fragilis - (3) Delumbis (3)
Enervis - (3)
- III Imbellis + (2) Frigidus (2)   Causarius (2)   Surdus (2)   Labilis (2)
- IV Inermus (1) Laxus (1) Veternosus - (1) Insolidus (1) Invalentudinarius (1)

2D**FAIBLE****PETIT (11)**

- I   Impuissant (7)   Mou - (7) Indécis (7)
- II   Impotent - (6)   Incertain (6)   Insuffisant (6)
- III   Anémique - (5)   Débile -(5)   Las (5)   Délicat + (5)
- IV Apathique - (4) Inerte (4) Chétif (4) Veule -(4) Fragile (4) Fatigué (4) Lâche -(3)
Languissant (3)

Содержание

Предисловие	3
Введение	5
Глава 1. Теоретические и когнитивные основы прагматики в семантических исследованиях.....	11
1.1. Основные предпосылки когнитивно-прагматической парадигмы в современном языкознании.....	11
1.1.1. Смена парадигм в современной лингвистике	11
1.1.2. Интеграция парадигм. Когнитивная лингвистика	20
1.1.3. Постструктурализм и системность в языке.....	24
1.2. Прагматика как системный фактор в лексико-семантической эволюции языка.....	29
1.2.1. Когнитивно-прагматический подход.....	29
1.2.2. Определение прагматики.....	37
1.2.3. Прагматический компонент и эволюция ЛСП.....	44
1.3. Синергетическая концепция в современном языкознании.....	53
1.3.1. Теория неравновесности. Основные постулаты.....	53
1.3.2. Синергетическая методология в анализе лексики.....	62
1.4. О специфике семантики и прагматики прилагательных.....	70
1.4.1. Прагматичность прилагательных.....	70
1.4.2. Анализ латинских и французских ЛСП. Фактор ризомы.....	77
Выводы по 1-й главе.....	85
Глава 2. Роль прагматики в формировании лексической парадигмы.....	89
2.1. Иерархия и принцип полевого строения лексической парадигмы.....	89
2.1.1. Системность в лексике. Новый этап.....	89
2.1.2. Особенности организации ЛСП.....	96
2.2. Размытость парадигмы и взаимодействие нескольких полей... ..	102
2.3. Изоморфизм семантики и прагматики в структуре слова и строении поля.....	112
Выводы по 2-й главе.....	119
Глава 3. Взаимосвязь семантико-прагматических процессов.....	123
3.1. Семиотическое пространство и проблемы категоризации.....	123
3.1.1. Гештальт и прототипы как когнитивные модели.....	123

3.1.2. Прагматическая характеристика членов ЛСП латинского и французского языков.....	135
3.2. Нейтрализация и синкретизм в лексической парадигме.....	143
3.3. Механизм взаимобратимости семантики и прагматики.....	151
3.4. К вопросу о коннотации.....	161
3.5. Семантическая неопределенность слова как прагматическое явление.....	172
Выводы по 3-й главе.....	179
Заключение.....	184
Литература.....	189
Словари и лексикографические труды.....	202
Приложение	205

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ